

Формат бумаги для печати – А5
Подготовка электронной формы: Г.А.Вартанян
Загружено с сайта www.hari-katha.org

Книга

Мирдада

Михаил Найми

Необыкновенная история монастыря,
который когда-то назывался Ковчегом

ИД «ВЕСЬ»
Санкт-Петербург
2004

Это загадочное и мистическое произведение принадлежит перу классика современной арабской литературы Михаила Найми, друга выдающегося арабо-американского писателя, поэта, философа и художника Халили Джебрана.

Ошо, просветленный мастер XX столетия, так говорит об этой книге: «Книга Мирдада» — одна из моих самых любимых книг. Она из тех книг, которые будут жить вечно. Если бы я должен был составить список великих книг, ее бы я поставил первой».

В книге говорится о том, что важно для каждого человека: любовь и ненависть, вера и предательство, время и смерть, добро и зло. Легенда, философия и поэзия волшебным образом переплелись в этой необыкновенной книге. Ее вековая мудрость и мягкая лиричность образуют экзотический узор восточной притчи.

Настоятельно рекомендуется прочесть также книгу Пророк, написанную другом и соратником автора - Халилем Джебраном (Khalil Gibran. The Prophet)

ББК 83. 37 Н20

THE BOOK OF MIRDAD

MIKHAIL NAIMY

Watkins Publishing London

Найми М. Н20 Книга Мирдада. Необыкновенная история монастыря, который когда-то назывался Ковчегом / Пер. с англ. Т. Лебедевой. - СПб. : ИД «ВЕСЬ», 2004. 224 с. — (Из мира Ошо).

© Mikhail Naimy, 2002.

© Watkins Publishing, 2002.

© ИД «Весь», 2004

ISBN 5-95730-008-X.

Оглавление

Об авторе	5
История книги. Блуждающий монах	6
Каменный склон	8
Хранитель Книги	14
Глава 1 Мирдад предстает в истинном свете и говорит о вуалях и печатях.	22
Глава 2 Творящее слово. “Я” — источник и центр всего.	25
Глава 3 Святая троица и совершенное равновесие.	27
Глава 4 Человек — суть младенец-бог.	28
Глава 5 Слово божественное и слово человека.	29
Глава 6 Мастер и слуга. Братья высказывают свое мнение относительно Мирдада.	32
Глава 7 Майкайон и Наронда ведут ночную беседу с Мирдадом, который намекает им на грядущий потоп и просит их быть готовыми.	34
Глава 8 Семеро монахов ищут Мирдада в «убежище», где он предупреждает их о поступках, свершенных во мраке.	37
Глава 9 Путь к жизни без боли. Братья хотят знать, является ли Мирдад Тайным пассажиром Ковчега.	40
Глава 10 Об осуждении и Судном дне.	41
Глава 11 Любовь — божественный закон. Мирдад указывает на враждебность между двумя братьями, призывает арфу и поет гимн новому Ковчегу.	44
Глава 12 О творческой тишине. Самая лучшая речь — это всего лишь правдивая ложь.	48
Глава 13 О молитве.	50
Глава 14 Беседа между двумя архангелами и беседа между двумя архидемонами о без временном рождении человека.	53
Глава 15 Шамадам пытается выслать Мирдада из Ковчега. Мастер говорит об оскорблении и о том, что значит оскорбленным быть. О том, как сохранить Священное Понимание в мире.	56
Глава 16 О кредиторах и должниках. Что такое деньги? Рустидиону прощается его долг Ковчегу.	59
Глава 17 Шамадам пытается подкупить братьев, чтобы переманить их на свою сторону в борьбе с Мирдадом.	61
Глава 18 Мирдад угадывает смерть отца Химбала и обстоятельства, при которых он погиб. Он говорит о смерти. Время — величайший обманщик. Колесо времени.	62
Глава 19 Логика и вера. Самоотречение — это самоутверждение. Как остановить колесо времен. Рыдания и смех.	65
Глава 20 Куда мы уходим после смерти? Что такое покаяние.	67
Глава 21 Святая Воля Всеединая. Почему происходит то, что происходит и тогда, когда происходит.	69
Глава 22 Мирдад освобождает Цамору от его секрета. Он говорит о мужественности и женственности, о браке и о воздержании, и о человеке обновленном.	72

Глава 23 Мирдад исцеляет Сим-Сим и говорит о старости.	76
Глава 24 Законно ли убивать, чтобы есть?	79
Глава 25 День виноградной лозы. Подготовка к празднику. Исчезновение Мастера накануне праздника.	82
Глава 26 Мирдад обращается со страстной речью к гостям, пришедшим на праздник, и освобождает Ковчег от мертвого груза.	84
Глава 27 Можно ли возвещать истину всем или лишь немногим избранным? Мирдад раскрывает тайну своего исчезновения накануне Дня виноградной лозы. Говорит о фальшивой власти.	90
Глава 28 Принц Бетара вместе с Шамадамом появляется в «убежище». Беседа между принцем и Мирдадом о мире и войне. Шамадам заманивает Мирдада в западню.	93
Глава 29 Шамадам тщетно пытается переманить монахов на свою сторону. Чудесное возвращение Мирдада. Мирдад дарит поцелуй веры всем, кроме Шамадама.	98
Глава 30 Мастер рассказывает сон Майкайона.	102
Глава 31 Великая Ностальгия.	105
Глава 32 О грехопадении и о фиговом листе.	108
Глава 33 О несравненной певица ночь.	113
Глава 34 О Материнской яйцеклетке.	118
Глава 35 Искры на пути к Богу.	122
Глава 36 День Ковчега и его ритуалы. Послание от принца Бетара. О живой лампаде.	126
Глава 37 Мирдад предупреждает народы о потопах огня и крови, указывает путь, как можно избежать потопа и отправляет Ковчег в плавание.	129

Об авторе

Михаил Найми родился в Баскинта, небольшом городке, расположенном на высоком склоне величественной горы Саннин, смотрящей на Восточное Средиземноморье, в самом центре Ливана. Он родился в православной греческой семье и был третьим из пяти братьев и одной сестры. Желание получить образование привело его из сельской школы, организованной русской миссией, в Русский педагогический институт в Назарете, в Палестине. Затем он учился в духовной семинарии в Полтаве, на Украине, и после этого поступил в Вашингтонский университет в Соединенных Штатах, и в 1916 году получил дипломы об окончании гуманитарного и юридического факультетов. В том же году он переехал в Нью-Йорк, где вместе со своим близким другом Халилем Джебраном основал движение по возрождению арабской литературы. После смерти Джебрана и двадцати лет жизни в Америке (прерванной лишь на год, когда он с 1917 по 1918 год служил в рядах американской армии во Франции), он вернулся домой в живописный Баскинта в Ливане, где посвятил себя размышлениям и написанию книг о глубочайшем смысле бытия. Михаил Найми умер в 1988 году. Все его произведения, а таковых 31, признаны классическими во всем арабском мире и многих других странах. В англоговорящих странах он широко известен как автор «Книги Мирдада», которая переведена на многие европейские языки. Другие работы Найми, написанные на английском языке: «Воспоминания странствующей души, или Рябое лицо», «До того, как мы встретились» и «Биография Халиля Джебрана», который был его лучшим другом и компаньоном в течение шестнадцати лет.

История книги. Блуждающий монах

В глубине Молочных гор, на Алтарной вершине, возвышается мрачный монастырь. Некогда он назывался Ковчег. Время не щадит его, и скоро на этом месте останутся лишь руины. История его возникновения теряется во мраке веков — по преданиям, он появился здесь вскоре после Всемирного Потопа.

Множество сказаний повествует о Ноевом Ковчеге. Одну такую историю услышал я от жителей селения, в котором жил как-то жарким летом. Сидя в тени гор, я внимал рассказу.

«Спустя годы после Потопа Ной со своей семьей, которая к тому времени сильно разрослась, добрался до Молочных гор. Здесь они обнаружили плодородные долины, полноводные реки и мягкий климат, и решили поселиться в одной из долин.

Когда Ной почувствовал, что дни его сочтены, он призвал к себе сына Сэма, чьи помыслы отличали глубина и возвышенность. Когда тот пришел, Ной обратился к нему со словами: «Сын мой! Урожай лет твоего отца более чем богат. Ныне последняя копна ждет своего серпа. Ты и твои братья, и ваши дети, и дети ваших детей вновь заселите осиротевшую Землю, и семена ваши будут как песчинки в море, потому что так обещал Господь.

Но одна мысль терзает меня неотступно на закате дней моих. Вскоре люди забудут о Потопе, о плотских страстях и злобе, послуживших причиной наказания. Они забудут и о Ковчеге, и о Вере, что помогла нам пять тысяч сто дней бороться с яростью жаждущих мщения глубин. И не вспомнят они о Новой Жизни, которую несет собой наша Вера, хотя сами станут сынами ее.

Дабы не случилось этого, прошу тебя, сын мой, воздвигни алтарь на самой высокой вершине здешних гор и назови ее Алтарной. Затем вокруг алтаря построй дом, формой точь-в-точь как ковчег, но только гораздо меньше, и назови его Ковчегом.

Над алтарем сим я хочу в последний раз возблагодарить Всевышнего. Я зажгу огонь и прошу тебя беречь и поддерживать его, чтобы он горел вечно. Дом же станет святым прибежищем небольшой группы избранных людей. Их всегда должно быть девять — не больше и не меньше, и станут они зваться Братством Ковчеха. Когда один умрет, Бог тут же приведет кого-то на место ушедшего. Они не будут покидать монастырь до конца дней своих, ведя жизнь уединенную, исполняя заветы нашего Ковчеха. Поддерживая огонь Веры, будут они молить Всевышнего наставить их на путь истинный, и будут молиться за каждого из братства. Существовать они смогут на пожертвования верующих».

Сэм, внимавший каждому слову отца, прервал его и спросил, почему их должно быть девять, не больше и не меньше. Ответ гласил: «Девять — ибо таково было число тех, кто правил Ковчегом».

Сэм смог насчитать только восемь человек: его отец и мать, он сам со своей женой, да двое его братьев с женами. Поэтому слова отца показались ему еще более странными. Ной, видя его затруднение, продолжил: «Я открою тебе великую тайну. Девятый пассажир прокрался на корабль тайком. Только я знал о нем, и только я мог его видеть. Он был моим рулевым. Не спрашивай меня больше, но не забудь

построить комнату и для него. Таково мое желание, Сэм. И тебе предстоит исполнить его».

Сэм сделал все, как велел отец.

Когда Ной покинул этот мир, дети похоронили его под алтарем в Ковчеге.

С течением времени Ковчег стал принимать пожертвования верующих больше, чем это было необходимо, чтобы прожить. С каждым годом богатство монастыря росло. Монахи приобретали земли, золото, серебро и драгоценные камни.

Несколько поколений назад, когда один из девяти братьев умер, в ворота монастыря постучался странник и попросил принять его в братство. По нерушимому обычаю, его должны были принять в ту же минуту, ведь он был первым, кто постучался в ворота храма после смерти брата. Но Старейшиной братства на тот момент оказался человек своенравный и жестокосердный. Ему не понравился вид странника: тот был бос, оборван и изранен. И Старейшина отказал ему под предлогом, что он недостоин стать их братом.

Странник настаивал, чтобы его приняли. Старейшина разозлился и приказал ему немедленно убираться. Но странник продолжал стоять у ворот. В конце концов, Старейшина согласился взять его в качестве слуги.

Долго после этого Старейшина ждал, когда же провидение пошлет им нового брата взамен умершего. Но никто не пришел. Так впервые в истории Ковчега в храме стали жить восемь братьев и один слуга.

Прошло семь лет. Нище богатство не могло сравниться с богатством братии. Монастырские земли простирались на многие мили вокруг. Старейшина был счастлив и стал выказывать расположение страннику: «Ты принес Ковчегу удачу!»

Но на исходе восьмого года все изменилось. Мирное прежде братство охватили враждебные настроения. Старейшина приписал все неудачи страннику и решил выслать его из монастыря, но увы, было уже поздно. Монахи под предводительством странника больше не подчинялись правилам, им было все равно, что говорил Старейшина, они не желали его слушать. В течение двух лет братья распродали все имущество. Тем, кто арендовал монастырские земли, они отдали их в свободное владение. На третий год они покинули монастырь. Но самое страшное, странник наложил на Старейшину проклятие. Отныне Старейшина должен был оставаться в монастыре до скончания дней, а уста его навеки сомкнулись — Старейшина стал нем.

Так гласит легенда.

Нашлось немало свидетелей, уверявших меня, что много раз видели Старейшину. Иногда днем, иногда ночью, бродит он среди стен опустевшего, разрушенного временем храма. И никому не удавалось заставить его произнести хоть слово. Каждый раз, почувствовав чье-либо присутствие, он исчезает неизвестно куда.

Услышанная история лишила меня покоя. Образ одинокого монаха, блуждающего долгие годы по дворам древнего святилища там, на пустынной Алтарной вершине, захватил мое воображение. Беспреданно возникал он перед моим мысленным взором, и неодолимое желание тянуло меня к храму.

В конце концов, я сказал себе: «Я пойду туда».

Каменный склон

К западу от моря стоит крутая Алтарная вершина, открытая всем ветрам. Угрюмо и неприветливо смотрит она на мир, а на самом верху расположен бывший храм. К нему ведут две извилистые узенькие тропинки, каждая бежит по краю обрыва — одна шла с севера, другая с юга. Я же решил идти своим путем. Посередине между двумя тропами, спускаясь с вершины и доходя почти до самого подножья, виднелся узкий ровный склон, который показался мне самой легкой дорогой к вершине. Склон притягивал меня с неодолимой силой, и я решил пойти по нему.

Когда я рассказал о своем желании одному из местных жителей, он в страхе воззрился на меня, и, молитвенно сложив ладони, воскликнул:

«Каменный склон? Не будь глупцом! Разве тебе совсем не дорога жизнь?! Многие пытались сделать это до тебя, но никто не вернулся, чтобы рассказать о своих страданиях. Каменный склон? О нет, ни за что, ни за что!»

Он стал настаивать на том, чтобы провести меня в горы. Я вежливо отклонил его предложение. Как ни странно, его ужас подействовал на меня с точностью до наоборот. Вместо того чтобы отпугнуть, он лишь укрепил мою решимость.

И вот, ранним утром, когда ночная тьма уже почти рассеялась, я стряхнул с себя ночные сны, взял посох, семь буханок хлеба, и отправился в путь, на Алтарную вершину. Слабое дыхание угасающей ночи, быстрый ритм зарождающегося дня, настойчивое желание узнать тайну блуждающего монаха, и еще более настойчивое желание освободиться от себя самого, хотя бы на миг, каким бы кратким он ни был, — все это окрыляло меня и будоражило кровь.

Я отправился в путь с песней в сердце и твердым намерением исполнить задуманное. Но когда, спустя довольно продолжительное время, я достиг, наконец, подножия склона и окинул предстоящий мне подъем взглядом — песня застряла у меня в горле. То, что издали виделось ровной тропой, на деле оказалось непроходимой кручей. Всюду, куда ни посмотри, в высоту и в ширину — лишь камни, разного размера и формы, маленькие и большие, острые как шипы, и плоские, как заточенные ножи. Никаких признаков жизни. Впечатление было гнетущим. Я ощутил вдруг, как безотчетный страх ледяной волной окатил мое сердце. И все же я не хотел отказываться от своего плана.

Вспомнив горящие глаза доброго человека, отговаривавшего меня от этой затеи, я призвал всю свою решимость и стал взбираться по склону. Вскоре я понял, что, уповав лишь на помощь своих ног, я не сильно продвинулся вперед. Я скользил на каждом шагу, а шорох осыпающихся камней походил на предсмертный хрип — казалось, некий исполин, задыхающийся в мучительной агонии на дне пропасти, посылает мне вдогонку свое последнее проклятие. Чтобы хоть как-то двигаться, мне приходилось цепляться за подвижные камни ступнями, руками и коленями. Как же позавидовал я тогда ловкости горного барана!

Я карабкался зигзагами все выше и выше, не давая себе ни малейшей возможности отдохнуть, потому что боялся, что ночь застанет меня в пути. Мне совсем не хотелось возвращаться.

День был уже на исходе, когда я вдруг ощутил острый приступ голода. До этого я вовсе не думал ни о еде, ни о питье. Буханки хлеба, завернутые в платок, которым я обвязался вокруг талии, сейчас казались бесценными. Я присел, достал хлеб и уже

приготовился было проглотить первый кусок, как звон колокольчика, а вместе с ним плач тростниковой флейты заставили меня остановиться. Я был поражен. Сколь необычно было слышать подобные звуки здесь, в этой каменной пустыне!

Из-за скалы, справа от меня, появился крупный черный баран, скорее всего, вожак. Не успел я удивиться, как меня со всех сторон окружили бараны. Из-под их копыт тоже сыпались камни, но не так оглушительно, как это было в пору моего подъема. Вдруг, словно дождавшись приглашения, все стадо под предводительством вожака бросилось к хлебу. Они уже почти выхватили его у меня из рук, но тут раздался голос пастуха, загадочным образом возникшего прямо передо мной. Это был молодой человек поразительной внешности: высокий, сильный, с лучезарной улыбкой. Набедренная повязка была единственным его одеянием, а тростниковая флейта — единственной ношей.

— Мой вожак избалован, — произнес он тихо. — Я кормлю его хлебом, когда он у меня есть. Но те, у кого есть хлеб, редко посещают эти места. — Он повернулся к барану и сказал: — Видишь, как благосклонна к нам Судьба, мой преданный вожак? Никогда не ропщи на Судьбу.

После чего нагнулся и взял буханку. Полагая, что он голоден, я предложил ему:

— Мы разделим эту скудную еду. Здесь достаточно хлеба для нас обоих и для вожака.

Но, к моему крайнему изумлению, он кинул первую буханку баранам, затем вторую и третью, и так все семь буханок, откусывая от каждой по кусочку. Я был потрясен до глубины души и содрогнулся от гнева. Но, сознавая, что теперь уже ничего не исправишь, решил успокоиться и держать себя в руках. Озадаченно взглянув на пастуха, я произнес, наполовину умоляющее, наполовину с упреком:

— Теперь, когда ты скормил хлеб голодного человека баранам, неужто ты не напоишь его овечьим молоком?

— Молоко моих овец — яд для глупцов, а я бы не хотел, чтобы мои овцы были повинны в смерти, пусть даже дурака.

— Но в чем же моя глупость?

— В том, что ты взял с собою семь буханок хлеба, как будто путешествие займет семь жизней.

— Что ж, по-твоему, мне надо было взять семь тысяч?

— Ни одной.

— Отправляться в такое долгое путешествие без еды — ты это мне советуешь?

— Путь, который не снабжает путника, не стоит того.

— Значит, мне нужно есть камни и запивать их потом?

— В твоей плоти достаточно еды, а в крови — влаги.

— Ты насмехаешься надо мной, пастух. И все же я не буду смеяться над тобой в ответ. Тот, кто съел мой хлеб, хоть и оставил меня голодным, становится моим братом. Дело к ночи, и я должен продолжить свой путь. Не скажешь ли ты мне, далеко ли еще до вершины?

— Ты очень близок к Забвению.

С этими словами он поднес флейту к губам и зашагал прочь, унося с собой причудливый мотив, звучавший, точно жалоба из преисподней. Вожак пошел следом, а за ним потянулось и все стадо. И долго еще я различал сквозь гул осыпающихся камней их блеяние и плач тростниковой флейты.

Отгнав мысли о еде, я попытался восстановить силы и решимость, отнятые у меня пастухом. Если уж ночи суждено застать меня среди этих мрачных глыб, то я должен, по крайней мере, отыскать место, где мог бы вытянуть уставшие ноги, не опасаясь скатиться вниз. Итак, я снова принялся ползти вверх по склону. Глянув вниз, я едва мог поверить, что взобрался так высоко. Подножья горы уже не было видно. Вершина же казалась вполне достижимой.

Когда совсем стемнело, я добрался до небольшого каменного грота. И хотя камни нависали над пропастью, дно которой терялось во мраке, я все же решил заночевать здесь.

Острые камни, исполозовавшие мою обувь, не пощадил и моих ног. Кровь на ступнях запеклась, и когда я попытался снять сапоги, мне пришлось отдирать их. Мои ладони также были изранены, а ногти походили на кору, сорванную с сухого дерева. Одежда же превратилась в лохмотья. Голова была тяжелой, будто налита свинцом, и я не мог думать ни о чем другом, кроме сна.

Сколько я проспал — мгновение, час или вечность — я не знал. Я проснулся оттого, что какая-то сила тянула меня за рукав. Испугавшись и еще не до конца придя в себя, я поднялся и увидел перед собой молодую девушку с тусклым фонарем в руке. Она была обнажена. Черты ее лица и фигура были изящны и тонки. За рукав же меня тянула старуха, настолько же безобразная, насколько красива была девушка. Холодный озноб прошиб меня с головы до пят.

— Видишь, как благосклонна к нам Судьба, детка? — произнесла старуха, наполовину стащив с меня куртку. — Никогда не ропщи на Судьбу.

Язык отказывался мне повиноваться. У меня не было сил ни говорить, ни сопротивляться. Тщетно я призывал свою волю — казалось, она покинула меня навсегда. Совершенно беспомощный, я был в руках этой старухи и ее дочери, несмотря на то, что мог бы выгнать их из пещеры запросто, если бы только захотел. Но в том-то и дело, что у меня не было сил даже захотеть.

Не удовлетворившись одной только курткой, старуха стала раздевать меня дальше, до тех пор, пока я не оказался совершенно голым. Раздевая меня, она отдавала одежду девушке, и та облачалась в нее. Фонарь отбрасывал неверные тени на стену пещеры. Казалось, они исполняли какой-то танец — силуэты двух женщин сливались с силуэтом моего обнаженного тела, разъединялись вновь, — и картина эта наполнила меня ужасом и отвращением. Я наблюдал за ними, совершенно не понимая, что происходит, и не мог произнести ни слова, хотя именно слова сейчас мне были так необходимы, они были бы единственным моим оружием в том уязвимом положении, в котором я оказался. Наконец, с трудом ворочая языком, я произнес:

— Если ты, старая женщина, потеряла всякий стыд, то я нет. Я стыжусь своей наготы, даже перед такой бесстыжей ведьмой, как ты. Но еще более мне стыдно перед невинностью этой девушки.

— Она унесет твой стыд, ты же облачись в ее невинность.

— Зачем девушке носить изодранные мужские лохмотья того, кто заблудился в горах в такую ночь?

— Возможно, чтобы облегчить его ношу, а также согреться. Бедняжка дрожит от холода.

— Ну, а если мне станет холодно, что мне тогда делать? Тебе совсем меня не

жаль? Моя одежда — это все, что у меня есть сейчас на этом свете.

— Чем меньшим обладаешь ты, тем менее ты этим одержим.

Чем большим обладаешь ты, тем более ты этим одержим.

Чем более ты одержим, тем меньше ценен сам.

Чем менее ты одержим, тем больше ценен сам.

Пойдем отсюда, дитя мое.

Она взяла девушку за руку и собралась уходить. Сотни вопросов наполняли мой ум, но лишь один сорвался с губ моих:

— Прежде чем ты уйдешь, старая женщина, не будешь ли ты так добра сказать мне, далеко ли я нахожусь от вершины?

— Ты на краю Черной пропасти.

Их причудливые тени мелькнули в последний раз, когда они вышли из пещеры и исчезли в черной, как сажа, ночи. Волна холодного воздуха, неизвестно откуда взявшись, обдала меня с головой. За ней последовали еще более темные и еще более холодные волны. Казалось, что сами стены пещеры дышат холодом. Меня начало трясти. Мысли лихорадочно пронеслись в голове: бараны, пасущиеся на камнях, насмешливый пастух, эта старуха с девушкой, я, голый, весь в синяках и ссадинах, голодный, холодный, в полубреду, в этой пещере, на краю пропасти. . . Близок ли я к своей цели? Доберусь ли я до вершины? Кончится ли когда-нибудь эта ночь?

Постепенно, однако, я начал приходить в себя, и тут услышал собачий лай и вновь увидел свет прямо перед собой.

— Видишь, как благосклонна к нам Судьба, возлюбленная моя? Никогда не ропщи на Судьбу. — Голос принадлежал дряхлому старику, сгорбленному, с длинной бородой и трясущимися коленями. Возглас его был обращен к женщине такой же древней, как он сам, беззубой, лысой, тоже сгорбленной и трясущейся. Не обращая на меня внимания, он продолжал все тем же сдавленным голосом, который, казалось, с трудом вырывался из горла, — превосходные хоромы для нашей первой брачной ночи и чудесный посох взамен того, что ты потеряла. С таким посохом ты больше никогда не споткнешься, возлюбленная моя. С этими словами он поднял мой посох и отдал ей. Она склонилась над ним, нежно и ласково поглаживая морщинистой рукой. Затем, будто только сейчас заметив меня, он добавил: — Путник сейчас уйдет, любовь моя, и мы останемся одни и насладимся волшебными снами.

Его слова, подкрепленные рычанием собаки, прозвучали для меня как приказ, которому я был не в силах противостоять. Исполненный ужаса, я наблюдал за происходящим, будто во сне, и как во сне я встал и направился к выходу из пещеры, отчаянно пытаюсь произнести хоть слово, чтобы защитить себя. Наконец, мне это удалось:

— Вы взяли мой посох. Неужели вы будете так жестоки, что выгоните меня из пещеры, которая является моим прибежищем на эту ночь?

— Блаженны не имеющие посоха,

Ибо не собьются они с пути.

Блаженны бездомные,

Ибо они уже дома.

И только заблудившимся, таким, как мы,

Нужен посох.

И только привязанным к дому, таким, как мы,
Нужен дом.

Так они пели, готовя себе ложе, вонзая длинные ногти в землю и разравнивая ее.
Они пели, не обращая никакого внимания на меня. В отчаянии я закричал:

— Взгляните на мои руки! Взгляните на мои ноги! Я странник, сбившийся с дороги, потерявшийся на пустынном склоне. Я кровью умастил свой путь. Я не знаю, куда идти дальше по этой ужасной горе, так хорошо знакомой вам. Вы что? Не боитесь кары небесной? Дайте мне хотя бы ваш фонарь, если уж не разрешаете мне остаться в пещере этой ночью!

— Любовь невозможно опустошить.

Свет невозможно разделить.

Люби и увидишь.

Свети и будешь.

Когда закончится ночь,

И погаснет день,

А земле наступит конец,

Куда отправится путник?

Найдется ли тот, кто отправится в путь?

Я решил прибегнуть к мольбам, хотя и понимал, что от этого будет мало проку, поскольку непреодолимая сила выталкивала меня из пещеры:

— Добрый старик, добрая женщина! Я совсем околел и еле разговариваю от усталости, я не буду для вас ложкой дегтя в бочке меда. Я тоже когда-то вкусил любви. Я оставлю вам мой посох и мое скромное убежище, которое вы выбрали для вашей брачной ночи. Но лишь об одном прошу я вас взамен: поскольку вы не даете мне ваш фонарь, не будете ли вы столь любезны проводить меня к выходу из пещеры и указать мне путь к вершине? Я потерял направление и равновесие. Я не знаю, высоко ли я забрался и сколько мне еще идти.

Не обращая внимания на мою просьбу, они продолжали петь:

— Тот, кто поднялся так высоко, на самом деле остался внизу.

Тот, кто решил, что других обогнал, на самом деле отстал.

Слишком чувствительный лишился чувств,

Красноречивый остался без слов и говорить перестал.

Прилив и отлив — всего лишь течение одно.

Без указателей выйдешь туда, куда надо.

Тому, кто отдать готов, будет сполна воздано.

А слишком великому все будет мало.

Последнее, на что я отчаялся, я умолял их сказать, в какую сторону мне идти после выхода из пещеры. Ведь смерть могла поджидать меня на каждом шагу, а я не хотел умирать. Затаив дыхание, я ждал ответа, но они запели другую, не менее странную, песню, оставив меня в еще большем недоумении и негодовании, чем прежде:

— Горы и скалы, и твердые камни.

Мягкое, нежное дно пустоты.

Ястреб и ворон, олень и улитка,

Лисы и зайцы, мышь и коты.

Общего яду отведав,

Общей вкусили беды.

Смерть посулит благодарность,

Коль ей доверишься ты.

То, что внизу, оно ж и вверху.

Умри, чтобы жить, иль живи ради смерти.

Свет фонаря мерк по мере того, как я полз на четвереньках к выходу из пещеры. Собака преследовала меня, как будто хотела убедиться, что я действительно уйду. Темнота была такой густой, что я буквально ощущал ее черную тяжесть, от которой слипались глаза. Я больше не мог оставаться в пещере ни минуты, и собака сзади подтверждала это.

Осторожное движение. Еще одно осторожное движение. Третье — и я почувствовал, как гора выскользнула у меня из-под ног, черный водоворот захватил меня, и, задыхаясь, я ощутил, что лечу куда-то вниз, вниз, вниз...

Последнее, что мелькнуло в сознании, когда я кружился в пустоте Черной пропасти, были те отвратительные жених и невеста. Последние слова, которые я пробормотал перед тем, как мое дыхание замерло, были их слова:

«Умри, чтобы жить, иль живи ради смерти».

Хранитель Книги

«Восстань, о счастливый путник! Ты достиг цели».

Вместе с этими словами ко мне вернулось сознание. Я почувствовал жар и нестерпимую сухость во всем теле, и понял, что изнываю от жажды. Я приоткрыл глаза. Сперва я ничего не мог разобрать, так как солнце било мне прямо в лицо, но через несколько мгновений я увидел склонившегося надо мной человека в черном одеянии. Я лежал на земле, а он заботливо смачивал мне губы водой и ласково отирал кровь с моих ран. Определить его возраст было почти невозможно. Взгляд его был глубок и пронизателен. Вид его, пожалуй, можно было назвать грозным, если не устрашающим — грузного телосложения, с крупными чертами, косматой бородой и копной спутанных волос, он производил впечатление человека большой физической силы. Несмотря на это, его прикосновения были мягкими и ободряющими. Он помог мне сесть. Еле слышным голосом я спросил:

- Где я?
- На Алтарной вершине.
- А где пещера?
- За тобой.
- А где Черная пропасть?
- Перед тобой.

Как же велико было мое изумление, когда я увидел прямо перед собой зияющую пропасть, а оглянувшись, действительно обнаружил пещеру. Я сидел на самом краю. Я попросил мужчину отвести меня в пещеру, и он с готовностью исполнил мою просьбу.

- Кто вынес меня из пропасти?
- Тот, кто привел тебя на вершину, должно быть, спас тебя.
- Кто это?
- Тот, кто сковал мой язык и велел оставаться здесь, на вершине, сто пятьдесят лет.
- Значит, ты и есть блуждающий монах?
- Он самый.
- Но ты разговариваешь, а тот нем.
- Ты развязал мой язык.
- Но он сторонится людей, а ты, похоже, совсем меня не боишься.
- Я избегаю всех, кроме тебя.
- Ты никогда прежде не видел меня. Почему же ты избегаешь всех, кроме меня?
- Сто пятьдесят лет я ждал твоего прихода. Сто пятьдесят лет, не пропуская ни единого дня, в любую погоду, мои грешные глаза вглядывались в даль каменного склона, ища человека, который взойдет по нему, как ты, без посоха, одежды и еды. Многие пытались сделать это, но ни один из них не был без посоха, без одежды и без еды. Я наблюдал за тобой вчера целый день. Я оставил тебя ночевать в пещере, а утром, на заре, нашел бездыханным. И все же я не сомневался, что ты жив. И вот, ты сейчас живее, чем я! **Ты умер, чтобы жить, а я живу, чтобы умереть.** Да! Слава его имени! Все именно так, как он обещал. Все так, как должно быть. Без сомнения, ты — избранный.
- Кто?

— Благословен будет тот, в чьи руки я отдам святую книгу, тот, кто познакомит с нею мир.

— Книгу?

— Его книгу — Книгу Мирдада.

— Мирдад? Кто такой Мирдад?

— Возможно ли, что ты не слышал имени Мирдада? Странно. А я думал, что его имя распространилось по миру так же, как оно наполняет землю под моими ногами, воздух, который меня окружает, и небеса надо мной. Священна эта земля, о странник, его ступни касались ее. Священен этот воздух, его легкие наполнялись им. Священно здешнее небо, Мирдад смотрел в него.

Произнося эти слова, монах почтительно нагнулся, поцеловал землю три раза и замолчал. Какое-то время мы оба не произносили ни слова. Наконец, я сказал:

— Ты говоришь загадками. Кто этот человек, которого ты называешь Мирдад?

— Выслушай меня, и я расскажу тебе то, что мне позволено рассказать. Меня зовут Шамадам. Я был Старейшиной Ковчеха, когда один из девяти монахов умер. Два душа ушедшего отлетела в мир иной, как мне сказали, что у ворот храма дожидается странник. Я сразу понял, что Провидение привело его к нам, чтобы он занял место только что умершего брата. Я должен был бы возрадоваться, что Господь все еще не оставил Ковчег, как и во времена нашего отца Сэма.

Тут я перебил монаха и спросил, правда ли то, что люди внизу рассказали мне, что будто бы Ковчег был построен старшим сыном Ноя. Он торжественно подтвердил:

— Все, что рассказали тебе — истинная правда.

Затем он продолжил прерванный рассказ:

— Так вот, я должен был возликовать. Но по какой-то причине, которая находилась вне пределов моего разума, обнаружил я в своем сердце сопротивление. Еще даже не взглянув на странника, я всем своим существом уже был настроен против него. И я решил отвергнуть его, полностью осознавая, что тем самым нарушу незыблемый закон, и, конечно, отвергну Того, кто привел путника к нашим воротам.

Когда же я открыл ворота и увидел его, совсем юного, мое нутро переполнилось желчью, которую я был готов излить на него. Раздетый, разутый, очевидно, изголодавшийся, лишенный какого бы то ни было средства защиты, даже посоха, он выглядел беспомощным. И все же, благодаря свету, исходящему из его глаз, он выглядел более защищенным, чем рыцарь, облаченный в латы с ног до головы, и гораздо старше, чем ему можно было дать на вид. Все внутри меня восставало против этого юноши. Каждой частицей своей души я жаждал его гибели. Не спрашивая меня, почему. Быть может, потому, что взгляд его был настолько пронизателен, что обнажал мою душу, и я испугался, я не хотел открывать ее никому. А быть может, его чистота, сорвав покровы, выявляла мою собственную грязь, и я расстроился, что нечем укрыть ее. Возможно, между нашими звездами шла многовековая вражда. Кто знает? Кто знает? Лишь Он может сказать.

Резко и безжалостно я произнес, что он не может быть принят в братство, и повелел ему тот же час убраться восвояси. Он стоял на своем и спокойно советовал мне передумать. Его совет я воспринял, как оскорбление, и плюнул ему в лицо. И снова он был тверд и настойчив. Медленно вытирая лицо, он вновь посоветовал мне изменить решение. Когда он вытирал слюну с лица, мне показалось, что это я

оплеван. Я чувствовал, что проиграл, и где-то в самой глубине души признал, что битва была неравной, что он сильнее меня.

Как всякое уязвленное самолюбие, мое не сдавалось до тех пор, пока не увидело себя растоптанным и брошенным в грязь. Я уже почти был готов исполнить просьбу этого человека, но прежде мне хотелось усмирить его. Конечно, это было невозможно.

Вдруг он попросил принести ему что-нибудь, во что он мог бы одеться, и что-нибудь поесть. Тут я снова воспылал надеждой. Вооруженный голодом и холодом против него, я верил, что смогу победить. Это было жестоко с моей стороны, но я отказался подать ему кусок хлеба, сказав, что монастырь живет на пожертвования и не может разбрасываться своим имуществом. То была вопиющая ложь, поскольку монастырь был слишком богат, чтобы отказать в пище и одежде тому, кто в них нуждался. Я хотел заставить его умолять. Но он не умолял. Он просил так, как будто имел право, и в его голосе мне послышался приказ.

Схватка наша продолжалась долго, но никто не выиграл. Победителем был он с самого начала. Чтобы как-то скрыть свое поражение, я в конце концов предложил ему остаться в монастыре в качестве слуги — слуги, и не более. Это, как мне казалось, усмирит его. Тогда я так и не понял, что это я был просителем, а не он. Чтобы окончательно утвердить мое унижение, он согласился на мое предложение без слов. Если бы я только знал тогда, что, беря его в монастырь, я тем самым подписывал себе приговор. До самых последних дней я цеплялся за призрачную иллюзию, что я, а не он, был хозяином Ковчега. Ах Мирдад, Мирдад, что же ты сделал с Шамадамом! Ах Шамадам, что же ты сделал с самим собой!

Две крупных слезы, скатившись, оросили его бороду. Его рассказ тронул мое сердце, и я произнес:

— Умоляю тебя, не рассказывай мне больше о человеке, воспоминания о котором обращаются в слезы. Но он ответил:

— Не волнуйся, о благословенный посланник. То была гордыня Старейшины вымывается слезами желчи. Былая власть его скрежетет зубами, сопротивляясь власти Духа Святого. Пусть гордыня рыдает, это ее последние слезы. О, если б взгляд мой не был столь затуманен земными благами, когда впервые встретился с тем небесным взглядом! О, если б уши мои не были столь забиты мудростью земной, когда впервые услышали мудрость божественную! О, если б язык мой не был столь косен горькой сладостью плоти земной, когда впервые столкнулся с языком духа! Да, я пожал и пожну еще плоды моих никчемных иллюзий!

Семь лет он прожил среди нас в качестве нижайшего слуги: кроткий, услужливый, он ни на что не обижался, всегда был готов придти на помощь, выполнить любую прихоть наших братьев. Он не ходил, а словно парил в воздухе. Ни одного слова не слетело с губ его. Мы думали, что он принял обет молчания. Некоторые поначалу пытались дразнить его. Он принимал их выпады с ангельским смирением и вскоре заставил всех нас уважать его молчание. Остальные семь братьев восхищались его спокойствием и сами становились мягче и терпимее. Меня же такая невозмутимость тяготила и раздражала. Много раз пытался я вывести его из себя, но тщетно.

Назвался он Мирдадом. Лишь на это имя откликнулся он. Больше мы не знали о нем ничего. Несмотря на то, что никогда и ничем не привлекал он к себе внимания,

его присутствие остро ощущалось всеми, настолько остро, что мы редко разговаривали при нем, даже о чем-то для нас важном, и осмеливались заговорить только после того, как он удалялся к себе в келью.

То были годы изобилия, семь лет Мирдада. Имущество монастыря увеличилось всемерно, а то и больше. Мое сердце смягчилось, и, видя, что Провидение нам больше никого не посылает, я решил серьезно переговорить с братьями и принять его в наше братство.

Дальше случилось то, чего никто не ожидал — никто, и меньше всех бедный Шамадам. Мирдад разомкнул уста, и буря вырвалась наружу. Он дал волю всему, что так долго скрывал, и оно внезапно хлынуло всепобеждающим потоком, которому невозможно было сопротивляться. Братья были захвачены его стремительным напором, все, кроме бедного Шамадама, который боролся с ним до последнего. Я надеялся повернуть течение вспять с помощью своей власти Старейшего в монастыре, но братья не признавали ничьей власти, кроме Мирдада. Мирдад был Мастером, Шамадам — изгоем. Мне даже пришлось пойти на хитрость. Я обещал некоторым братьям награду из золота и серебра, другим я посулил плодородные земли. Я уже почти преуспел в своем намерении, когда каким-то загадочным образом Мирдад узнал о моих стараниях и развеял их без особого труда, всего лишь несколькими словами.

Слишком странны и сложны были его идеи. Все они записаны в Книге, о них мне говорить запрещено. Но его красноречие делает черное белым, а белое черным — настолько глубоко и сильно его слово. Чем я мог противостоять такому оружию? Ничем, кроме монастырской печати, которая хранилась у меня. Но и она оказалось бесполезной. Благодаря его пламенным призывам, братья заставляли меня ставить печать и подпись под всеми документами, которые они составляли сами. Постепенно они раздали все монастырские земли, которые были пожертвованы нам верующими в течение многих лет. Затем Мирдад начал отправлять Братьев в соседние деревни, нагружая их дарами для бедняков. В последний День Ковчега, который был одним из двух ежегодных праздников в монастыре (вторым был День виноградной лозы), Мирдад завершил свои безумства тем, что приказал Братьям снять с монастыря все украшения и раздать прихожанам.

Мое грешное сердце было готово разорваться от ненависти к Мирдаду. Если бы одной только ненавистью можно было убивать, то пламя, бушевавшее в моей груди, испепелило бы тысячу Мирдадов. Но любовь его была сильнее моей ненависти. Вновь битва была неравной. И вновь моя гордыня не сдавалась до тех пор, пока не увидела себя раздавленной и втоптанной в грязь. Он разбил меня, не борясь со мной. Я же боролся с ним, а победил себя. Как часто, с любовью и терпением, он пытался отвести пелену с глаз моих! Как часто я искал большего, и тем самым лишь уплотнял пелену на глазах моих! Чем более кроток он был со мной, тем больше я его ненавидел.

Мы были двумя полководцами на бранном поле — Мирдад и я. Он был целым легионом, я же — воином-одиночкой. Если бы братья помогли мне, я бы его в конце концов одолел. И тогда я заставил бы его страдать. Но братья были на его стороне. Предатели! Мирдад, Мирдад, ты отомстил за себя.

На сей раз слезы полились ручьем, Шамадам долго молчал, всхлипывая. Наконец, Старейшина снова поклонился и, три раза поцеловав землю, произнес:

— Мирдад, мой повелитель, моя надежда, мое наказание и моя награда, прости горечь Шамадама. Голова змеи сохраняет яд даже после того, как ее отсекали. Но, к счастью, она не может укусить. Ты видишь, Шамадам теперь лишен зубов и яда. Поддержи его своей любовью, чтобы он увидел день, когда из уст его польется мед так же, как из уст твоих. Ты обещал. Сегодня ты освободил его из плена первого, не дай же ему долго томиться во втором.

И, точно в ответ на мой мысленный вопрос, он принялся говорить о том, что это был за плен. Однако голос его теперь стал мягким и густым, так что я едва верил своим ушам, словно не с этим человеком я только что разговаривал.

В тот день он созвал нас в этой самой пещере, где он имел обыкновение учить Семерых. Солнце уже садилось. Западный ветер нагнал густого туману, который наполнил все ущелье и повис над землей, как колдовское покрывало. Туман доходил до этой горы, и она напоминала морской берег. К западу на горизонте застыло зловещее, тяжелое облако, полностью заслонившее солнце. Мирдад обнял каждого из Семерых. Видно было, что чувства переполняют его, но он сдерживал себя. Затем он сказал:

Долго жили вы в вышине, сегодня же в глубины вам сойти предстоит. Если не возвыситесь вы своим спуском и не присоедините долины к вершинам, высота всегда будет искушать вас алчностью, а глубина ослеплять.

Повернувшись ко мне и с нежностью глядя мне в глаза, он продолжал:

— Что до тебя, Шамадам, твое время еще не пришло. Ты станешь дожидаться моего возвращения здесь, на вершине. И пока будешь ожидать своего часа, ты станешь хранителем Книги, которая находится в железном сундуке под алтарем. Смотри, чтобы ни одна рука не касалась ее, даже твоя. В свое время я пришлю к тебе посланника, который заберет Книгу и отдаст миру. Ты узнаешь его: он поднимется на вершину по каменному склону. Он начнет свое путешествие одетый, возьмет с собой посох и семь буханок хлеба, но ты найдешь его перед этой пещерой бездыханного, нагого, без посоха и без пищи. До его появления уста твои будут сомкнуты, и будешь ты сторониться людей. Один его вид освободит тебя из плена молчания. После того, как ты отдашь ему Книгу, ты превратишься в камень, и будешь охранять вход в эту пещеру до моего возвращения. Из этого плена лишь я один смогу тебя освободить. Если ожидание покажется тебе долгим, то удлинится оно, если же ты сочтешь его кратким, то станет оно еще короче. Терпи и веруй.

После чего он снова обратился к Семерым, и, махнув им рукой, сказал: «Братья, идите за мной».

И зашагал вперед, вниз по склону. Он шел, высоко держа голову, неотрывно смотря вперед, едва касаясь земли. Когда они достигли края, где начинался туман, солнце пробилось сквозь черную тучу, образуя в небе сводчатый проход, озаренный светом, слишком необыкновенным, чтобы выразить это словами, и слишком ярким, чтобы можно было на него смотреть. Мне показалось, что Мастер и его Семеро спутников отделились от горы и пошли через этот проход прямо к солнцу. Как же горько мне было оставаться здесь одному, совсем одному.

Словно изнуренный непосильным трудом, Шамадам вдруг обмяк и замолчал, склонил голову, закрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул. В таком состоянии он пребывал довольно долго. Пока я искал подходящие слова, он поднял голову и сказал:

Ты — возлюбленный сын Судьбы. Прости меня несчастного, я много говорил, слишком много. А как иначе? Может ли тот, чей язык был скован полтора столетия, сбросив оковы, произнести лишь «да» или «нет»? Может ли Шамадам быть Мирдадом?

— Позволь мне задать тебе вопрос, брат Шамадам.

— Слова твои ласкают слух. Так давно никто не называл меня братом. Последний раз это было, когда мой единственный брат умер много лет назад. О чем ты хотел спросить?

— Если Мирдад — такой великий учитель, то мне странно, почему в наши дни никто не слышал ни о нем, ни о семи братьях. Как же так?

— Возможно, Мирдад ждет своего часа. А может, он учит под другим именем. В одном я уверен наверняка, Мирдад изменит мир так же, как он изменил Ковчег.

— Должно быть, он давно умер.

— Только не Мирдад. Мирдад сильнее смерти.

— Ты хочешь сказать, что Мирдад уничтожит наш мир, как он уничтожил Ковчег?

— Нет и еще раз нет! Он освободит мир так же, как освободил Ковчег. И затем он вновь зажжет вечно сияющий свет, который люди, похожие на меня, похоронили под толщей иллюзий и прозябают в темноте. Он возродит в человеке то, что человек успел разрушить. Скоро Книга будет в твоих руках. Прочти ее, и ты увидишь свет. Довольно медлить. Подожди здесь, я скоро вернусь. Тебе нельзя идти со мной.

Он встал и поспешно вышел, оставив меня в недоумении и нетерпении. Я тоже решил выйти наружу, но дошел лишь до края пропасти. Что за картина открылась моему взору! Волшебный пейзаж, раскинувшийся вокруг, насыщенный невиданными цветами и оттенками, покорял самое искушенное воображение. На какой-то момент мне почудилось, будто я растворяюсь в нем, растекаюсь мельчайшими капельками по всей поверхности: по морю, такому спокойному, подернутому жемчужной дымкой; по холмам, то изгибающимся, то отклонившимся назад, но все же вырастающим один за другим, образуя ровную гряду, возносясь выше и выше от самого моря до скалистых вершин Молочных гор; по мирным селеньям, приютившимся на склонах, утопающих в пышной зелени; по цветущим долинам, свившим свои гнезда меж гор и утоляющим жажду из плачущего сердца горного хребта, с множеством людей, занятых повседневным трудом, и животными, пасущимися на богатых лугах; по оврагам и лощинам, этим шрамам, нанесенным Временем на некогда молодое чело гор; я словно унесся с легким ветерком в лазоревое небо и вместе с тем остался на пепельно-серой земле.

Лишь созерцание Каменного склона вывело меня из состояния отрешенности и вернуло мои мысли к монаху, к его потрясающему рассказу о себе, о Мирдаде и о Книге. Думая об этом, я не мог не восхититься той невидимой рукой, что отправила меня в путь за одним для того, чтоб обрести другое. Я возблагодарил ее всем сердцем.

Вскоре монах вернулся и, протягивая мне небольшой сверток, завернутый в пожелтевшую от времени ткань, сказал:

— Отныне мой долг становится твоим. Будь верен в выполнении его. Теперь же пришел час моего второго плена. Уже скрипят врата моей тюрьмы, открываясь навстречу мне, и совсем близок тот миг, когда они захлопнутся за мной. Долго ли

будут они закрыты, знает лишь Мирдад. Скоро о Шамадаме не вспомнит никто. Как больно, ах, как больно пребывать в забвении!.. Но зачем я все это говорю? Мирдад не забывает ни о ком. Тот, кто живет в его памяти, будет жить вечно.

Повисло тягостное молчание, а когда Старейшина поднял голову, то я увидел, что глаза его полны слез. Едва слышно он прошептал:

— Теперь ты спустишься в мир. Но ты наг, а мир не терпит наготы. Ведь даже душу пытаются там облечь в лохмотья. Моя одежда больше не нужна мне. Я пойду в пещеру, сниму ее, и тебе будет чем прикрыться, хотя одежда Шамадама подходит только Шамадаму. Мне остается лишь пожелать, чтоб не была она для тебя тяжелой ношей.

Я не стал ничего говорить в ответ и принял его предложение в радостном молчании. Когда Старейшина ушел в пещеру, я раскрыл Книгу и начал с трудом переворачивать пожелтевшие, выцветшие листы.

Вскоре я обнаружил, что глаза мои прикованы к первой странице. Я попытался прочесть то, что там было написано. Книга захватила меня. Я читал и читал, все больше и больше погружаясь в текст.

Вместе с тем, подсознательно я ждал, что Старейшина закончит раздеваться и позовет меня, чтобы забрать одежду. Но минуты шли, а меня никто не звал.

Оторвав взгляд от Книги, я повернулся и заглянул в пещеру. Я увидел одежду, лежавшую на камнях. Но Старейшины там не было. Я позвал его несколько раз, каждый раз громче и громче. Ответа не последовало. Я удивился и заволновался. Другого выхода из пещеры, кроме узкого прохода, где я стоял, не было. Старейшина не выходил из пещеры — в этом я был абсолютно уверен. Быть может, я беседовал с призраком? Но нет, то, несомненно, был живой человек, из плоти и крови, я ощущал его присутствие каждой клеткой своего тела. Кроме того, в руках я держал Книгу, которую он принес, а в пещере лежала его одежда. Что, если он под ней? Я подошел и собрал вещи. Никого.

У меня мелькнула мысль: вдруг Старейшина каким-то волшебным образом выбрался из пещеры и свалился в Черную пропасть? Я бросился к выходу. Выбежав, я не успел сделать и нескольких шагов, как наткнулся на огромную каменную глыбу, стоящую прямо на краю пропасти. Раньше ее здесь не было. Валун напоминал сидящее животное, но голова была удивительно похожа на человеческую, с грубыми, тяжелыми чертами, широким подбородком, поднятым вверх, челюсти плотно сжаты, губы сомкнуты, незрячие глаза устремлены на север.

КНИГА

Перед вами Книга Мирдада,
записанная Нарондой, младшим и нижайшим по чину из братьев.
Сей путеводитель — маяк и небеса для тех,
кто ищет выход за пределы.

Все остальные да остерегутся читать ее!

Глава 1

Мирдад предстает в истинном свете
и говорит о вуалях и печатях.

В тот вечер восемь монахов собрались за обеденным столом. В молчании стоял Мирдад по одну сторону, дожидаясь, пока все остальные станут с другой.

Одно из древнейших правил Братства было стараться как можно реже произносить слово «Я». Брат Шамадам хвастал своими достижениями на посту Старейшины. В доказательство того, что сильно приумножил он наши богатства и упрочил тем самым положение Ковчега, приводил он множество цифр. При этом он чрезмерно часто употреблял нежеланное слово. Брат Майкайон заметил ему это, и разгорелся жаркий спор. Речь велась о целесообразности данного правила и о том, откуда оно взялось — отец ли Ной так постановил или первый брат наш Сэм. Спор привел к взаимным упрекам, а упреки к всеобщему замешательству, когда много было сказано, но мало понято.

Желая обернуть все в шутку, брат Шамадам обратился к Мирдаду и произнес насмешливо:

— Среди нас есть тот, кто могущественнее самого патриарха. Мирдад, укажи нам путь из лабиринта слов!

Все посмотрели на Мирдада. И велико же было наше удивление и радость, когда впервые за семь лет он разомкнул уста и произнес:

— Братья Ковчега! Насмешка породила желание Шамадама, и невольно предвосхитила священное решение. Войдя в Ковчег, Мирдад уже выбрал и место и час — именно эти обстоятельства, когда разомкнутся уста его и спадет вуаль, и раскроется сущность его перед вами и перед миром.

Семью печатями Мирдад сковал уста свои.

Семью вуалями сокрыл свое лицо.

Все это сделано затем, чтоб смог он научить и вас, и мир, когда вы будете готовы

принять его учение о том,

как разомкнуть уста и сбросить пелену с очей,

и как для вас самих раскрыть вас в полноте

небесного блаженства,

что вам принадлежит и чем являетесь по сути.

Глаза вам застилает пелена, и потому,

куда б ни обратили взор, вы не увидите ничто, кроме вуалей.

Уста вам сомкнуты печатями, и слово,

любое, что произнесете, — будет мертво.

Ведь какова ни есть природа вещи,

ей формой будет только пелена,

накинутая жизнью для того,

чтоб эту вещь прикрыть и ограничить.

И взгляд ваш — лишь вуаль, и как же может он показать вам что-либо другое,

кроме вуали или пелены?
Слова — всего лишь вещи, закосневшие
в слогах и в буквах. Как же могут
ваши уста, что сами есть печать,
произносить что-либо кроме штампов?
Прикрыть вуалью может взгляд,
но не проникнуть сквозь нее.
Запечатлит язык, но не отверзнет он засовы.
И нет нужды ждать большего от них.
Они суть части тела, и работа их такова,
и ей они прилежны.
Прикрыв и наложив печать,
они взывают к вам узнать,
что там таится за вуалью,
и отомкнуть задвинутый засов.
Хотите ли узнать, что за вуалью?
Тогда вам нужен глаз другой —
не тот, что веком и ресницами прикрыт.
Уйти от штампов вам помогут уста другие,
не те, что нам так хорошо знакомы.
Начните же с того, что научитесь сам глаз увидеть верно,
коль хотите увидеть верно вещи.
Не глазом вы должны смотреть, но сквозь него,
дабы узреть, что скрыто за вуалью.
Начните же с того, что научитесь вы верно говорить,
коли хотите произносить слова другие верно.
Не языком и не устами речь ведите,
но через них вам должно говорить,
чтоб выразить слова, что закоснели.
Когда же вы начнете видеть верно и верно говорить,
тогда узрите не что иное, как самих себя,
и словом выражать самих себя начнете.
Всему присущ, за всем сокрытый, так же, как в слове и за словом,
пробываешь лишь только ты — провидец и оратор.
И если мир останется загадкой, то потому, что ты — загадка сам.
И если речь на лабиринт похожа, то потому, что сам ты — лабиринт.
Оставьте же события и явления, и не пытайтесь что-то изменить.
Ведь видятся они нам тем, чем видятся лишь потому,
что кажетесь вы сами лишь тем, чем кажетесь.
Они не видят и не говорят, вы сами наделяете их как взглядом, так и речью.
Если вы решили, что кто-то грубо говорит, на свой язык вы взгляд оборотите.
И если чей-то вид для вас ужасен или некрасив — ищите сор в глазу своем.
Не у вещей просите вы раскрыться и вам предстать в ином, желанном свете.
Раскройтесь сами, и тогда для вас все, что вокруг, раскроется само.
И также не просите разомкнуть уста других, с себя засов снимите, и все вокруг
заговорит само.

Заветный ключ к раскрытию себя, к тому, чтоб снять оковы с губ своих, находится у слова одного.

Вы слово то меж губ своих храните.

Средь слов других оно легко и вместе с тем оно же полновесно.

Мирдад назвал его ТВОРЯЩИМ СЛОВОМ.

Мастер замолчал, и воцарилась тишина, полная волненья и ожиданья. Не выдержав, Майкайон произнес со страстным нетерпеньем:

— Наши уши жаждут СЛОВА. Наши сердца томятся желанием познать тот ключ. Скажи же нам, о Мастер, мы умоляем, скажи.

Глава 2

Творящее слово.

“Я” — источник и центр всего.

МИРДАД: Когда вы говорите «Я», тот час же в сердце вы произнесите: «О, Боже, да будь моим прибежищем от всех печалей слова «Я» и проведи меня в блаженство слова «Я». Ведь в слове том, хотя и маленьком, душа всех слов сокрыта. Познайте это лишь однажды, и уста наполнит сладость, и любое слово восторгом жизни будет вечно полно. А если запертым останется оно, то полон будет горечи язык, и слово каждое, сошедшее с него, яд Смерти источать во веки будет.

Запомните, монахи, Слово «Я» — Творящее. И если из него магической не извлечете силы, не обретете мастера могущество, тогда унылым стоном ваша будет песня, и в мирный час познаете вражду, и светлый день вам тьмою обернется.

Ведь ваше «Я» сознание бытия, глухое и бесплотное, озвучит и, оживив, и вес, и меру даст. Неслышное оно звучать заставит, и сделает невидимое — видимым, чтобы смотря, могли бы вы увидеть невидимое, слушая, услышать беззвучное. Пока же вы глядите глазами, ушами слышите, и, если б не они, вы не могли б ни то и ни другое.

Одной лишь мыслью, начатою с «Я», вы вызовете море дум. И море то — творенье «Я», что есть одновременно и мысль, и сам мыслитель. И если мысли ваши причиняют боль, царапают иль ранят, то знайте же тогда, что это «Я» их наделило жалом и когтями.

Мирдад вам говорит: коль скоро нечто способно наделять, оно же может и лишать.

Одним лишь чувством «Я» вы наполняете колодец чувств, что в сердце вашем. Тот колодец — творенье «Я», что есть одновременно и чувство сильное и тот, кто чувствует. И если ваше сердце придавлено тяжелой ношей, знайте, что ваше «Я» ту тяжесть водрузило.

Мирдад вам говорит: коль скоро нечто отяжеляет сердце, оно же и способно от тяжести освободить.

Одним лишь словом «Я» вы жизнь даете огромной армии небесных слов, и каждое есть символ некой вещи, а она есть символ мира, каждый мир собою являет часть Вселенной. А она — творенье «Я», что есть одновременно материал и зодчий. Если же Вселенная заселена созданиями ада, то знайте же, что это ваше «Я» дало им право жизни в вашем мире.

Мирдад вам говорит: коль скоро нечто способно сотворить, оно же может уничтожить.

Каким является творец, таким же будет и творение его. Ведь разве кто-то способен сотворить произведение большее себя? Иль меньше? Только лишь себя, себя — ни больше и не меньше — способен породить на свет творец.

«Я» есть фонтан, родник, откуда все рождается, куда в свой срок уходит. Каков источник, и поток таков, что изливает он.

«Я» есть волшебный посох, и не сможет рождение дать чему-нибудь другому, кроме того, что маг хранит в душе. Каков волшебник, таковы и чудеса.

Запомните, что каково Сознание, такое ваше «Я». Какое ваше «Я», таков и мир. И если сам ты чист и сам определен в значении, то мир твой будет прозрачен и

определен. Слова твои не станут лабиринтом, дела твои не будут боль нести. А если «Я» твоё туманно, непонятно, тогда и мир твой призрачен и вял. Слова твои запугают любого, поступки же оплотом боли станут.

А если «Я» твоё сильно и постоянно, то постоянен и вынослив будет мир, тогда ты сможешь Время превозмочь и превзойти Пространство. Если «Я» твоё непостоянно, преходяще, твой мир окажется непостоянным, слабым, и дуновением легким, струйкой дыма ты улетишь навек в небытие.

Едино твоё «Я» — един твой мир, и ты в согласье вечном с небесами и с жителями мирными земли. Но если дробно «Я», разбит на части мир твой, и вечный спор ведут они, и меж собою век они воюют.

«Я» есть опора, центр твоей жизни, источник всех вещей, они оттуда расходятся и мир твой наполняют, и наполняют также место, где меж собою сходятся они. И если «Я» устойчиво, то мир устойчив твой, и силы никакие, ни высшие, ни низшие, не смогут увлечь тебя ни вправо, ни налево. А если «Я» шатается, то станешь беспомощным листком, который кружат потоки злые ветра грозового.

И вот! Твой мир устойчив, убежден лишь в неустойчивости. Без определений определен. И постоянен в непостоянстве он. Един же лишь во многом.

Твой мир суть колыбель, надгробным камнем ставшая. Твой мир — надгробие, что стало колыбелью; дни поглощают ночь, а ночь извергнет дни; мир объявил войну, война же ищет мира; сквозь слезы смех, рыданье сквозь улыбку.

Твой мир томится в родовых потугах, а повитуха-Смерть те роды принимает.

Твой мир есть сито, ни одна ячейка не схожа с остальными, ты же сам мучительно просеиваешь то, что не процедишь сквозь такое сито.

Твой мир настроен против самого себя, поскольку «Я» твоё разделено.

Твой мир препятствий и барьеров полон, поскольку «Я» твоё тебе барьером служит. Оно оставит что-то за оградой, под тем предлогом, будто не подходит, другое же оно впускает внутрь и говорит: «То часть моей природы». Но то, что за забором, рвется внутрь, а что внутри — то просится наружу. Они ведь дети матери одной, и с ними твоё «Я», и им не нужно друг другу противостоять.

Но ты не рад счастливому союзу, ты вновь и вновь пытаешься бесплодно разъединить неразделимое. Противишься слиянью, упрямо избавляешься от жизни, надеешься вбить клин меж тем, что мнится тебе твоим, и тем, что, как решил ты, тебе чуждо.

Поэтому слова людские ядом сочатся. Потому дни человека горе омрачает. Поэтому полны и ночи болью.

Монахи! Говорю я вам, Мирдад соединит раздробленное в вас, чтоб жили сами вы в ладу с собою, в ладу со всем, что есть во всей Вселенной.

Он ваше «Я» освободит от яда, дабы вкусить вам сладость Пониманья.

Мирдад научит вас соизмерять, дабы познать вам радость Равновесья.

Мастер замолчал, и наступила тишина. И снова первым Майкайон заговорил.

Майкайон: Слишком волнующи слова твои, Мирдад. Они распахнули перед нами множество дверей, но мы так и остались на пороге. Веди нас за пределы, веди нас внутрь.

Глава 3

Святая троица и совершенное равновесие.

МИРДАД: Но, несмотря на то, что в своем «Я» центрированы вы, однако, все же, заключены в едином общем «Я». И даже «Я» единое Всевышнего в том общем «Я» заключено.

Божественное «Я» — святая вечность, нетленное, единственное слово. В нем Бог — Первичное Сознание — проявился. А если бы не это, был бы он лишь только молчаливым абсолютом. Но словом сим Он сотворил себя. Бесформенный, с ним форму принимает, приняв которую, все существа затем к бесформенному снова возвратятся.

И, ощутив СЕБЯ, помыслив о СЕБЕ, и о СЕБЕ сказав — не нужно Богу произносить что-либо, кроме «Я». Поэтому, монахи, слово «Я» — Его единственное. Лишь оно есть СЛОВО.

Все сказано, когда произнесет Он «Я». И все миры, что видны иль неявины, и все, что родилось, и все, что ждет рожденья, и время, то, что ныне есть, и то, что лишь наступит, — на свете все, мельчайшая песчинка во Вселенной — отозвалось, объединилось в этом Слове. Им сотворено. Через него и существует.

Лишь отзвук; в пустоте то слово, что не наделено значением, оно — проказа, если не несет в себе единства

Однако Слово Божие — не отзвук, не свищ на языке и не проказа. Лишь те слова становятся такими, что Пониманья свыше лишены. Ведь Пониманье — это дух святой, что оживляет Слово, наполняет Сознанием его. Ведь Пониманье — суть то, что в равновесие приводит весы, а чаши их — Первичное Сознание и Слово.

Первичное Сознание — Слово — Дух Понимания — ТРОИЦА БЫТИЯ. Все Трое есть Одно. Одно является Тремя, и равнозначно, и равномерно, и равно во времени — то есть само-уравновешивание, само-познание, само-наполнение. И никогда ни больше и ни меньше. Всегда в покое и непреходяще. Оно суть СОВЕРШЕНСТВА РАВНОВЕСЬЕ.

И человек зовет его Господь, хотя оно, чтоб именем назваться, чудесно слишком. Несмотря на то, священо его имя, и священны уста, что эту святость сохраняют.

И кто иной быть может человек, если не Божий сын? И разве может он отличаться чем-нибудь от Бога? Ведь желудь целый дуб в себе хранит? А человек в себе скрывает Бога?

А это значит, что и человек, святой являясь троицей, несет в себе сознание, слово, понимание. Так почему же не уравновешен он настолько же, насколько Бог?

Коли хотите узнать ответ на ту загадку, внемлите, братья, мне.

Глава 4

Человек — суть младенец-бог.

Узнайте же, монахи, человек есть бог-младенец. Время же — пеленки. Пространство окружающее — также. И тело вместе с ним, и также чувства, и все, что могут воспринять они. И мать, что с неусыпной заботой дитя блюдет — она прекрасно знает, пеленки — это вовсе не малыш. А вот малыш не ведает того.

И человек закутан в ограниченья с головою, и с возрастом меняются они, и так всю жизнь. Поэтому сознание его всегда меняется; и слово, что призвано сознание отразить, всегда туманно, неопределенно, и мутно понимание, и жизнь вне равновесья, замешательство ж огромно.

Он, страждущий, о помощи взывает. И крик его мучительно теснится сквозь века. И вздохами насыщен тяжелый воздух. Море солоно от слез его. Земля испещрена его могилами. Оглохло небо от молитв его. Все это происходит лишь потому, что он пока не знает значенья его «Я», что для него суть то же, что пеленки для младенца.

Он произносит «Я» и разделяет Слово надвое: его границы суть одно, его бессмертное Божественное «Я» — другое. Он тщетно силится делить неразделимое. А Бог не позволяет. Ибо неделимое не может быть разделено никак, ни даже силой Бога. Лишь незрелость людская может то вообразить. И человек-младенец обрекает себя на битву и ведет войну против нетленной Сущности, считая ее угрозой лично для себя.

И в битве той неравной разрывает он плоть свою на части, проливает он кровь свою. А Бог — Отец и Мать — за битвой той с любовью наблюдает. Ведь знает он, что Человек срывает не что иное, как тяжелые оковы, что изливает он на землю желчь, затем, чтобы, избавившись от них, он смог узреть единое в Единстве.

И в битве той судьба его — бороться, и кровью истекать, теряя силы, и все лишь для того, чтоб пробудиться в конце концов и вновь соединить раздробленное «Я» своею плотью и запечатать кровью.

Поэтому, друзья мои, я вас предупреждаю — да будьте осторожны, употребляя слово «Я», заботьтесь о святом его предназначеньи. Ведь, до тех пор, пока ограничения звучат в том слове, а не сам младенец в нем отражен, служить оно вам будет лишь решетом, а не горнилом Божьим, и сеять сквозь него тогда придется вам суету сует, лишь для того, чтоб Смерть в конце концов на дне увидеть.

Глава 5

Слово божественное и слово человека.

Божественное Слово суть горнило. Что создает оно, то тут же тает, сливается в едином, ничего не принимая как достойное, и также не отвергая ничего как нечто недостойное его. Наполненное Духом Пониманья, оно прекрасно знает, само и сотворенное им есть одно и то же. Ведь отвергая часть, ты отвергаешь целое, а целое отвергнув, отвергнешь и себя. И потому оно всегда едино по цели и по смыслу.

Решето есть слово человека. Все созданное им находится в тисках и под ударом. Всегда есть выбор — или друг, или враг. Но часто так бывает, что друзья вчерашние врагами завтра станут, тот же, кто врагом вчера являлся — друг твой ныне.

Жестокая, бесплодная война бушует, в которой Человек с самим собой воюет, лишь потому, что Духа Святого ему не достает. Ведь Дух Святой наполнит Пониманьем, что Человек и то, что сотворил он, едино, что отвергать врага все то же, что отвергнуть друга. Ведь оба слова «враг» и «друг» — то есть творенья слова — творенья его «Я».

То, что сегодня отвергаешь ты, считая неизбежным злом, другому покажется как благо. Разве может одно быть сразу тем и тем, друг другу противоположным? Ни то и ни другое, только «Я» твое решило, что это зло, другое «Я» решило увидеть в том же самом благо.

Сказал я вам, что колы способно нечто создавать, оно же может уничтожить. И так же, как создал ты врага, ты сам его способен уничтожить, или другом можешь ты его назвать. Однако «Я» твое должно горнилом быть и озаренным Духом Пониманья.

Поэтому и говорю я вам, молитесь лишь только об одном — о Пониманьи. Ничто другое больше вам не нужно.

Не будьте решетом, друзья мои. Ведь Слово Бога — это Жизнь, а Жизнь — горнило, все в горниле том сотворено в единстве нераздельном; все в равновесии находится, и все достойно автора, той Троицы Святой. Насколько больше это вас достойно?

Не будьте решетом, друзья мои, и жизнь ваша наполнится, и станет богатою настолько, что никакое сито не сможет вас на части раздробить.

Не будьте решетом, друзья мои. Ищите в Слове знанье, чтобы знать слова свои. Познав слова свои, сумеете вы решето предать огню. По сути ведь одно и ваше слово, и слово Бога — если только ваше «взвально» не завешено. Мирдад поможет вам развезать пелену.

Слово Бога вечно во Времени, в Пространстве бесконечно. Было ль время, когда бы Бог покинул вас? И есть ли место, где вы могли бы быть без Бога? Тогда зачем в часы и месяцы заковывать вам вечность? Зачем длиной соизмерять пространство?

Слово Бога есть Жизнь, которая еще не рождена, а потому не может умереть оно. Жизнь ваша окружена и смертью, и рождением. Но скажите, не жизнью ль Бога разве вы живете? И может ли Бессмертное являть собой источник Смерти?

Слово Бога в себя включает все. В нем нет преград. Тогда как ваше слово заборами окружено.

Я говорю вам, ваши кровь и плоть — не только ваше тело. Бесконечны,

бесчисленны те руки, что познали вместе с вами богатство неба и земли, откуда протекает ваша плоть и то, куда она вернется.

Также свет ваших очей не есть лишь ваш, а то — колодец света, всего, всего, что солнце озаряет. Что видели бы ваши очи, если б во мне не стало света? То мой свет меня же видит вашими очами. И то ваш свет глядит на вас через меня. Будь я тьмой полнейшей, и ваши очи, глядя на меня, полнейшей тьмой бы стали.

И также то дыхание, что грудь вам наполняет, есть не только ваше. Все, кто когда-то воздухом дышал, и те, кто ныне дышат — вашу грудь вздымают. Не Адамово ль дыханье то? Не сердце ли Адама в вас стучится?

И мысли ваши не одним лишь вам подвластны. Безбрежный океан всеобщей мысли считает их своими, все, кто мыслит, кто с вами делит этот океан — все существа на них имеют право.

И сны, что сняты вам, не только ваши. Вселенная сама спит вашим сном.

Ваш дом не только вам принадлежит — гостям, мышам, котам, собакам, мухам и всем, кто вместе с вами в нем живет.

Но знайте об оградах и заборах. Окружены забором — вы пребываете в обмане. Забор убрали — вышли вы на Правды Свет. Внутри же той ограды, оглядываясь, вы лицом к лицу со Смертью встретитесь, и это есть Обман под именем другим.

Неотделим от Бога Человек. И от других людей неотделим он, и от всех существ, что Словом сотворены.

Вы — облака, а Слово — океан. И чем бы было облако, коль океана не было бы в нем? Да, глупым будет облако, что жизнь потратит лишь на то, чтобы на месте в пространстве закрепиться, чтоб форму и вместе с ней название сохранить. Что за плоды пожнет оно в итоге? Разбитые надежды, боль и горечь от тщетности своих усилий. Не потеряв себя, найти себя не сможет. Не умерев и форму не отринув, не сможет и увидеть океан, который его истинная сущность.

И Человек есть облако, что Бога в себе несет. А если же он пуст, и нет себя в нем, то он себя найти не сможет. Какая же в том радость, какая радость в том, чтоб быть пустым!

И если потерялись вы в одном лишь Слове, не сможете понять то слово, которым являетесь вы сами, ваше «Я». А что за радость быть потерянным!

И вновь я повторяю вам: молитесь, просите Пониманья. И когда Святое Пониманье вас наполнит, вам распахнутся двери в необъятность Бога, и с радостью для вас все отзовется, когда произнесете «Я».

Тогда для вас оружием Смерть станет, и с ним в руках вы победите Смерть. И сердце ваше примет Жизни дар — в объятия свои она вас примет и даст вам ключ от сердца безграничного ее. А ключик тот Любовию зовется.

Шамадам: Никак не думал, что из тряпки и метлы можно выжать столько мудрости (намекая на то, что Мирдад — слуга).

МИРДАД: Для мудрого все является вместилищем мудрости. Для глупца сама мудрость является глупостью.

Шамадам: Ничего не скажешь, твой язык хорошо подвешен. Почему же ты смирял его так долго? И все же слова твои слишком трудны для восприятия.

МИРДАД: Нет, Шамадам, мои слова легки. Твое же ухо тяжестью своею придавлено к земле. Но горе тем, кто, слушая - не слышит. Горе тем, кто, смотрит - ничего не видит.

Шамадам: Я слышу и вижу хорошо, возможно, даже слишком хорошо. И все же, никогда не слышал я большей глупости чем то, что Шамадам и Мирдад суть одно и то же, что мастер и слуга подобны.

Глава 6

Мастер и слуга.

Братья высказывают свое мнение относительно Мирдада.

МИРДАД: Мирдад — слуга не только Шамадама. Ты можешь перечесть ли своих слуг? Есть ли орел или сокол, есть ли кедр иль дуб, есть ли гора иль звезда, есть ли океан иль озеро, есть ли ангел иль король, которые не служат Шамадаму? И разве мир весь не служит Шамадаму?

Не только лишь Мирдад — хозяин Шамадама. Ты можешь перечесть своих хозяев? Есть ли жук или блоха, есть ли сова иль воробей, есть ли трава или дерево, есть ли камень иль ракушка, есть ли росинка или пруд, есть ли нищий или вор, которым не служил бы Шамадам? И разве он не служит всему миру? Ведь, выполняя каждый день свою работу, мир что-то делает за вас, а вы, работая, осуществляете работу мира.

Да, голова — хозяин животу, но и живот той голове хозяин. Нельзя услугу оказать тому, кто сам в тот миг не служит. И тот служить не может, кто сам услуг не принимает.

И говорю тебе я, Шамадам, и всем вам, братья, что слуга — хозяин своего хозяина. А тот — слуга слуги. И да не станет кланяться слуга. И да не станет хозяин заноситься. Умерь хозяина гордыню, вырви с корнем подобострастие слуги.

Помните, что Мир един. Вы же — слоги в Слове, на деле вы едины. Никакой же слог не будет знатен более другого. А множество слогов составят один лишь слог, и имя ему — Слово. Такими односложными должны вы стать, если хотите познать экстаз несказанной Любви к себе, которая любовью ко всем является, любовью к каждому.

Не как хозяин со своим слугой, не как слуга с хозяином сейчас я говорю с тобою, Шамадам — как с братом брат. И потому слова мои тебя столь угнетают.

И если пожелаешь — отвергни ты меня. Не говорил я разве, что моя плоть — не что иное, как плоть твоя? Не стану в спину вонзать тебе кинжал, чтоб самому мне кровью не истечь. Вложи язык свой в ножны, если не хочешь кровь пролить. Раскрой свое мне сердце, если его от боли хочешь уберечь.

О, лучше быть лишенным языка, чем наделенным таким, что исторгает острые шипы. Слова, им порожденные, не смогут ничто иное, как сжигать, покуда язык, что произносит их, не будет Пречистым Пониманьем озарен.

Прошу я вас, ищите ваше сердце. Прошу я вас, разрушьте все преграды на внутреннем пути. Прошу я вас, отбросьте прочь пеленки, укутавшие ваше «Я», считайте единым вы его со Словом Бога, всегда в покое и с самим собой, и также с бесконечными мирами, рожденными из «Я».

Так учил я Ноя.

Так учу и вас.

Сказав это, Мирдад удалился к себе в келью, оставив нас в крайнем смущении. После долгого, томительного молчания братья стали расходиться. Уходя, каждый говорил, что он думает о Мирдаде.

Шамадам: Нищий, возмнивший себя королем.

Майкайон: Он — тот самый невидимый пассажир Ковчега. Ведь он сказал: «Так учил я Ноя»?

Абимар: Запутанный клубок.

Микастер: Звезда иного небосклона.

Беннун: Великий ум, противоречий полный.

Цамора: Удивительная арфа, настроенная в неведомом ключе.

Химбал: Странствующее слово, ищущее друзей, что смогут выслушать его.

Глава 7

Майкайон и Наронда
ведут ночную беседу с Мирдадом,
который намекает им на грядущий потоп
и просит их быть готовыми.

Была вторая половина третьего часа ночи, когда дверь моей кельи приоткрылась, и я услышал прерывистый шепот Майкайона:

— Наронда, ты не спишь?

— Сон не посетил меня этой ночью, Майкайон.

— И моих глаз сон не коснулся. А он? Ты думаешь, он спит?

— Ты имеешь в виду Мастера?

— Ты уже называешь его Мастером? Возможно, оно и так. Я не могу заснуть, пока не выясню, кто он. Пойдем к нему сейчас же.

Мы на цыпочках вышли из моей кельи и вошли в ту, где жил Мастер. Лунный свет, проникая в щель под потолком, освещал скромную постель на полу. Она была не смята, и по всему видно было, что в эту ночь на ней никто не спал. Того, кого мы искали, в келье не оказалось.

Озадаченные, пристыженные и разочарованные, мы уже готовы были уйти, но вдруг раздался желанный голос, и мы узрели его благородный лик. Мастер стоял на пороге кельи.

МИРДАД: Не тревожьтесь, садитесь с миром. Ночь скоро растворится на восходе.

Благоприятен час для растворенья.

Майкайон (растерянно пробормотал): Прости нас за вторжение. Мы не могли уснуть всю ночь.

МИРДАД: Сон — слишком краткое самозабвенье. Лучше утопить свое я, и пробудиться, чем пить самозабвенье из наперстков сна. Что привело к Мирдаду вас?

Майкайон: Мы пришли узнать, кто ты.

МИРДАД: Когда с людьми я говорю, я — Бог, когда же с Богом — человек. Узнал ли ты, Майкайон?

Майкайон: Ты богохульствуешь.

МИРДАД: Перед Богом Майкайона — возможно, перед Богом Мирдада — никогда.

Майкайон: А много ли богов? Столько же, сколько людей? Раз ты говоришь об одном боге Майкайона и о другом боге Мирдада?

МИРДАД: Не множество есть Бог, он есть единство. Теней же много разных человека. Покуда он отбрасывает тень, бог человека — только тень его. И только те, кто не имеет тени, находятся в свету. Они лишь знают Бога. Ведь Бог есть Свет, лишь Свет способен Свет познать.

Майкайон: Не говори загадками. Слишком бессильно наше понимание.

МИРДАД: Загадкой будет все для человека, имеющего тень. Пока же он одалживает свет, он будет спотыкаться, и тень ему преградой будет. Когда же Пониманьем воссияет, исчезнет тень, исчезнут и загадки.

Поверьте, братья, очень скоро соберет Мирдад все тени ваши и в солнечных лучах сожжет. И то, что кажется загадкой сейчас, прольется светом Истины, и станет не

нужно никакое объяснение.

Майкайон: Так не скажешь ты нам, кто ты на самом деле? Быть может, мы бы лучше тебя поняли, знай мы твоё истинное имя, твою страну и предков.

МИРДАД: Ах, Майкайон! Ведь, как орла, на волю пущенного, в клетку пытались бы вы снова посадить — так же пытаетесь вы заковать Мирдада в оковы и «вуалями» сокрыть. Каким же именем он назовется, тот человек, который уж не в «клетке»? В какой стране он может проживать, тот человек, в котором вся Вселенная живет? Кого он может предками назвать, коли от Бога он произошел? И если хочешь, Майкайон, узнать меня, познай ты Майкайона.

Майкайон: Быть может, ты — просто миф, облаченный в человеческие одежды?

МИРДАД: Да, однажды люди скажут: Мирдада не было, все это только миф. Но скоро вы поймете то, что миф — реален, больше, чем любая реальность человека.

Сейчас мир невнимателен к Мирдаду, Мирдад к нему внимателен всегда. Узнает скоро мир Мирдада.

Майкайон: Ты, случайно, не тот ли Тайный пассажир Ковчега?

МИРДАД: Я — потаенный пассажир ковчега любого, что сражается с потопом иллюзий. Принимаю вахту я каждый раз, как только капитаны попросят моей помощи. А ваши сердца, хоть и не ведают того, ко мне уже давно, давно взывают. И вот, Мирдад уж здесь, вас направляет, чтоб вы смогли мир вывести из бездны, потопа величайшего избежать.

Майкайон: Значит, грядет еще одно наводнение?

МИРДАД: Грядущее — не то, что смочет Землю, а что проявит небо на Земле. Не то, что смочет человека след, а что откроет Бога в Человеке.

Майкайон: Да возможно ли это! Совсем недавно в небе сияла радуга. Как можешь ты говорить о потопе?

МИРДАД: Его опустошающая ярость куда сильнее, чем та, что Ной застал.

Земля, водой залитая — весенних надежд полна. Она не та Земля, что мечется в агонии кровавой.

Майкайон: Должны ли мы проследить за окончанием? Ведь нам было сказано, что приход Тайного проводника возвестит конец?

МИРДАД: О, не тревожьтесь, братья, о Земле. Она так молода, и слишком груди ее полны. И много поколений выкормит она.

И не тревожьтесь вы о Человеке, хозяине Земли — неразрушим он.

Да, Человек неистощим. Неисчерпаем Человек. И Человеком войдет он в кузницу, а выйдет Богом.

Внимательны, готовы будьте, братья. Смотрите же и слушайте, чтобы ваши сердца смогли узнать святой тот голод, который утолите вы однажды, и, утолив, наполнитесь навеки.

Должны всегда вы быть полны, чтоб жаждущих суметь наполнить. Должны всегда вы быть сильны, устойчивы, чтоб поддержать колеблющихся, слабых. Всегда должны готовы быть вы к буре, чтоб дать приют бездомным и бродягам, лишенным крова. Всегда должны вы быть светлы, чтобы вести бредущих в темноте.

Ведь слабые обузой будут слабым. Но сильный им всегда придет на помощь. Ищите слабых, ибо слабость их — то ваша сила.

Голодный голод вызовет в голодном. Для сытых они благо. Ищите же голодных, ибо ваша полнота есть то, чего они так жаждут.

Слепые — камень преткновенья для слепых. Для видящих - они пути знаменье. Их тьма — ваш свет.

В этот момент мы услышали звук горна, созывающего всех на утреннюю молитву.

МИРДАД: Цамора провозглашает новый день. Он — чудо новое, которое легко вам прозевать меж тем, когда сидите и встаете, меж тем, когда свое набьете чрево, когда опустошаете его, меж тем, как орошаете язык словами праздными и делаете много из того, что лучше бы не делать.

Майкайон: Нам не следует молиться?

МИРДАД: Идите! Молитесь, как молиться вас учили. Молитесь вы хоть как-нибудь. Идите! И все, что делать вы должны, свершайте, пока не станете владеть собой и не научитесь учиться, пока молитвой слово ваше каждое не станет, а дело каждое — союзом с волей божьей. Идите с миром. Позаботится Мирдад, чтоб завтрак ваш был сытным и полезным.

Глава 8

Семеро монахов ищут Мирдада
в «убежище», где он предупреждает их
о поступках, свершенных во мраке.

В тот день мы с Майкайоном так и не пошли к заутрене. Шамадам заметил наше отсутствие. Он каким-то образом прознал о нашем ночном визите к Мастеру и был крайне недоволен. Но он не выразил этого, выжидая более подходящего момента.

Остальных братьев взволновал наш поступок, и они сгорали от любопытства, желая узнать причину. Некоторые думали, что это Мастер посоветовал нам не ходить на молитву. Другие ломали голову над тем, кто же он такой на самом деле, и утверждали, что он сам позвал нас к себе ночью, желая открыться лишь нам одним. Никто не верил, что он был Тайным пассажиром Ковчега Ноя. Но всем хотелось увидеться с ним и о многом расспросить.

По обыкновению, свободное от обязанностей время Мастер проводил в пещере, нависающей над Черной пропастью. Между собой мы звали ее «убежищем». После обеда все, кроме Шамадама, отправились туда. Мы застали Мастера погруженным в глубокую медитацию. Лицо его светилось, и оно стало еще светлей, когда он открыл глаза и увидел нас.

МИРДАД: Как быстро отыскали вы гнездо свое. Рад за вас Мирдад.

Абимар: Наше гнездо — Ковчег. Почему ты называешь гнездом пещеру?

МИРДАД: Ковчег сей храмом был когда-то.

Абимар: А сейчас?

МИРДАД: Сейчас, увы — кротовая нора!

Абимар: Восемь счастливых кротов и Мирдад девятый!

МИРДАД: Легко смеяться, трудно все понять!

Насмехаясь, насмешник сам становится предметом осмеянья. Зачем же зря трудиться, пустословя?

Абимар: Да ведь это ты насмехаешься над нами, называя нас кротами. Когда и чем заслужили мы это название? Разве не мы храним огонь, который некогда нам доверил Ной? В прежние времена Ковчег был всего лишь лачугой, служившей пристанищем для горстки нищих. Теперь это дворец, побогаче, нежели многие другие дворцы. Границы его сравнимы с границами королевских владений. И если уж мы и кроты, то неплохо обжили мы свою норку!

МИРДАД: Огонь Отца горит, но лишь на алтаре. В чем его польза, коли сам ты — не алтарь, а сердце — не дрова и масло?

Ковчег наполнен золотом, серебром сверх всякой меры, и он скрипит, трещит по швам, готовый развалиться. А тот Ковчег, что был вначале — тот Жизнью переполнен был, не нес в себе он груза мертвого и в бездну упасть никак не мог.

Так знайте же о бремени, друзья. Все станет грузом для того, кто свято верит в божественный источник свой. Пусть целый мир внутри него, и все же не несет он груза.

И говорю я вам, пока вы не избавитесь от серебра и золота, в пучину они тянуть вас будут. Ведь Человека держит все, за что он держится. Ослабьте хватку, за вещи не держитесь, если не хотите, чтобы они держали вас.

И не пытайтесь что-то оценить, ведь даже пыль бесценна. Буханка хлеба сколько может стоить? А Солнце, Воздух, Океан, Земля? А пот и слезы пахаря, того, кто вырастил пшеницу? А руки пекаря, испекшего буханку, сколько стоят?

Не ставьте цену ни на что, коль не хотите, чтобы на вашу жизнь поставил кто-то цену. Жизнь Человека не дороже того, что дорого ему. Остерегайтесь, чтоб жизнь для вас бесценная не стала бы дешевкой вроде золота Ковчега.

Куда ни глянь, лежит земля Ковчега. Но даже будьте вы хозяевами мира, не избежите все же вы границ. Мирдад вам предлагает бесконечность. Ведь Море — только капля на Земле, и все же опоясывает Землю. А Человек — он суть все то же море, без конца и края. Не стоит по-детски мерить с головы до ног его и думать, что вы границы отыскали.

Быть может, как сказал нам Абимар, в норе своей вы счастливо живете, но как кроты, что трудятся во тьме. И чем ходы их глубже и сложнее, тем дальше они прячутся от Солнца. Я знаю ваши лабиринты, Абимар. Вы — горстка, говоришь ты, лишены вы соблазнов суетных и искушений, молитвам посвятили вы себя, общению с Богом. Но странны и темны дороги ваши, что с миром дальним связывают вас. В Ковчеге слышу я дыхание страсти. Я вижу, что в него проникла зависть и точит ваш Божественный алтарь. Хоть братством небольшим себя зовете, но сколько армий скрыто в братстве том!

Будь вы на самом деле, хозяйева норы, как говорите, давно б уже прорыли вы ход не только на земле, но и на солнце и на других светилах небосклона.

Усердно крот свой темный ход копает, но вам не нужно пальцем шевельнуть, чтоб к свету проложить себе дорогу. Вы, сидя здесь, в гнезде, вперед воображение пустите. Оно ваш проводник. Оно вам путь божественный проложит среди сокровищ дивных бездорожья, что царством вашим зиждется пока. Ему доверьтесь и за ним идите, наполнив сердце смелостью, отвагой. Его следы, следы воображенья, оставленные на звезде далекой, послужат верным знаком вам, приметой, что сами вы укоренились там. Ведь вы не можете представить ничего, что не было бы в вас или хоть частью вас.

Занять не может дерево земли той больше, что занимают его корни. Но человек объемлет бесконечность, поскольку в ней он сам укоренен.

Не стоит ограничивать себя. Займите все пространство, чтоб не было бы мест, где б вы не побывали. Распространитесь, чтоб целый мир был там, где вы. Растите ввысь и вширь и встретьте Бога, там, где сами встретитесь с собой. Распространитесь! Станьте больше!

Зачем же вам трудиться в темноте, уверовав, что тьма непроходима? И если слепоты своей не стыдно, и если не стыдитесь темноты, то помните о светляках хотя бы, что видят в темноте.

Нет темноты, друзья мои. Есть только лишь степень освещенности, своя для каждого, смотря кому что нужно. Ваш яркий день вечернею зарею увидит феникс. А у лягушки ночью день. И если тьму саму разоблачить, она не станет облаченьем?

Учитесь быть открытыми и вещи без вуали лицезреть. Если ничто раскроет ваши тайны, оно само прикрытьем станет. Ведь крышка знает, что в горшке хранится. Но жалок тот горшок, что до краев наполнили червями и сняли крышку.

Я говорю вам, выдох ни один не может быть исторгнут из груди, чтоб скрытое все ветру не поведать. Взгляд ни один не соскользнет с очей, в себя все ваши страхи и

улыбки, желанья и надежды не вобрав. Сон ни один не постучится в дверь, ко всем другим дверям не подойдя. И потому следите вы за тем, как смотрите. Следите и за тем, какому сну вы распахнете двери.

Хотите жить без боли и забот? Мирдад вам с радостью укажет путь.

Глава 9

Путь к жизни без боли.

Братья хотят знать, является ли Мирдад
Тайным пассажиром Ковчега.

Микастер: Укажи нам путь.

МИРДАД: Вот вам путь к свободе от забот и боли:

Должны вы думать так, как будто мысли ваши на Небесах начертаны огнем, чтоб каждый мог их видеть. И так оно и есть на самом деле.

Должны так говорить, как будто мир — одно большое ухо, что хочет вас услышать. И так оно и есть на самом деле.

Дела свершайте так, как будто каждый поступок ваш в вас эхом отразится. И так оно и есть на самом деле.

Желайте так, как будто вы — само желанье. И так оно и есть на самом деле.

Живите так, как будто Бог нуждался в вас, чтоб жизнь свою прожить. И так оно и есть на самом деле.

Камбал: До каких пор ты будешь играть с нами в загадки? Ни один человек, ни одна книга еще не говорила с нами так.

Беннун: Открой себя, чтобы мы знали, как нам слышать тебя. Если же ты Тайный пассажир Ковчега, то докажи это.

МИРДАД: Ты хорошо сказал, Беннун. У вас ушей так много, что не слышите. Имей же вы одно, но то, что слышит меня и понимает, от доказательств отказались бы.

Беннун: Тот Тайный пассажир придет к нам, чтоб вершить Страшный Суд, чтоб судить мир, и мы, хранители Ковчега, должны быть с ним в суде. Пора ли нам готовиться к Суду?

Глава 10

Об осуждении и Судном дне.

МИРДАД: Ни капли осуждения нет в словах моих, но только лишь Святое Пониманье. Я здесь не для того, чтоб Мир наш осудить, наоборот, чтобы освободить от осуждения. И только лишь невежество рядится в парик и мантию, оно чертит законы и границы, ведомое желаньем наказать.

Невежеством является суждение Невежества. К примеру, Человек. Не был бы он невеждой, не стал бы разделять себя надвое, тем призывая собственную смерть и смерть всего, что он творит в разъединенном мире.

И говорю я вам, что нету Бога и Человека — есть только Бого-Человек иль Человеко-Бог. Едино все. Однако все Единое сейчас разделено и преумножено.

Единство Бога — вот Божественный Закон, который был всегда. Закон, что сам себя провозгласил. Ему не нужно ни судов, ни судей, чтобы его признали повсеместно, чтоб уважали в нем достоинство и силу. Вселенная — вот явное свидетельство того. Ну, а неявное — тот глас единственный, что возвещает закон для всех, кто может слышать.

Ведь море, хоть оно огромно и очень глубоко, — всего лишь капля?

Земля — хоть широка она — всего лишь сфера неба?

Планеты — хоть много их — Вселенная одна?

А Человечество? Ведь все оно — всего один лишь Человек. А Человек с его мирами — абсолютное единство.

Единство Бога есть закон существованья. Другое имя этому — Любовь. И знать его, с ним жить в согласьи дружном — то значит жить в согласьи с Жизнью, следовать другим законам — то значит следовать законам Смерти и небытия.

Жизнь собирает воедино. Смерть разрывает на куски. Жизнь свяжет вместе. Смерть вас разделит. А Человек же двойственен, и он посередине. Он собирает через разделенье. Он связывает, только развязав. Сбирая, связывая, следует Закону, и Жизнь ему наградой. А разбросав и развязав, грешит против Закона, и Смерть — то горький призыв его.

Себя вы осуждаете, и также судить вы будете людей, ну, а они осудят и себя, и всех других? Как страшен суд, и как ужасны судьи!

И два преступника, друг друга на виселице вздернувши, не так страшны, как судьи те.

И два вола в одном ярме, желающие охмутать друг друга — те не так смешны.

Не отвратительны настолько два трупа в одной могиле, приговорившие друг друга к смертной казни.

И двух слепых, друг другу вырывающих глаза, не жаль настолько.

Отвергните же вы места в судействе. Ведь чтобы осудить кого-то или что-то, должны не только знать Закон и жить в согласьи с ним, но и уметь выслушивать все «за» и «против». Кого в свидетели возьмете вы?

Быть может, ветер вы призовете в зал суда? Ведь помогает он, способствует всему, что в поднебесие творится.

А может, вызовете звезды? Участники они событий в мире всех.

Иль, может быть, повестку вы пошлете всем умершим, с Адама и до наших дней?

Ведь мертвые живут в живущих ныне.

Дабы собрать всю бездну доказательств, в свидетели придется Космос звать. Когда же сможете приветствовать вы Космос, исчезнет сама надобность в суде. Судейские места освободите, позвольте вы Свидетелю судить.

Кто знает все, не станет осуждать.

Собрав свои миры все воедино, не будете вы осуждать того, кто за пределами остался. Ведь будете вы знать, что отчуждение уже есть наказание, что сам себя жестоко наказал безумен, миру противопоставив. Не будете того винить, кто сам себя винит, поможете ему не осуждать себя.

А ныне Человек так перегружен той ношей, что сам же и взвалил. Трудна, извилиста его дорога. И осуждение каждое есть груз, и для судьбы, и для того, кого он судит. И коль хотите, чтобы ваша ноша была легка — совсем вы не вините. И коль хотите, чтобы растворилась она сама в себе, чтоб утонула и чтоб навеки потерялась в Слове — пусть Пониманье правит каждым шагом, и вам дорогу гладкую укажет.

Нет осуждения в устах моих, но только лишь Святое Пониманье.

Беннун: А как же Судный день?

МИРДАД: Да, каждый день ваш Судный. Любой поступок, каждое дыхание — все взвешено. И ничего не скрыто, ничто не остается неучтенным.

Нет мысли, нет поступка, нет желанья, что не оставят по себе следа в мыслителе и в деятеле. Все они собой являют точный образ того, кто мыслит, действует, желает. Все, что в согласии с Законом Бога — все в чаше Жизни собрано. Все, что ему противится, на чашу Смерти ляжет мертвым грузом.

Ведь дни твои, Беннун, совсем несхожи. Какие-то проводишь безмятежно — и, значит, собираешь урожай часов, прожитых праведно.

В другие небосклон души твоей затянут облаками. Те дни — плоды часов, когда наполовину спал ты и силы Смерти отдавал, и в то же время ты был наполовину жив.

Бывает же и так, что попадаешь в бурю, и над тобой гроза бушует, и, точно щепку, в стороны кидает. Удары сверху получаешь ты, и снизу плетью хлещут, и ты лежишь лицом в грязи, и молишь об одном — чтоб никогда на свет ты не родился. Такие дни — плоды часов, что ты провел в сопротивлении Богу.

И то же с миром. Грозовые тучи не менее страшны, чем те, что были во времена Потопа. Откройте же глаза, и будет вам дано увидеть.

Когда вы смотрите на облака, гонимые на север южным ветром, вы говорите: скоро будет дождь. Но где же ваше здравое сужденье, чтоб точно также вам определять путь облаков на небе человека? Да разве вы не видите, как крепко держат вас свои же сети?

Освобождения день грядет. Как страшен он! Опутали и сердце, и душу Человека те сети уж давным-давно. И разорвать их можно лишь вместе с плотью человека, переломав ему хребет. Да люди сами рвут и раздробляют.

Когда сосуд откроется — так будет — оттуда выйдет все, что было в нем. Возможно ли тогда для человека снести безумный стыд, не убежать и смело посмотреть сему в глаза?

Завидовать живые будут мертвым, а мертвые — живым проклятья слать. Слова людей застрянут комом в горле, и свет им очи выжжет. Их сердца на волю пустят змей и скорпионов, и люди будут в ужасе кричать: «Откуда гады эти?» — позабыв, что сами же их в сердце породили и выкормили.

Откройте же глаза, и вы узрите, что прямо здесь, в Ковчеге, возведенном, чтобы служить для мира маяком, звездой быть путеводною — вы сами, хранители его, с дороги сбились, что вы увязли по уши в трясине. И коль маяк в ловушку превратился, печальна же и участь кораблей!

Мирдад для вас ковчег построит новый. Он здесь, в «гнезде», его вам возведет. Из этого «гнезда» вы в мир порхнете, но будете нести не ветвь оливы, а Жизнь неиссякаемую. Для этого должны вы знать Закон и соблюдать его.

Цамора: Как же мы узнаем Божественный Закон и как станем соблюдать его?

Глава 11

Любовь — божественный закон.
Мирдад указывает на враждебность
между двумя братьями, призывает арфу
и поет гимн новому Ковчегу.

МИРДАД: Любовь закон суть Бога

Живете вы, любить чтоб научиться. Вы любите, чтоб научиться жить. Другого нет урока, учить который должен Человек.

И что же есть любовь, как не любовь любовника, что навсегда вобрал любимую в себя, чтобы одним предстали двое?

Кого и что должны мы полюбить? Могли бы выбрать мы один лист Древа Жизни, излить ему все свое сердце? А что же делать ветке, что вырастила лист? А ствол, что держит ветку? А как же корню быть, питающему ствол и лист, и ветку? А про кору, скрывающую ствол, совсем мы позабыли? А почва, что ласкает нежно корень? А солнце, море, воздух и вода, благодаря чему родится почва?

И если этот маленький листок всей полноты любви достоин, чего тогда достойно это древо во всей своей красе? Любить лишь часть от целого — идти путем страданий.

Но скажешь ты: «Ведь листья есть, и все они растут на древе. Одни свежи, как розовый восход, другие сохлились и покрылись сыпью; одни прекрасны, но страшны другие, есть как большие, так и лилипуты. И как же можем мы не выбирать?»

Я вам скажу: «Из бледности болезни родится свежесть. А уродство лишь палитра красоты, гуашь и кисти. А лилипут не стал бы лилипутом, не забери гигант весь рост его».

Вы — Древо Жизни. И познайте то, как разделяете себя. Не ставьте плод напротив плода, лист вперед листа, и сук напротив ветки, не ставьте ствол возвышенной корней, и дерево — не враг земле-природе. А так бывает, если любим мы одну часть больше, чем другую, выделяем одну, как исключительную, часть.

Ты — Древо Жизни. Повсюду твои корни, и ветви и листья. Ты плод у каждого во рту. Каков бы ни был плод на этом древе, любые ветви, корни и стволы — все это ты и все они твои, все эти листья, ветви и плоды. И если хочешь ты, чтоб древо сладкий плод дарило, здоровых веток хочешь ты, тогда взгляни на корни. Какими соками питаются они?

Любовь — то сок живительный для Жизни, гной Смерти — ненависть. Любовь, как кровь, должна бежать повсюду, вечно быть в движенье. Пытаться подавить ее — в угрозу, в чуму оборотить. А что есть Ненависть? Она — не что иное, как эта же Любовь, что задавили иль выхода не дали. Стала ядом, и отравила всех: того, кто кормит и того, кто ест. В болезни оба: ненависть питающий, и тот, в кого нацелена она

А желтый лист на Древе твоей Жизни всего лишь разлучен с Любовью. Не вини его.

Иссушенная ветвь изголодалась по Любви. В том нет ее вины.

Гниющий плод лишь тот, что Ненавистью вскормлен. И не вини сам плод. Вина лежит на сердце, слепом и жадном, что по каплям источает жизни сок, что любит

часть, не познавая целого, тем самым отрицая и себя.

И нет любви другой, есть лишь любовь себя. И нет себя другого, как Всеобъемлющее «Я». Поэтому и Бог — Любовь, ведь любит Он Себя.

И если мучим ты любовью, ты не нашел пока еще СЕБЯ, не знаешь ты, где ключик золотой Любви хранится. Ведь любишь часть, которая умрет, любовь твоя не вечна.

Любовь мужчины к женщине — то вовсе не Любовь. Всего лишь видимость одна. Любовь младенца к матери — не что иное, как преддверие Любви, порог у входа в Храм. Когда все женщины начнут любить мужчин всех на земле, мужчины женщин всех; а у детей не будет родителей одних, да и родители начнут любить детей любых — тогда Любовь познают люди. А до тех пор лишь хвастаться позволено им будет, хвалиться плотью и цепляться плоть за плоть.

И нет тебе друзей, пока хоть одного врагом считаешь. Как может сердце, что лелеет злобу, для дружбы дать оплот?

Не знаешь радости Любви, покуда для ненависти место есть. И если будешь извивать ты Жизни сок на все вокруг, и ненавидеть червячка, то он, тот маленький червяк, отравит жизнь твою. Ведь если любишь ты кого-то или что-то, то истинно ты любишь сам себя. И с ненавистью то же. Ненавидя кого-то или что-то, ты ненавидишь истинно себя. Ведь то, что ненавидишь ты, с твоей любовью неразрывно, то — стороны одной монеты. Коль честен ты с самим собой, то прежде ты должен полюбить, что ненавидишь, и то, что ненавидело тебя, а уж потом любить того, кого ты любишь, и отвечать Любовью на Любовь.

Любовь — не вымысел, любовь — необходимость, сильнее, чем воздух, хлеб, вода и свет.

Не нужно же Любовью вам гордиться, выпячивать ее. А нужно только вдыхать и выдыхать свою Любовь, пусть так же бессознательно, свободно, как дышишь ты, вдыхая, выдыхая, и вновь вдыхая жизнь.

Любовь не нужно возвышать, она сама возвысит сердце, которое достойно вместить в себя Любовь.

Искать награды за Любовь — пустое дело. Любовь сама является наградой за Любовь, а Ненависть — достойное мучение за Ненависть.

И не ведите счет Любви. Ведь лишь сама с собой считается Любовь.

Любовь не даст вам в долг и не попросит. Любовь не продает, не покупает, но если отдает — то уж сполна, а если же берет — вбирает все. Принятие отдачею зовется. Когда ты даришь — тут же и берешь. И потому все то же — что сегодня, что завтра, что всегда.

И так же, как река, опустошаясь, впадает в море и, сливаясь с ним, становится богаче, — так и вы должны опустошить себя в Любви, чтоб снова вам наполниться Любовью. А пруд, что морю дань нести скупится, в болото превращается тогда.

В Любви нет «больше» или «меньше». Когда в попытках посчитать с линейкой ты к Любви подходишь, тот час вспорхнет и растворится в небесах, оставив от себя лишь горький след воспоминаний.

В Любви нет «здесь» и «там», «сейчас», «тогда». Любви одной все возрасты покорны, любое время года ей подходит. Куда б ни шел — везде Любовь находишь.

Любовь границ не знает и препятствий. Коль на пути ее лежат страдания, она Любовью зваться уж не вправе.

Я часто слышу: мол, Любовь слепа, в возлюбленном не видит недостатка. Но слепота та — подлинное зренье.

Смогли бы вы всегда так слепы быть, чтобы не замечать изъянов?

И чист, и ясен взгляд Любви, направлен в глубину. Когда же ваших глаз она коснется, тогда поймете вы, что в мире нет того, что недостойно было бы Любви. И только глаз, что ранен, что разделен с Любовью, ищет места, где нет Любви. И все изъяны, которые находит — то лишь его изъяны.

Любовь концы все сводит воедино. А ненависть спешит разъединить. Могучая, тяжелая скала, которую Алтарной вы зовете, развалится на части, коль ее рука Любви удерживать не станет. И твое тело избежит растленья, коли его ты целиком полюбишь.

Любовь — то Мир, навеянный мелодиями Жизни. А Ненависть — Война, что разбудили ветры Смерти. Что выбираешь ты: Любить и пребывать в Покое, иль Ненавидеть в состоянии войны?

И вся Земля живет в тебе, и небеса в тебе. Так возлюби же Землю, всех ее детей, коли захочешь возлюбить себя. Так возлюби же Небо, всех его господ, коли захочешь возлюбить себя.

За что ты ненавидишь Наронду, Абимар?

Всех ошеломил неожиданный вопрос Мастера и то, как изменился его голос. Мы же с Абимаром лишились дара речи: ведь мы тщательно скрывали нашу враждебность друг к другу и надеялись, что никто не догадывается. Все смотрели в нашу сторону и ждали ответа от Абимара.

Абимар (взглянув на меня с упреком): Наронда, это ты рассказал Мастеру?'

Когда Абимар произнес «Мастер», мое сердце запело от радости, поскольку именно из-за этого слова мы и поспорили, еще задолго до того, как Мирдад открылся нам. Я настаивал, что он — учитель, явившийся нам, чтобы открыть людям путь к просветлению, Абимар же утверждал, что он обычный человек.

МИРДАД: Не смотри искоса на Наронду, Абимар. Он не повинен в том, за что его винишь.

Абимар: Тогда кто? Кто сказал тебе? Неужели ты умеешь читать мысли?

МИРДАД: Шпионы иль чтецы умов Мирдаду не нужны. Вот если б ты любил Мирдада, как любит он тебя, ты с легкостью прочел бы, о чем мечтает он, и ясно понял бы, что в сердце у него.

Абимар: Прости глухого слепца, Мастер. Открой мне глаза и уши, ибо я горю желаньем видеть и слышать.

МИРДАД: Любовь — единственный волшебник. И если хочешь видеть ты,пусти Любовь в глаза, и если хочешь слышать ты, в ушах твоих Любовь пусть поселится.

Абимар: Но у меня нет ненависти ни к кому, даже к Наронде.

МИРДАД: Отсутствие ненависти не означает присутствие любви, Абимар. Любовь есть действенная сила. Коль она не правит каждым твоим жестом или шагом, не сможешь ты тогда найти свой путь, и коль она не наполняет желанье твое каждое и мысль, пусты окажутся желанья, а мысли станут панихидой дней твоих.

Теперь же сердце мое оборотилось в арфу, зовет меня исполнить песню. Где же твоя арфа, Цамора?

Цамора: Принести тебе арфу, Мастер?

МИРДАД: Да, Цамора.

Цамора тут же поднялся и отправился за арфой. Остальные переглядывались между собой в крайнем недоумении, однако сохраняли спокойствие.

Когда Цамора вернулся с арфой, Мастер бережно принял ее у него из рук и склонился над ней, ласково и внимательно, настраивая струны. Затем он стал играть и петь песню.

МИРДАД: Бог — твой капитан, плыви, о мой Ковчег!

И пусть бушует ад, всю ярость изрыгая,

Терзая мертвецов, живых же убивая,

Расплавится земля, пустая и нагая,

Бог — твой капитан, плыви, о мой Ковчег!

Любовь же — компас твой, плыви, о мой Ковчег!

На север ли, на запад, на юг ли, на восток,

Раздай добро тому, кто в том увидит прок,

С пути ты не свернешь, хоть будет путь далек

Любовь ведь — компас твой, плыви, о мой Ковчег!

А вера — якорь твой, плыви, о мой Ковчег!

Пускай грохочет гром и молния сверкает,

И горы, и моря от ужаса рыдают,

И божья искра в сердце человека угасает,

Ее раздует вера — якорь твой, плыви, о мой Ковчег!

Мастер перестал играть и благоговейно склонился над арфой, как мать склоняется над сыном, что сосет ее грудь. Никто не перебирал струны, но арфа продолжала петь «Бог — твой капитан, плыви, о мой Ковчег!» Губы Мастера были плотно сжаты, но голос его разносился далеко за пределами пещеры, волнами окутывал каменистые горы, и долины, что лежат внизу, и море, что дышит беспокойно, и небеса, что смотрят свысока. В его голосе звучал звездный дождь, искрилась радуга, слышалась дрожь земли, завывал ураган, а иногда веял легкий бриз, или заливался песней соловей.

Глава 12

О творческой тишине.

Самая лучшая речь —

это всего лишь правдивая ложь.

Прошло три дня. Семеро, словно подчиняясь беззвучному приказу, собрались вместе и отправились в пещеру. Мастер приветствовал нас так, как будто уже давно ждал

МИРДАД: И вновь я приветствую вас, птенцы мои, возвратившиеся в гнездо. Расскажите Мирдаду о ваших мыслях и желаньях.

Майкайон: Единственное наше желание — быть рядом с Мирдадом, чтобы могли мы слушать и внимать его истине, тогда и мы, возможно, станем такими же светлыми, как он. Однако его молчание приводит нас в священный трепет. Может, мы обидели его чем-то?

МИРДАД: Не для того, чтобы изгнать из сердца вас, молчу я три последних дня, но для того, чтоб стали ближе вы сердцу моему. Ведь тот, кто знает тайну тишины, ее Покой неразрушимый, не может быть обижен или обидеть сам.

Майкайон: Выходит, молчать лучше, чем говорить?

МИРДАД: Речь, даже самая прекрасная — всего лишь ложь правдивая. Тогда как самое гнетущее молчанье открытой правдою зовется.

Абимар: Получается, что слова Мирдада, хоть и честны, но все же ложь?

МИРДАД: И слова Мирдада — ложь для всех, чье «Я» не есть едино с «Я» Мирдада. Когда же станете черпать вы мысли ваши из одного источника, и все желанья искать в колодце нашего единственного «Я» — тогда слова не будут больше ложью.

Когда мое и ваше «Я» сольются воедино, так же, как «Я» мое и Бога, тогда без слов общаться сможем мы и истину услышим в Тишине.

Пока мое и ваше «Я» не суть одно и то же, я вынужден вовлечь вас в слов войну, которую могу я выиграть вашим же оружием и к моему источнику вас привести.

Тогда вы в мир пойдете и научите людей любить, так, как учу вас я. Тогда вы поведете мир в тишину Сознания, туда, где будет бить для всех источник Слова, Святого Пониманья.

Пока же вы на милость Мирдаду не сдадитесь, не сможете вы стать непобедимы. И не отмоет мир позора поражений, коли не победите вы его.

И потому, друзья, готовьтесь к битве. Щиты достаньте, надевайте латы, точите свои копыя и мечи. А Тишина бить будет в барабаны и боевое знамя понесет.

Беннун: Что же это за Тишина, которая одновременно и барабанщик, и знаменосец?

МИРДАД: Та Тишина, в которую я вас введу — пространство нескончаемое, в нем небытие восходит в бытие, а бытие в небытие стремится, и это — благодати пустота, где звуки, зародившись, умирают, где формы обретают вид, затем его теряя, где пишется судьба, где ничего нет, а только лишь ОНО.

Пока не перейдете вы эту пустоту, пространство это не пересечете, не сможете познать реальность бытия, а также всю реальность несуществованья. Не сможете познать вы, насколько тесно связана реальность ваша со всей Реальностью Единой.

Вас приглашаю в эту Тишину. Из края в край свободно в ней бродите, исследуйте всецело, чтоб смогли вы сбросить свои старые одежды и двигаться свободно и легко.

И ей отдайте ваши все заботы и страхи, ваши страсти и желанья, всю вашу зависть, вашу похоть всю, чтобы могли вы видеть, как исчезнут они, тогда свободны станут ваши уши от криков их, а тело от шипов их острых.

Ей подарите ваши копья, стрелы, с чьей помощью надеетесь покой и радость обрести, а вместо них приходит горе и неугомность.

Туда себе дорогу проложите из темноты и духоты тюрьмы той, раковины той, в которой ваше «я» томится, туда, где свет и чистый воздух божественного «Я».

Та Тишина, которую на вас я возлагаю — не просто передышка в болтовне.

То Тишина Земли плодоносящей, а не молчанье гнусных подлецов.

То Тишина заботливой наседки, а не пустое квохтанье. Она сидит спокойно целых три недели, в уверенности тихой, что свершится под животом ее Волшебной Дланью чудо. Ее же неразумная соседка наружу из курятника стремится и иступленно всем вокруг кудахчет о том, что, мол, яйцо она снесла.

Так помните, друзья, о пустословье. Освободившись от стыда, от гордости освободитесь. Ведь благородство, что клокочет, хуже, чем молчаливое бесчестие, и хуже добродетель крикливая, чем бессловесный грех.

Остерегайтесь много говорить. Из тысячи произнесенных слов одно, всего одно лишь нужно бы сказать. Другие же в сознании туманом ложатся, утомят язык, и уши слышать более не могут, и сердце уж не видит ничего.

Как трудно вам сказать одно лишь слово, которое воистину желанно!

Из тысяч написанных словес, возможно, что всего одно вам нужно начертать.

Слова другие зря лишь

тратят время, бумагу и чернила, и всего лишь неверные и мелкие шажки, незнающие крыльев света.

Как трудно написать одно лишь слово, которое воистину желанно!

Беннун: А как же нам молиться, Мастер? Молясь, мы говорим так много слов, и так много просим. Но редко происходит то, к чему зываем.

Глава 13

О молитве.

МИРДАД: Молитвы ваши тщетны, когда вы молитесь любым другим богам, но не себе.

Ведь сила, что притянет, она же оттолкнет. И эта сила в вас. И все, что к вам придет, и все, что вас покинет — находится ни где-нибудь, а в вас.

Уменьше получить — отдать уменьше.

Где голод, там и пища. Там, где пища, должен быть и голод. Страдать от голода же значит наслаждаться блаженством наполнения.

Да, в желании таится исполнение желанья.

Разве ключ не подтверждение тому, что где-то есть замок? А если есть замок, так значит, где-то есть и ключ? Поскольку же и то есть, и другое, то где-то рядом дверь.

И если ключ вы где-то потеряли, не торопитесь к мастеру бежать. Свою однажды сделал он работу, и сделал хорошо. Зачем просить его об одолжении проделать вновь работу ту? Оставьте мастера, займитесь сами делом. Теперь же занят он. Освободите память от зловония и мусора, и вы найдете ключ.

Когда неопиcуемый, невыразимый словами Бог вас выразил, вас создал, то выразил Себя он в вас. Поэтому и вас словами невозможно описать.

И не частицей Бога своей он наградил вас — ведь нельзя делить Его на части — всего себя он в вас вложил. Чего же большего хотелось вам в наследство? И кто иль что вам сможет помешать вступить в права? Лишь только трусость ваша да слепота.

И все же, не желая благодарить за данное наследство, не ведая, как способ тот найти, чтобы вступить в его права, слепые люди — о неблагодарные! — его смешать готовы с грязью, в него сливают все зубные боли и боли в животе, все неудачи в торговле и в семье, все свои ссоры, желанья отомстить, свою бессонницу и скуку.

Другие же считают Его шкатулкой, где полно сокровищ, откуда можно вынуть любую безделушку, лишь только захоти.

В ранг счетовода Его возводят третьи. Им кажется, что должен он вести подсчет не только их долгам, учитывать не только тех, кто должен им, но также собирать долги, отчет предоставляя богатый и приятный.

Сколько разных податей на Бога налагают люди. Но мало кто подумает о том, что если б Бог и вправду был так занят, то он, скорей всего, все делал сам бы и не нуждался в том, чтоб подгоняли или напоминали о заданьи.

Вы что, напоминаете Ему о том, что солнцу уж пора вставать, и что луне пора исчезнуть?

Напоминаете ли вы Ему о зернышке, растущем в июле?

А может, вы напомните Ему о пауке, что мастерски плетет себе приют?

Иль о птенцах в гнезде напомните Ему?

Напоминаете ль Ему вы о бессчетом количестве вещей, что наполняют бескрайнюю вселенную?

Зачем тогда вы память засоряете Ему своими нуждами пустыми? К чему навязывать себя Ему? Иль думаете вы, что Он вас меньше любит, чем зернышко, птенцов и паука? И почему своих даров не ждете вы спокойно, как это делают они, смиренно не идете по делам, без суеты, коленопреклоненья, не возводя вверх рук и

не заглядывая в завтра с содроганием?

И где ваш Бог, которому кричите вы в ухо ваши прихоти, желанья, хваля иль жалуясь? Не в вас ли Он и не о вас ли Он? Разве Его ухо не ближе к устам вашим, чем язык ваш к нёбу?

От Бога вам дана Его божественность, она в вас семенем заключена. И если б Бог, вложив в вас это семя, заботился бы только о божественности, а не о вас, чего б вы стоили тогда? И в чем была бы вашей жизни цель? А если бы не нужно было исполнять вам миссию, за вас ее исполнил Бог, чего бы стоила тогда вся ваша жизнь? Зачем, скажите, вам тогда молиться?

Не Богу доверяйте вы свои бесчисленные заботы и надежды. Его вы умоляйте не открывать те двери, от которых он вручил вам ключ. Простор ищите в сердце вы своем. Ведь в сердца широте и есть тот ключ, что отомкнет любую дверь. И в широте же сердца есть все то, что вашу жажду утолит: добро и зло.

Могущественный Мастер придет на помощь к вам, как только его вы призовете, он выполнит любую вашу прихоть. Если вы дадите инструменты, проявите вы мудрость в обучении его, приказ без страха отдадите, то сможет он и вечности достичь, и смыть преграды все и все барьеры. А если инструменты плохи те, и не приручен он, и с робостью приказ вы отдаете, то либо будет попусту кружиться он в облаках, либо суетно отступит пред первым испытанием, потянет за собою шлейф полнейших неудач.

И нет другого Мастера, монахи, чем маленькие красные тельца, бегущие стремительно по венам, и каждое из них полно чудесной силой, и каждое вернейший есть отчет всей вашей жизни и вообще всей Жизни, ее всех сокровенных проявлений.

И в вашем сердце Мастер тот живет, из сердца же он действует. Вот почему так сердце воспевают. Оно исторгнет слезы радости и горя. В нем прячутся все страхи Смерти, все страхи Жизни в нем живут.

Ваши желанья и мечты — то инструменты Мастера. Ваш Ум следит за дисциплиной, приказы ваша Воля отдает.

Когда ж научитесь снабжать свою вы кровь одним Желаньем, которое затмит все остальные, доверитесь одной лишь Мысли, не отвлекаясь на другие, и в едином порыве Воли отдадите вы приказ, тогда Желанье точно воплотится.

Как достигает святости святой? Ничем иным, как только кровь очистив от мыслей и желаний, со святостью не связанных, направив их неколебимой волей искать лишь только святости одной.

Я говорю вам, каждое желание святое и каждая святая мысль, и каждый святой порыв волеизъявления, с Адама и до наших дней, спешит на помощь человеку, который жаждет святости достичь. Всегда так было, что воды ищут моря, луч света ищет солнца.

Как же убийца совершит убийство, коль не наполнит кровь свою он жаждой смерти, не выстроит он клетки крови плотными рядами перед плетью мысли, убийственно настроенной, и не отдаст приказ он волей, что жалости не знает, приказ произвести тот выстрел роковой?

Я говорю вам, что любой убийца, от Каина до наших дней, стремится сам упрочить ряды той армии людей, что так опьянены убийства жаждой. Всегда так было, что вороны друг друга ищут, гиены тоже стаями живут.

Молиться — это значит наполнять одним Желаньем кровь, одною Мыслью и

единой Волей. Это значит себя настроить, быть в гармонии полнейшей с тем, о чем вы молитесь.

Планета эта, во всех подробностях запечатленная в сердцах ваших, вздымается волнами изменчивых воспоминаний обо всем, что видела она со дня рожденья.

Ни слова одного нет или дела, ни одного желанья или вздоха, нет ни одной сиюминутной мысли иль мимолетного виденья, ни выдоха, ни тени, ни иллюзии, которых не включало б ваше сердце уже, и там они пребудут до скончания времен. Настройте сердце вы на что хотите, и тут же исполнение желанья на струнах его бросится играть.

Не нужен рот или язык, чтобы молиться. Вам нужно сердце тихое, что бодрствует, вам нужно лишь одно Желанье, Мысль одна и Воля, что на миг не усомнится. В словах нет пользы, если в каждом слоге нет сердца пробужденного. Коль сердце присутствует и бодрствует, то языку бы лучше поспать иль за устами схорониться.

И храмы не нужны вам, чтоб молиться.

Не может кто храм в сердце отыскать, не сможет обнаружить сердце в храме, куда бы ни пошел он.

Но большинство людей еще куда брошены на произвол судьбы. Им хочется молиться, но они не знают как. Они молиться могут лишь словами, но сами их найти не могут, и молятся они словами теми, что вы даете им. Они теряются, приходят в ужас перед простором сердца своего. Поэтому нужны им стены храма и толпы тех, что им во всем подобны, лишь так они спокойствие обрящут.

Пусть возводят они храмы. Пусть молитвы распевают.

Но вы, и те, кому откроюсь я, молитесь вы о Пониманье. Ведь только жажда Пониманья утолится. Все остальное не наполнит вас.

Запомните, что к Жизни ключ есть Слово Творящее. Оно же открывается Любовью. Любовь приходит с Пониманьем. Наполните вы сердце свое этим.

Не утруждайте свой язык словами. Снимите с себя груз молитв. Освободите себя от рабства всех богов, которые пленили вас дарами; которые ласкают вас одной рукой, другой же вас терзают; которые довольны и добры, когда им молятся и восхваляют, но гnevаются и жаждут мщенья, когда их осуждают; что не слышат, если не взывать к ним, и не дают, коль не попросите; а наградив вас чем-то, об этом же жалеют; чей ладан — ваши слезы, чья слава — то ваш стыд.

Освободите сердце от таких богов, чтоб одного найти в нем. Того, кто вас Собой наполнил. И станете тогда и вы полны.

Беннун: То говоришь ты о Человеке, как о всемогущем, то как об оставленном на произвол судьбы. Мы остались в тумане, как и прежде.

Глава 14

Беседа между двумя архангелами и беседа между двумя архидемонами о без временном рождении человека.

МИРДАД: В момент безвременный рожденья Человека архангелы на верхнем полюсе Вселенной вели беседу эту.

Сказал архангел первый:

Младенец дивный на Земле родился, и воссияла она светом.

Второй же молвил:

Славный король родился в Небесах, и Небеса затрепетали в радостном волненьи.

1-й: Он — плод слияния Земли и Неба.

2-й: И вечный он союз — отец, мать и дитя.

1-й: В нем возвеличилась Земля.

2-й: В нем Небо подтвердилось.

1-й: День спит в его глазах.

2-й: Ночь в сердце пробудилась.

1-й: А грудь его — гнездо ветров.

2-й: А горло — лоно песен.

1-й: Руками горы может он обнять.

2-й: А пальцами потрогать звезды.

1-й: Моря шумят в его костях.

2-й: И Солнцем кровь его полна.

1-й: Уста его есть кузница и форма.

2-й: Язык же наковальня есть и молот.

1-й: А ноги его скованы цепями Завтрашнего дня.

2-й: А в сердце его — ключ от тех цепей.

1-й: Во мраке и грязи дитя растет.

2-й: Зато завернуто оно в пеленки вечности.

1-й: Как Бог, владеет он секретом цифр всех, как Бог, он знает тайну слов.

2-й: Все цифры знает он, кроме одной — Священной, которая и первой, и последней является. Со всеми он знаком словами, но одного не знает Слова — Животворящего, что первым и последним является.

1-й: Узнает он и Цифру, и Слово то.

2-й: Но только если перестанет он блуждать среди пустынь Пространства бездорожных, и если взгляд свой кинет за пределы Времени.

1-й: Чудесное, чудесное дитя Земли!

2-й: О славный, славный король Небес!

1-й: Ему дал имя Человека Безымянный.

2-й: Он Безымянному дал имя Бога.

1-й: А Человек есть слово Бога.

2-й: Бог — слово Человека.

1-й: Хвала тому, Чье слово Человек.

2-й: Хвала тому, чье слово Бог.

1-й: Сейчас и вечно.

2-й: Везде и здесь.

Так говорили два архангела на верхнем полюсе Вселенной в момент рождения Человека неизвестный.

И два архидемона на нижнем полюсе Вселенной вели беседу эту:

Первый архидемон сказал:

— Неистовый ряды пополнил наши воин. И с помощью его мы сможем победить.

Второй архидемон сказал:

— Родился трус, трясущийся и жалкий. Пороки и измена написаны на лбу его.

Ужасен в страхе он своим и преступленьях.

1-й: Дик и бесстрашен взгляд его.

2-й: Слез и смиренья сердце его полно. И все же страшен он в смиреньи и в слезах.

1-й: Остер и пронизателен ум его.

2-й: Ленив и бестолков слух его. Опасен он в сей тупости и лени.

1-й: А руки его быстры и ловки.

2-й: А ноги неуклюжи и робки. Чудовищна его пассивность, нерешительность тревожна.

1-й: Наш хлеб для нервов его будет сталью. Наше вино огнем охватит кровь его.

2-й: Он забросает нас хлебами, как камнями, кувшины же с вином он разобьет о наши головы.

1-й: Но станут боевою колесницей желанье хлеба, жажда до вина.

2-й: Его неукротимый голод, жажда неутолимая дадут непобедимость, и в нашем лагере подымет он восстание.

1-й: Но колесницей будет править смерть.

2-й: Со смертью в колеснице бессмертным станет он.

1-й: Разве Смерть ведет его к чему-то, кроме Смерти?

2-й: Смерть его страданий вечных настолько будет для него желанна, что в лагерь Жизни приведет его.

1-й: Смерть — предатель Смерти?

2-й: Жизни Жизнь верна.

1-й: Его уста мы раздразним плодами редкими.

2-й: Но плод иной захочет он отведать, что не на этом полюсе взращен.

1-й: Мы соблазним его глаза и обонянье цветов прекрасных нежным ароматом.

2-й: Но будет взгляд его искать цветов других, а обонянье — запаха другого.

1-й: Мы музыкой далекою и сладкой станем слух его ласкать.

2-й: Но повернется к хору он другому.

1-й: Страх сделает его рабом для нас.

2-й: Надежда защитит его от страха.

1-й: Боль покорит его.

2-й: А Вера освободит от боли.

1-й: Мы сон его наполним кошмарами, сбивающими с толку, а бдения часы затмим тенями.

2-й: Разгадает загадки те его воображенья, растают тени.

1-й: Но можем мы считать его одним из нас.

2-й: Считай его одним из нас, коль хочешь, но и противником его считать ты должен.

1-й: Но может ли он быть одновременно за нас и против нас?

2-й: Он — одинокий воин. А враг его единственный — его же тень. Как ляжет тень, так битва повернется. Когда тень впереди его — он с нами. Когда же позади — он против нас.

1-й: Так что ж, держать его спиной к солнцу?

2-й: Но кто удержит солнце за спиной?

1-й: Загадочен тот воин.

2-й: Загадочна и тень его.

1-й: Сколь славен ты, о одинокий рыцарь.

2-й: И одинокая сколь славна тень.

1-й: Хвала ему, когда он с нами.

2-й: Хвала ему, когда он против нас.

1-й: Сейчас и вечно.

2-й: Здесь и везде.

Так говорили два архидемона на нижнем полюсе Вселенной в момент рожденья Человека неизвестный.

Глава 15

Шамадам пытается выслать Мирдада из Ковчег.

Мастер говорит об оскорблении и о том,
что значит оскорбленным быть.

О том, как сохранить Священное Понимание в мире.

Мастер произнес последнее слово, и в ту же минуту чья-то тень появилась у входа в пещеру. Мы увидели грузную фигуру Старейшины, он затмил собою свет и перекрыл нам воздух. В голове моей пронеслась мысль о том, что фигура у входа — это те два архидемона, о которых нам только что рассказывал Мастер.

Глаза Старейшины пылали, борода развевалась на ветру. В ярости бросился он к Мастеру и схватил его за руку, пытаюсь вытолкать из пещеры.

Шамадам. Я слышал все, все, что породил твой подлый разум! Через твой рот изливается яд. Твое присутствие поражает тяжким недугом. Как Старейшина Ковчег, я приказываю тебе: убирайся немедленно вон!

Но Мастер, хоть и был хрупкого телосложения, не шелохнулся, как если б он был великаном, а Шамадам — ребенком. Он взглянул на Шамадама и спокойно произнес:

— Лишь тот имеет право высылать другого, кто обладает властью принимать. Разве ты, Шамадам, принял меня в братство?

Шамадам: Твой жалкий вид тронул мое сердце, потому я тебя и впустил.

МИРДАД: Мою любовь своей ты тронул жалостью. И вот я здесь, со мной моя любовь. Но ты, увы, ни здесь, ни там. И тень твоя лишь носится повсюду. А я пришел собрать все тени и спалить их в свете Солнца.

Шамадам: Я был Старейшиной Ковчег задолго до того, как твое дыхание стало отравлять здешний воздух. Как только твой мерзкий язык повернулся сказать такое: «Я не здесь»?

МИРДАД: Я был и до того, как эти горы появились, и долго после я еще пребуду того, когда они сотрутся в пыль.

Я — Ковчег, алтарь я и огонь. И если не укроешься во мне, то станешь ты добычею штормов. И если не смиришься предо мной, то не познаешь ты освобожденья от острых ножей Смерти. И если не поглотит тебя мой ласковый огонь, то станешь топливом для Адского огня.

Шамадам: Нет! Вы слышали? Вы слышали? Братья, ко мне! Сбросим этого нечестивого самозванца в пропасть!

И вновь Шамадам бросился к Мастеру и схватил его за руку, желая вытащить из пещеры. Но Мастер стоял, как вкопанный. И никто из братьев не двинулся с места. Видя это, Шамадам опустил голову и вышел из пещеры, бормоча себе под нос: «Я — Старейшина Ковчег. Вы еще узнаете, кто здесь главный».

Мастер долго, задумчиво смотрел ему вслед. Цамора не выдержал и нарушил молчание.

Цамора: Шамадам оскорбил нашего Мастера. Что ты хочешь, чтобы мы сделали с ним? Только прикажи.

МИРДАД: Молитесь за Шамадама, друзья мои. Больше ничего. Молитесь, чтобы спала пелена с очей его, и чтобы тень растаяла.

Как притянуть к себе легко добро, так же легко и зло приблизить. Как на Любовь

настроиться легко, так и на Ненависть.

Из Космоса бескрайнего, безбрежного простора своих сердец зовите Благословенье мира. Ведь все, что есть Благословение для мира, Благословением является для вас.

Молитесь же о благе всех существ. Ведь благо для любого существа есть ваше же благополучье.

Ведь каждый есть кирпичик Бытия, вы — бесконечной лестницы ступени. Те, кто хотят добраться до святой Свободы, должны на чьи-то плечи опираться. Они ж подставят плечи для других, для тех, кто вознестись стремится выше.

И кто же Шамадам, как не ступень для вас? И разве не хотите вы, чтоб ваша лестница была и крепкой, и надежной? Вам надлежит заботиться о каждой ступени и следить, чтоб были они крепки и надежны.

И кто же Шамадам, если не камень, положенный в основу вашей жизни? А вы суть камни, что в основе его жизни и всех других существ. Следите, чтоб Шамадам был камнем без изъяна, чтоб жизнь построить цельную. И сами безупречны будьте, чтобы жизнь тех, кому нужны вы будете, была бы безупречной.

Подумайте, у вас всего два глаза? Я говорю вам, каждый глаз, что видит, на небе, на земле иль под землей — это всего лишь продолженье ока вашего. Насколько взгляд соседа ясен, настолько же ясны и ваши очи. И коль туманен взгляд его, туманен взгляд и ваш.

Слепец — глаза незрячие для вас. Оберегайте зрение соседа, чтоб лучше видеть вы могли. Храните ваше зрение, чтобы сосед не спотыкался и не упал бы прямо перед вашей дверью.

Цамора думает, что Шамадам меня обидел. Разве может невежество нарушить Понимание мое?

Ручей, что глину, ил несет с собою, способен загрязнить ручей хрустальный. Но разве море он может загрязнить? Ведь радостно приемлет море грязь, по дну ее рассеет и воду чистую ручью вернет.

Вы можете запачкать иль очистить квадратный фут земли, возможно, мило. Но кто запачкать иль очистить Землю может? Земля вбирает нечистоты человека и зверей, взамен она нам дарит плоды и ароматные цветы, и урожай, и мягкую траву.

Меч ранит плоть. Но может ли он ранить воздух, каким бы острым ни был он?

И только лишь гордыня человека и узкое сознание себя, невежества и похоти созданье способно оскорбить иль оскорбленным быть, и станет оскорблять в ответ и грязью грязь смывать.

И коль ваш мир гордынею отравлен, услышат ваши уши оскорбления, а тумачи на голову падут. И спустит этот мир на вас собак, что стерегут ничтожные законы, и убеждения, купленные золотом, и благородство, что покрыла плесень. Они объявят вас врагом порядка и сеятелем хаоса и смерти. На всем пути для вас стоят капканы, а ложе ваше застлано крапивой. Они вам будут посылать проклятья и в очи вам презрительно плевать.

Не позволяйте сердцу вашему ослабнуть. Как Море, широко и глубоко оно пусть будет, благословит того, кто прокликает вас.

И как Земля, щедры вы будьте и спокойны, и нечистоты человеческого сердца в здоровье и красу умеете превращать.

Как Воздух будьте вы свободны и легки. Меч, что захочет ранить вас, покроет

ржавчина. Рука, что нанести удар захочет, устанет и замрет на полпути.

Мир, не зная вас, не сможет вас в себя принять. И потому он будет насторожен, рычаньем станет охранять себя. Но, зная мир, вы можете его в себя вобрать. И гнев его вы добротой смягчайте и растворяйте клевету в Любви и Пониманьи.

И Пониманье проведет сквозь ночи тьму и выведет на свет дневной.

Так учил я Ноя.

Так учу я вас.

Семеро погрузились в молчание. Мы уже знали, что слова: «Так учил я Ноя» означают, что Мастер закончил.

Глава 16

О кредиторах и должниках.

Что такое деньги?

Рустидиону прощается его долг Ковчегу.

Однажды, возвращаясь вместе с Мастером из убежища, мы увидели такую картину: у ворот Ковчеха стоял Шамадам, размахивая клочком бумаги, а перед ним распростерся ниц какой-то человек. Мы услышали, как Шамадам гневно произнес: «Твои отсрочки истощают мое терпение. Я больше не могу потакать тебе. Плати сейчас же, или ты сгниешь в тюрьме».

Мы узнали того человека. Его звали Рустидион, он был одним из тех, кто арендовал землю Ковчеха. Нищета сломила его, а годы довершили дело. Он умолял Старейшину отсрочить выплату процентов, так как недавно потерял единственного сына и корову, и все за одну неделю, а жену горе приковало к постели. Но сердце Шамадама нельзя было смягчить никакими просьбами.

Мастер подошел к Рустидиону и, взяв его за руку, произнес:

— Встань, мой Рустидион. Ты тоже олицетворенье Бога, а Божий Лик не должен кланяться теням.

Затем, повернувшись к Шамадаму, он продолжал:

— Покажи мне расписку.

Ко всеобщему удивлению, Шамадам, только что метавший громы и молнии, стал кроток, как ягненок. Он покорно протянул Мастеру бумагу. Мирдад взял ее и долго, пристально рассматривал. Шамадам же воззрился на него немигающим взглядом, ничего не говоря, как в оцепенении.

МИРДАД: Не тот, кто обладал богатством, построил наш Ковчег. И разве завещал тебе он деньги, чтоб в рост давать их? Разве завещал тебе имущество, которым можно торговать, иль земли, которые б ты мог сдавать внаем, тем самым наживая жир себе? Разве завещал тебе он пот и кровь твоих же братьев? А может, он завещал тебе тюрьму для тех, чей пот ты высушил до дна, чью кровь ты высосал до капли?

Ковчег, алтарь, и свет он завещал тебе — и боле ничего. Нетленным его телом стал Ковчег, бесстрашным сердцем — алтарь, а вера — светом, что не меркнет. Вот что он завещал тебе хранить нетронутым и чистым среди мира, который пляшет под дудку Смерти, который утопает в трясине несправедливости, лишь потому, что веру потерял он.

И чтоб заботы о насущном хлебе не отвлекали бы тебя от дел духовных, позволено тебе жить подаяньем прихожан. Со времени Ковчеха основанья не испытали братья недостатка в одежде иль еде.

И как могло случиться! Благодетельность ты превратил в проклятие и для себя, и для всех тех, кто щедро подарки вам дарил. Ты их поработил дарами их же. Ты наказал их той же плетью, что для тебя они сплели. Раздел их догола, забрав одежду, что шили для тебя. Ты отнял хлеб, который пекли они тебе. Ты выстроил тюрьму из тех камней, что приносили они тебе. Ты изготовил гробы и хомуты из дерева того, что отдавали они тебе, чтобы согреться мог ты. Их собственные пот и кровь дал в долг им, теперь проценты с этого берешь.

Ведь что такое деньги, как не пот и кровь людей, обманом превращенные в

монеты, с чьей помощью поработить людей возможно? И что же есть богатство, как не пот и кровь, которые собрал не проливавший ни того и ни другого, чтобы потом тиранить» тех, кто больше всех потел и крови лил?

О, горе им! Тем, кто спалил свой ум и сердце умертвил, а дни свои и ночи уничтожил накоплением богатства! Не ведают они, что накопили.

Пот проститутки, вора и убийцы, чахоточных и прокаженных, пот слепых, хромым, калек, крестьянина пот и его быка, пот пастуха, овцы его — все это и многое другое накопили.

Кровь сироты и жулика, кровь деспота и мученика, кровь нечестивца и святого, разбойника и жертвы, кровь палачей и тех, кого они казнят, кровь вымогателей, мошенников и тех, кто ими был обманут — все это и многое другое накопили.

О, горе им! О, горе им, торгующим людскими потом и кровью! Наступит час, когда свою назад попросят цену и пот, и кровь. Ужасна будет их цена, и страшны те будут кредиторы.

Давая в долг, потребовать проценты! Сия неблагодарность столь бесстыдна, что нету ей прощенья.

Что у тебя есть, что в долг давать ты можешь? И разве жизнь твоя не дарена тебе? И если б Бог за малые дары свои проценты назначал, чем расплатился б ты?

А этот мир? Он — общая казна, в которую и люди все, и вещи все отдают, что только ни имеют, чтоб поддержать друг друга

Разве соловей одалживает песню, ручей — журчание воды?

Разве дуб одалживает тень, а пальма — финики?

Разве овца, что шерсть тебе дает, взамен за это требует проценты?

Разве облака дождем торгуют, а Солнце продает тепло и свет?

И чем была бы твоя жизнь без этого всего и тысячи других вещей? И можно ли сравнить, кто вкладывает больше, а кто меньше в казну Земли?

И можешь ли ты, Шамадам, вклад подсчитать Рустидиона в казну Ковчега? И что же? Ты одолжишь ему его же вклад — возможно, незначительную часть — да и проценты за него назначишь? Или в тюрьму его отправишь и погибать оставишь там?

Каких процентов хочешь ты с Рустидиона? Да разве ты не видишь, как выгодно ему брать в долг? Какой же нужно платы тебе еще сверх сына погибшего, коровы мертвой, парализованной жены? Чего еще ты можешь требовать с него?

О Шамадам, протри глаза! Проснись же до того, как самому тебе платить сполна придется с процентами, а коль не сможешь, то попадешь в тюрьму и там сгниешь.

И вас, друзья мои, к тому же призываю. Протрите вы глаза, восстаньте ото сна!

Давайте, когда вы только можете, и все, что можете, но не займы, иначе все, что есть у вас, и даже ваша жизнь — все превратится в долг, который нужно немедля погасить, иль вы окажетесь несостоятельными и в долговую яму попадете.

Мастер снова посмотрел расписку. Он разорвал ее на мелкие куски и развеял их по ветру. Затем обратился к Химбалу, хранителю казны Ковчега, и сказал:

— Дай Рустидиону все необходимое, чтоб смог купить он две коровы, и чтоб заботиться он мог и о жене, и о себе до окончания дней своих.

Рустидион, иди же с миром. Твой долг прощен. И сам ты никогда не становишься ростовщиком. Ведь долг того, кто одолжил, намного больше и тяжелее, чем долг того, кто занял.

Глава 17

Шамадам пытается подкупить братьев,
чтобы переманить их на свою сторону
в борьбе с Мирдадом.

Много еще гудел Ковчег, точно улей, обсуждая случай с Рустидионом. Майкайон, Микастер и Цамора горячо прославляли Мастера. Цамора говорил, что ему ненавистен сам вид денег, не то, что прикосновение к ним. Беннун и Абимар и одобряли, и не одобряли поступок Мастера. Химбал же открыто высказывал неодобрение, говоря о том, что в мире невозможно прожить, не имея денег, и что богатство — это награда Божья за бережливость и трудолюбие, а бедность — наказание за праздность и расточительность, и что кредиторы и должники будут существовать до скончания времен.

Шамадам же занимался восстановлением своего пошатнувшегося положения Старейшины. Однажды он призвал меня к себе и в уединении своей кельи говорил со мной.

Шамадал Ты летописец Ковчега, к тому же ты сын бедняка У твоего отца нет земли, зато есть семеро детей и жена — восемь ртов, которые он должен кормить, помимо себя самого. Не записывай этот неприятный случай, дабы те, кто придут после нас, не насмеялись над Шамадамом Отрекись от этого распутника Мирдада, и отец твой станет свободным землевладельцем, наполнит свои амбары зерном, а сундуки — золотом.

На что я ответил: «Бог позаботится о моем отце и семье лучше, чем Шамадам. А что касается Мирдада, то я обязан ему новыми знаниями и освобождением. Так что я скорее жизнь отдам, чем покину его. А записи я буду вести честно, отображая все, что видел и слышал».

Позже я узнал, что Шамадам делал подобные предложения каждому из братьев, но преуспел он или нет, я не могу сказать. Однако стало заметно, что Химбал уже не так ревностно посещает наши собрания в Убежище.

Глава 18

Мирдад угадывает смерть отца Химбала
и обстоятельства, при которых он погиб.

Он говорит о смерти.

Время — величайший обманщик.

Колесо времени.

После того случая много раз воды сходили с гор, и много раз наполнялось море. И вот пришел день, когда Братья, за исключением Химбала, вновь собрались вокруг Мастера в Убежище.

Мастер рассказывал нам о Всеединой Воле. Вдруг он прервал речь свою и произнес:

— Химбал в беде. Он к нам бы обратился за помощью, но от стыда не может он сюда направить стопы. Так помоги ж ему ты, Абимар.

Абимар вскоре вернулся с Химбалом. Тот шел в слезах.

МИРДАД: Подойди ко мне, Химбал.

Ах, Химбал, Химбал! Смерть твоего отца сдает горем сердце тебе и превращает в слезы кровь. Что б делал ты, коль вся семья твоя погибла? Когда же все отцы и матери, все братья и все сестры отбудут в мир иной, и ты не сможешь дотронуться до них, увидеть их, тогда что делать будешь ты?

Химбал: Да, Мастер. Отец мой умер мучительной смертью. Вол, которого недавно он купил, вспорол ему живот и череп раздробил ему. Мне сообщили только что. Горе мне. Ах, горе мне.

МИРДАД: И умер он как раз тогда, когда, казалось бы, удача повернулась к нему лицом.

Химбал: Да, Мастер, это так. Истинно так.

МИРДАД: И смерть его терзает тебя еще и потому, что вол был куплен на деньги, что ты ему послал.

Химбал: Да, Мастер, это так. Истинно так. Кажется, ты знаешь обо всем.

МИРДАД: А деньги те были ценой любви твоей к Мирдаду.

Наронда: Химбал больше не мог говорить и разразился слезами.

МИРДАД: Отец не умер твой, Химбал. И форма, и тень его не умерли. На самом деле, умерло лишь ощущение твое той формы и той тени. Ведь бывают формы настолько тонкие, а тени столь прозрачные, что грубое людское око их вряд ли сможет различить.

Тень кедра, растущего в лесу, не та же, что тень кедра, в мачту превратившегося иль в колонну в храме, или подмостками для виселицы ставшего. На солнце кедр отбрасывает не ту же тень, что при луне, или при звездах, или на розовой заре.

И все же, кедр, как он ни изменился, все кедром остается, хотя все остальные кедры в лесу не признают его.

И гусеница сможет ли сестру узнать, когда она томится в коконе? А кокон шелковый поймет ли, что бабочка когда-то им была?

И семечко в земле узнать ли сможет родню свою, что колосится в поле?

А пар или вода морская смогут признать сестер и братьев в тех снегах, что горные вершины покрывают?

А может ли Земля узреть родную душу в том метеоре, что пронзает Космос, покуда не обрушится он с неба?

Узнает ли дуб в желуде себя?

Отец твой ныне пребывает в свете, и этот свет слепит глаза твои, и форма его ныне такова, что ты его не узнаешь, а потому считаешь, что твоего отца уж больше нет. Материальная Часть человека, где б ни была она, какую форму бы ни принимала, будет тень отбрасывать всегда, пока не растворится в свете Части Божественной.

Дерева кусок, будь он зеленой веткою сегодня, доскою — завтра, он деревом останется, а тень и форму он изменит лишь тогда, когда сгорит в огне. И человек все ж будет человеком, когда и жив, и мертв, покуда Бог не поглотит его, покуда не поймет он своего единства. Этого, однако, нельзя достичь за малый промежуток, достаточный лишь веки чтоб смежить, который люди жизнью называют.

Все Время — это время жизни.

Нет остановок и начал во Времени. И так же нет в нем и караван-сараев, где путник мог бы отдохнуть.

Время — непрерывность, перекрывающая сама себя. В нем задние ряды смыкаются с передними. Ничто не кончено и не прекращено во Времени, ничто не начато.

Время — колесо, вращаемое чувствами. Лишь ими установлен в Космосе круговорот.

Сезонов наблюдаете вы смену и мните — переменам все подвластно. И все же признаете вы, что сила, что начинает время года и его заканчивает — все одна и та же.

За ростом вновь последует упадок, и малодушно вы его концом зовете всего, что выросло. Но все же признаете, что сила, заставляющая нечто расти и разрушаться, не растет и не спадает.

И силу урагана с легким бризом сравнив, вы говорите: она больше. Но все же признаете вы, что тот, кто правит ветром, навевает бриз, сам никуда не носится, как буря, и не витает вместе с легким бризом.

Как легковерны вы! Как поддаетесь на, уловки ваших чувств. Куда же подевалось воображение ваше? Ведь только с ним вы сможете увидеть, что перемены, в которых вы убеждены, — лишь ловкость рук, обман.

Как может ураган быстрее бриза быть? Не бриз ли даст начало урагану? И разве ураган в себе не носит бриз?

Вы, те, кто по земле шагает, как отмеряете вы расстоянье, которое прошли, шагами, милями? Гуляете ли вы или бежите, Земля несет вас скоростью своей. Ваша скорость равняется и скорости Земли. Но Землю ведь несут тела другие, и скорость ее та же, что у них.

Медлительность — начало быстроты, а быстрота несет медлительность на крыльях. Медлительность и быстрота неразделимы в любой момент, в любом Пространстве месте.

Как судите, что рост есть рост, а угасанье — это угасанье, и что одно напротив есть другого? Ведь все, что на земле произрастает, сидит в разрушенном. Все разрушается лишь потому, что создается что-то.

Ведь вы растете, постоянно угасая, а разрушаетесь вы из-за роста.

И разве умерший живым не дарит почву? Разве живые не хранят в себе умерших?

Рост — разрушения дитя, а разрушенья — роста, Жизнь — Смерти мать, а Смерть есть матерь Жизни. В том истина, что все они едины в каждой точке Времени, Пространства. В том истина, что ваша радость жизни и роста настолько же глупа, сколь горе смерти, разрушенья.

И почему вы Осень временем зовете созреванья? Я говорю вам, зреет виноград зимой, хоть это дремлющий всего лишь сок, что видит сны в вине, и зреет он весной, когда нежнейшей изумрудной гроздью вдруг расцветет лоза, он зреет летом, когда, янтарным наливаясь соком, горит под поцелуем Солнца.

И коль в любом сезоне заключены другие три, то истина суть в том, что все они сливаются в одно в любой момент, в любом Пространства месте.

Обманщик — время, люди — простофили.

Как белка в колесе, сам Человек, придумавший круговорот Времен, так увлечен движеньем, что больше он не верит, что сам он вертит колесо, и не находит времени, чтоб ход Времен остановить.

Как кошка, что точильный лижет камень и верит в то, что кровь течет из камня, так Человек сам слизывает кровь с обода времен и поглощает плоть, разодранную спицами, и верит, что это кровь и плоть Времен.

И Космос колесо Времен вращает. На ободке его найдется все, что могут чувства воспринять, они не могут воспринять ничто в отрыве от Времени, Пространства. Потому все продолжает исчезать и появляться. То, что исчезает для одного — явится для другого. То, что один поднимет вверх — другой опустит вниз. То, что может казаться днем одному — другому будет ночью.

Едина дорога Жизни и Смерти на ободке Времен. Движение по кругу никогда не кончится, себя не исчерпает. И каждое движенье в мире есть движенье в круге.

И что же? Человеку никогда от круговерти не освободиться?

Освободится он! Ведь человек — наследник святой Божественной Свободы.

Пусть колесо вращается, но ось его статична.

Бог есть ось. Хоть все вращается вокруг него во времени, Пространстве, все ж сам он всегда вне времени и вне пространства, в покое пребывает. Хоть все создано его единым Словом, все ж Слово это — вне времени и вне пространства, так же, как и Он.

Где ось — там и покой. Где обод — беспокойство. Что выберите вы?

Говорю вам, переместитесь с обода вы колеса Времен туда, где ось его, освободите себя от тошноты вращения. Пусть Время вертится вокруг вас, но вы же не вращайтесь вместе с ним.

Глава 19

Логика и вера.

Самоотречение — это самоутверждение.

Как остановить колесо времен.

Рыдания и смех.

Беннун: Прости меня, Мастер, но твоя логика приводит меня в замешательство своей нелогичностью.

МИРДАД: Не мудрено, Беннун, что ты «судьей» зовешься. Прежде, чем вынести вердикт, ты хочешь разобраться во всем логически. Так поступаешь ты. Но разве ты не понял: единственная польза от Логики есть в том, чтоб от нее освободиться и в сердце своем Веру отыскать, а через Веру — Пониманье обрести?

Логика — незрелость, сплетающая сеть из паутины, в те сети поймать она желает бегемота знаний. Когда же Логика достигнет полноты, она в сетях своих запутана сама, и в веру здесь она переродится, а вера — то же знание, но глубже.

Логика — костыль для инвалида. Для быстрого является обузой, а для летающего — неподъемным грузом.

Логика — в безумстве Веры. Вера — Логика, что полноты достигла. Когда же твоя логика достигнет расцвета, ты перестанешь говорить о ней, Беннун.

Беннун: Чтобы переместиться с обода Времени на ось колеса, мы должны отказаться от себя. Может ли человек отречься от собственного существования?

МИРДАД: Для этого должны вы отречься от себя того, кто Времени игрушка, и утвердить Себя того, над кем не властно Время.

Беннун: Может ли отрицание одного себя стать утверждением другого?

МИРДАД: Да, отречься от себя — то значит утвердить Себя. И если кто-то умирает для перемен — рождается для неизменности. Но большинство живет, чтоб умереть. И счастлив тот, кто умер, чтобы жить.

Беннун: И все же дорога человеку форма его, то, как он видит себя. Разве может он раствориться в Боге и вместе с тем осознать себя?

МИРДАД: Ведь не теряется ручей, вливаясь в море. Для Человека форму потерять и то, как он себя определяет в Боге — значит тень свою оставить и обнаружить в себе источник света, бестеневую сущность.

Микастер: Как же может Человек, существующий во Времени, быть свободным от тисков Времени?

МИРДАД: Так же, как Смерть избавит вас от Смерти, а Жизнь от Жизни вас спасет, и Время также свободным от Времени поможет стать.

И человек устанет так от изменений, что все в нем будет жаждать, жаждать с неугасимой страстью чего-то, что сильнее перемен. И это он найдет в самом себе.

Блаженны жаждущие, ибо на пороге Свободы находятся они. К ним обращаюсь я, для них я говорю. Разве выбрал бы я вас, если б не слышал молитв я ваших?

Но горе тем, кто ходит по кругу Времени и хочет в нем свободу обрести, и счастье и покой. Едва лишь улыбнутся при рождении, как близость смерти наполняет их рыданьем. Едва наполнятся, как сразу же пусты. Едва голубка мира к ним спустится, как тут же превратится в стервятника войны. Чем больше знают они, тем меньше знают. Чем дальше они продвинулись вперед, тем более отстали. Чем выше

поднимаются они, тем ниже падают.

Для них моя речь кажется туманом и бормотаньем, бередящим слух, богослужением в сумасшедшем доме, светом фонаря, зажженным для слепых. Покуда не начнут они Свободы желать, меня им не услышать.

Химбал (рыдая): Теперь не только услышать тебя могу я, о, Мастер, но и сердцем принять твои слова. Прости глухого и слепого Химбала, того, кем я был еще вчера.

МИРДАД: Не нужно больше плакать, Химбал. Слезы не годятся для глаз, которые хотят за горизонт проникнуть взглядом, увидеть, что за Временем стоит и за Пространством.

Пускай тот, кто смеется, когда его щекочет Время, пускай он плачет, если Время его ногтем царапает.

Пускай согретый Молодостью пляшет, но стонет и вздыхает, глядя на морщины Старости.

Пускай весельчаки на карнавале времени посыплют пеплом темя на его похоронах.

Но вы спокойны будьте. В калейдоскопе изменений ищите то, что неизменно. Ничто во Времени слезы не стоит. Не стоит и улыбки тоже. Лицо смеющееся и лицо в слезах роднит между собой одна гримаса

Бойтесь вы слезы соленой? Тогда страшитесь судороги смеха.

Слеза, засохнув, обратится смехом, а смех, сгущаясь, потечет слезой.

От радости не воспаряйте, от горя не сжимайтесь, спокойны одинаково вы будьте.

Глава 20

Куда мы уходим после смерти?

Что такое покаяние.

Микастер: Мастер, куда мы уходим после смерти?

МИРДАД: Где ты сейчас, Микастер?

Микастер: В Убежище.

МИРДАД: Думаешь ли ты, Убежище достаточно большое, чтобы вместить тебя? Думаешь ли ты, Земля — людей единственная гавань?

Ведь, несмотря на то, что ограничены во Времени тела, в Пространстве есть у них пределы, из Времени и из Пространства составлены они. Так много в вас того, что Солнцем рождено, оно живет на Солнце. Так много в вас того, что от Земли, то на Земле живет. И так со всеми другими светилами и бездорожьем между ними.

И лишь глупцы считают, что единственный дом человека на Земле, что мириады небесных тел, кружащихся над нею — всего лишь украшение для дома иль развлечение для глаз его.

И первая звезда, и Млечный путь, Плеяды — такие же дома для человека, как Земля. И каждый раз, когда их луч достигнет взгляда Человека, он возвышается до них. Когда ж под ними он проходит, тогда в себя вбирает их.

Есть в Человеке Все. Во Всем есть Человек. Вселенная — то тело целое. Объединяйтесь же с малейшею частицей, и вы объединитесь с целым.

Вы постоянно умираете, живя, а значит, умирая, вы живете. Если и не в этом теле, то в теле другой формы. Но вы будете жить в теле до тех пор, пока не растворитесь в Боге, не одолеете вы измененья.

Микастер: Вернемся ли мы на Землю в нашем путешествии от одной перемены к другой?

МИРДАД: Повторенье — времени закон. То, что однажды во Времени произошло, еще раз и еще раз повторится. А долго ль ждать иль коротко, зависит от силы вашего желанья.

Когда выходишь ты за Жизни круг, в круг Смерти ты вступаешь, и если с собой несешь ты жажду неутоленную, томленье по Земле, и не насытился сполна ее страстями, тогда магнит Земли тебя притянет снова. Она тебя выкармливает грудью, а Время от груди той отучает Жизнь за Жизнью, Смерть за Смертью, пока себя ты не отучишь сам однажды, раз и навсегда, своею волей.

Абимар: А над тобою Земля имеет власть? Ведь ты — один из нас?

МИРДАД: Я прихожу, когда хочу, и ухожу, когда хочу. Я прихожу, чтобы детей Земли освободить от душающих ее объятий.

Майкайон: Я хотел бы освободиться от Земли навсегда. Как мне это сделать, Мастер?

МИРДАД: Люби ты Землю и всех ее детей. Когда же на твоём Земном счету останется Любовь лишь, Земля тебя отпустит, сняв оковы.

Майкайон: Но Любовь — это привязанность, а привязанность — это рабство.

МИРДАД: Нет, Любовь — свобода от привязанностей. Когда ты любишь всех и вся, то ни к чему ты не привязан.

Цамора: Можно ли через Любовь избежать повторения грехов, противоречащих

Любви, и тем самым остановить круг Времен?

МИРДАД: Вы можете придти к тому чрез Покаянье. Проклятие, покинувши язык, искать оправится другой приют, когда, вернувшись, на прежнем своем месте обнаружит любовную молитву. Так Любовь задержит повторение проклятья.

И похотливый взгляд блудливых ищет глаз, вернувшись, а находит лишь материнство в глазах твоих, наполненных любовью. Так Любовь задержит похоть.

Порочное желанье, зародившись в порочном сердце, полетит искать гнездо другое, когда вернется и увидит сердце материнское, полное желаний любящих. Так Любовь задержит возрождение порока.

Вот что такое Покаяние.

Время не сможет повторить ничто, кроме Любви, когда Любовь останется единственным остатком. Одно и то же, повторяясь, постоянством становится, собою полнит Время и Пространство, и отменяет их.

Химбал: И все же, кое-что тяготит мое сердце и лежит облаком на Пониманьи. Мастер, почему мой отец умер именно так?

Глава 21

Святая Воля Всеединая.

Почему происходит то, что происходит и тогда, когда происходит.

МИРДАД: Не странно ли, что вы, дети Пространства и Времени, еще не осознали, что Время — это память Вселенская, хранимая в скрижалях Пространства?!

И если, ограниченные в чувствах, запомнить все ж способны вы хоть что-то, что происходит меж рождением и смертью, насколько больше помнить Время может? То Время, что до вашего рождения существовало, и то, что будет длиться после смерти вашей бесконечно.

Я говорю вам, Время помнит все — не только то, что яркою картиной хранится в памяти, но также все, о чем вы абсолютно позабыли.

Забвенья нет во Времени. И нет ни одного малейшего движенья, иль выдоха и вдоха, иль желанья, что не запомнились. И все, что память Времени хранит, начертано в Пространстве.

Земля под вашими ногами, воздух, которым дышите, дома, в которых вы живете, сохранены в подробностях мельчайших в архивах вашей жизни, прошлой, настоящей и будущей, и вам предстать готовы, коль захотите вы прочесть и вспомнить что-то, и коли есть довольно сил у вас, чтоб прочесть, и коль желанье есть в том смысл отыскать.

И в жизни, в смерти, на Земле, за ней вы не останетесь одни, всегда вас будут сопровождать все те, кто принимал участие в вашей жизни и смерти. Ведь вы — частица их, они — частица вас, и так же, как для них необходимы вы, нуждаетесь и вы в них.

Воля Человека есть во всем, все обладает волей в Человеке. И постоянный, непрерывный идет обмен. Но Человеческая память вас подводит, не то что безошибочная память Времени, которая ведет отчет точнейший о ваших отношениях друг с другом, с другими существами во Вселенной. Она же заставляет Человека вновь и вновь вести отчет, за жизнью жизнь, за смертью смерть.

И молния бы в дом не ударяла, когда б сам дом ее не притянул. И дом в ответе столько ж за руины, сколь молния.

И вол бы не напал на человека, когда б он не способствовал тому.

Убитый обращается к убийце, зовет его кинжал достать из ножен, и оба совершают роковой удар.

Ограбленный грабителя движенья направляет, и оба совершают ограбленье.

Да, Человек сам в гости приглашает свои страданья, но не рад гостям. Забыл он, как и где, в какое время писал то приглашенье, как отправил. Но Время позабыть того не может, оно гостям укажет точный адрес и приведет к порогу.

Я говорю вам, не гоните гостя, чтоб тот свое не тешил самолюбие и вам назло не оставался б дольше, чтоб не стремился чаще приходиться, чем надобно.

Добры вы будьте и гостеприимны, любого гостя с лаской привечайте, каков бы ни был вид и поведенье, ведь он на самом деле пришел отдать вам то, о чем его просили.

И тем, кто вам немил и надоедлив, особое вниманье уделите, их накормите больше, чем желают, чтоб, вас покинув, были благодарны. И если вновь они вас

навестят, то как друзья, а не враги.

И относитесь к каждому, как будто он почетный гость, чтоб заслужить его доверье, мотивы скрытые визита разузнать.

Неудачу воспринимайте как благоволение сил небесных. Как только до конца ее поймете, удачей обернется неудача. Удача, что вы поняли неверно, вмиг неудачей станет.

Вы сами выбираете рождение и смерть, их время, место, так же способ, и это несмотря на то, что ваша капризная, обманчивая память полна неточностей, пробелов.

Лжемудрецы вас станут уверять, что человек не выбирает ни рождения, ни смерти. Ленивые, смотрящие на Время, Пространство только в прорезь своих глаз, с готовностью зовут случайным все, что видят. Помните, о, братья, об их коварстве и обмане.

Нет ничего случайного во Времени, Пространстве.

Дождинки все, собравшись воедино, родят ручей. Ручей к ручью стремится, чтоб речкой стать, а речки соберутся в одну большую реку и направят воды в море. Моря сольются в океан. Так воля твоя, моя и всех существ на свете впадает в океан один великий. Он Волей Всеединою зовется.

И говорю я вам, у всех есть воля и стремление. Даже камень неподвижный, глухой, безмолвный и как будто мертвый, он тоже волей наделен. Иначе б не было его, и на других он не влиял бы, и на него ничто бы не влияло. Сознание того, что существует на свете он и волей обладает, от вашего лишь степенью отлично, по сути же одно и то же.

Насколько много вы за день один способны осознать? Ничтожную, незначимую часть.

И если вы, способные запоминать события, чувства, мысли, живете неосознанно весь день, чего ж тогда от камня вы хотите? Неудивительно, что он того не знает, что он живет и волей обладает.

И так же, как вы движетесь, живете, почти совсем того не сознавая, вот так и воля ваша. Вы проявляете ее гораздо чаще, чем то осознаете. Однако Воля, та, что Всеединая, все понимает, все осознает.

Везде распределяясь равномерно, она дает вам то, что вы хотели, не больше и не меньше. И не важно, осознанным иль нет желанье было. Но человек, не ведая того, приходит часто в ужас и уныние и проклинает выпавшую долю. И протестует, отвергая волю свою же, гневно ропщет на судьбу, изменницей ее он называет.

Но не судьба, друзья, вам изменяет, ведь имя ее — Воля Всеединая. А воля человека, ваша воля изменчива, она никак не может в желаниях своих определиться. Сегодня на восток она стремится, а завтра будет курс держать на запад. Зовет хорошим что-то, а другое ей кажется плохим. Кого-то нынче другом называет, чтоб завтра посчитать его врагом.

Запомните, о, братья, ваша воля должна быть постоянной. Отношения с вещами и людьми определятся тем, что вы от них хотите, и тем, чего хотят они от вас. Так их желания определяют желанья ваши.

Я раньше говорил и повторю вам: вниманье уделяйте вы тому, как дышите, что говорите, чего хотите вы, о чем вы думаете и делаете что. И то, что до сих пор от вас сокрыто, проявлено для Воли Всеединой.

И от других не ждите удовольствий, что боль им принесут, чтоб вам же ваши не причиняли наслаждения боль.

Не желайте блага, что злом кому-то будет, дабы сами себе не причинили вы страданий.

Просите лишь любви. Ведь только с нею спадут вуали с глаз, и Пониманье к вам в сердце постучит, и воля ваша проникнет в удивительные тайны одной великой Воли Всеединой.

Пока не осознаете вы все, не сможете познать вы волю всего, что в вас, а также вашу волю, которая во всем.

Ну, а покуда это не случится, не сможете вы, как бы ни старались, проникнуть в тайны Воли Всеединой.

Пока же в эти тайны не проникли, вы Воле не должны сопротивляться, иначе проиграете. Израненными и наполненными злобой вы выйдете из битвы той, и захотите отомстить, чтобы еще прибавить ран и чашу злобы переполнить.

И говорю я вам, примите Волю, и поражение будет вам победой. Безропотно любовью вы дар примите, что выпадает из мешка судьбы, примите с благодарностью и верой, ведь своевременен и справедлив тот дар. Примите все вы, искренне желая понять его значение и ценность.

Своей же воли скрытый путь поняв, поймете вы и Волю Всеединую.

Примите то, чего не знаете, и это поможет вам узнать. Отвергнув нечто, оставите его навеки тайной, и будет тайна эта беспокоить.

До той поры пусть будет ваша воля служанкою для Воли Всеединой, покуда Понимание ее не превратит в служанку воли вашей.

Так учил я Ноя.

Так учу я вас.

Глава 22

Мирдад освобождает Цамору от его секрета.
Он говорит о мужественности и женственности,
о браке и о воздержании,
и о человеке обновленном.

МИРДАД: Наронда, моя память верная! Что шепчут эти лилии тебе?

Наронда: Ничего, что мог бы слышать я, о мой Мастер.

МИРДАД: Я слышу шепот их: «Наронду любим. И в знак того ему дарить готовы свой аромат». Наронда, мое сердце постоянное! О чем журчит вода в пруду?

Наронда: Ни о чем, что мог бы слышать я, о мой Мастер.

МИРДАД: Я слышу речь ее: «Люблю Наронду, и жажду утолить его готова и жажду лилий, милых его сердцу».

Наронда, мой взгляд открытый! Что говорит тебе сей день, и все, что в солнечных руках он нежно держит?

Наронда: Ничего, что мог бы слышать я, о мой Мастер.

МИРДАД: Я слышу его слова: «Наронду я люблю, и потому его в руках несу столь нежно, а также все, что дорого ему, с почтением и любовью обнимаю».

И коль так много всего, что можно было бы любить и что тебя готово любовью одарить, то жизнь Наронды ужели не полна, и разве нужно ему еще чего-нибудь желать, о чем-нибудь мечтать и мыслить?

Воистину, любимец у Вселенной человек. Всё радо услужить ему. Но мало есть людей, не избалованных такой заботой, и меньше тех, кто не кусает руку, что их с любовью пестует.

Неизбалованному и укус змеи любовным кажется прикосновением. Но для того, кто избалован, укусом ядовитым станет ласка. Цамора, ты со мной согласен?

Так говорил нам Мастер, мне и Цаморе, одним солнечным днем, в то время, кик мы поливали цветы в монастырском саду. Последнее время Цамора был заметно удручен и встревожен, и вопрос Мастера застал его врасплох.

Цамора: Мастер всегда говорит правду, значит, это тоже правда.

МИРДАД: А для души твоей не так ли? О Цамора, скажи мне, разве не был ты отравлен обилием любовных поцелуев? И разве и сейчас тебя не мучат воспоминания губительной любви?

Цамора (бросившись к ногам Мастера и разразившись слезами): О Мастер! Как глупо и тщетно с моей стороны, как и со стороны любого, скрывать что-то от глаз твоих даже в самой глубине сердца!

МИРДАД: (помогая Цаморе подняться): Глупо и тщетно скрывать это от лилий этих даже!

Цамора: Я знаю, что сердце мое не безупречно, потому что сны мои прошлой ночью были непристойны.

Сегодня я очищу сердце свое. Я обнажу его перед тобой, мой Мастер, перед Нарондой, перед лилиями и перед земляными червями, что ползают между их корней. Я облегчу душу, сбросив ношу тяжкой тайны. И пусть этот легкий бриз подхватит ее и развеет по всему свету.

В молодости я любил одну девушку, которая была нежнее и светлей утренней

зари. Имя ее было слаще меда для уст моих. Когда ты говорил нам о молитве и о красных кровяных тельцах, бегущих по венам, я был первым, полагаю, кто испил целительный эликсир твоих слов. Любовь Хоглы, как звали ту девушку, управляла моей кровью, и я знал, на что способен человек, если кровь его течет в едином направлении.

С любовью Хоглы Вечность была моей. Я носил Вечность, как обручальное кольцо. Я носил Смерть, как кольчугу. Я казался себе старше, чем Время, и моложе, чем самое раннее утро. Руками своими я поддерживал небо, ногами приводил в движение Землю, а в сердце моем сияли миллионы чистых звезд.

Но Хогла умерла, и Цамора, горящий феникс, стал пеплом. Только не смог он, подобно волшебной птице, возродиться из погасших углей. Цамора, бесстрашный лев, превратился в пугливого зайца. Цамора, атлант, держащий на своих плечах свод небес, превратился в руины, и те руины затонули в болоте скорби.

Стеная, собрал я прах, оставшийся от Цаморы, и отправился в Ковчег, надеясь похоронить себя среди воспоминаний о Потопе, среди его теней. Я прибыл к воротам Ковчеге как раз тогда, когда один из братьев удалился в мир иной. Теперь я здесь.

Пятнадцать лет братья Ковчеге видели и слышали Цамору, но никто ни разу не видел и не слышал его тайны. Возможно, древние стены и темные коридоры Ковчеге догадываются о ней. Возможно, деревья, цветы и птицы в саду Ковчеге о чем-то знают. Но струны моей арфы расскажут тебе больше, о Мастер, они расскажут о Хогле все, так, как я сам никогда не расскажу.

Как раз тогда, когда слова твои, о Мастер, стали ворошить мой пепел и раздувать погасшие угли. И близок я уже был к тому, чтоб восстать. Как раз тогда Хогла пришла ко мне во сне. И вновь леденит мне жилы кровь моя, и вновь обрушиваются на меня угрюмые скалы нынешней реальности, и гаснет огонь жизни, не успев вспыхнуть.

Ах Хогла, Хогла! Прости меня, о Мастер, я не могу сдержать слез. Может ли плоть стать чем-то иным, нежели плотью? Бедная моя плоть! Бедный Цамора!

МИРДАД: Жалость только жалости нужна. Но у Мирдада нет ее ни капли.

Любовью сердце Мирдада переполнено, ее для всех достанет — для плоти, и для Духа, что принимает форму плоти грубую лишь для того, чтоб растворить ее в своей бесформенности. И любовь Мирдада поможет Цаморе возродиться, восстать из пепла и Человеком Обновленным стать.

И для того, кто все преодолет, для Победителя вещаю я — для человека единого, хозяина себе. Мужчина, поработенный любовью к женщине, и женщина, поработенная к нему любовью, — оба не достойны примерить золотой венец Свободы. Мужчина же и женщина, что стали одним благодаря Любви, что друг от друга неотделимы и неразличимые, воистину они имеют право корону золотую получить.

То не любовь, что заковать готова любовника в оковы.

То не любовь, что плоть и кровь разгорячит.

То не любовь, что привлекает женщину к мужчине лишь для того, чтоб размножаться и увековечить с плотью связь.

Но для того, кто все преодолет, для Человека Обновленного вещаю я — для Феникса, свободного чрезмерно, чтоб быть мужчиною, и слишком величавого, чтоб женщиною быть.

Как в плотных сферах Жизни мужчина и женщина едины, точно так же едины они в тонких сферах Жизни. Меж ними расстояние — часть вечности, ведомая иллюзией Дуальности. Те, кто не видят дальше носа своего, считают эту часть самую Вечностью. Цепляясь за иллюзию, как будто она есть Жизнь, само ее ядро, не ведают они того, что Жизнь — это Союз, Единство, Единенье.

Дуальность — то во Времени лишь сцена. Она вас прочь уведит от Единства, она к нему любезно вас подводит. И чем скорее вы пройдете сцену, тем раньше вы свободу обретете.

И что такое женщина, мужчина, как не единый Человек, разбитый надвое, и вынужденный пить Дуальности сок горький, и грезить о нектаре, что называется Единством. О нем мечтая, искать его по собственной же воле, найдя, им обладать, осознавая его непревзойденную свободу.

Пусть жеребец залется громким ржаньем, когда увидит в поле он кобылу, пусть самка зовет самца. Природа в них нуждается, она их воспевает, ведь они не знают судьбы другой, высокой, размноженья лишь участь их.

Пусть женщины, мужчины, что похожи на тех самцов и самок, обретают друг друга в темном заточеньи плоти. И пусть они в одну свалили кучу распустство спальни с вольностями брака. Пусть размножаются и радуются этим. Природа счастлива светильник им держать и повитухой быть у них. Постель из роз она для них готовит, не забывая о шипах.

Мужчины же и женщины, что ищут, должны осознавать свое единство. И даже пребывая в здешнем мире едины вы, но не единством плоти, а Волею к Свободе от мирского, от всех границ, что преграждают путь к Единству и Святому Пониманью.

Вы слышите, как люди говорят о человеческой природе, будто это суть твердый элемент, определенный, исследованный тщательно и строго границей обведенный, и границу зовут они между собой Влеченьем.

И удовлетворенье страсти дать естественно природе человека. Но обуздать ее поток свирепый и вспять направить, чтоб преодолеть влечение — намеренно идти против своей природы и страдать. Так говорят они. Но вы им не внимайте.

Человек широк и неопределима его природа. Велики таланты, неистошимо силы. Берегитесь тех, кто хочет ограничить их.

Плоть облагает Человека тяжелой данью. Но он ту дань лишь временно приносит. И кто захочет быть слугою вечно? Какой же раб о том лишь не мечтает, чтоб сбросить иго тяжелое, поборы чтобы не платить?

И Человек рожден не для того, чтоб быть слугой, пусть даже для своей природы. Человек, что жаждет свободы от любого вида рабства, в конце концов и обретет ее.

Что есть зов крови для того, кто хочет обрести свободу? Узел, который должен быть развязан силой воли.

И победитель ощутит родство со всеми. Поэтому ни с кем не связан он.

Пусть те, кому не нужно это, воспроизводят расу. У ищущих же есть другая раса, которую им нужно продолжать, то раса тех, кто все преодолет и кто Свободу обретет.

Та раса зарождается не в чреве, а в чистом сердце, движимым желанием преодолеть, бесстрашной волею к свободе.

Я знаю, что вы приняли обет безбрачия, но все же далеки вы от избавления от страсти. И вчерашний сон Цаморы есть подтверждение тому.

Да, не избавлены от вожделья те, кто облачен в монашескую рясу и окружен кирпичными стенами, тяжелыми железными воротами. И многие монахи похотливей, распутнее иных мирян порочных, хоть плоть их и дала когда-то клятву не знать другую плоть, и то желанье в них было искренне. Но непорочен тот, чье сердце и чей разум непорочны, будь он отшельником или продавцом на рынке.

Боготворите Женщину, друзья, и низко преклоняйтесь перед нею. Не так, как прародительницу рода, не как супругу ее вы почитайте, и не как подругу, что ложе с вами делит, но как близнеца и как соратницу, как ту, с которой можно заботы разделить, страдания жизни, что надвое разделена. Ведь только с нею, рука в руке, пройти мужчина может сквозь Дуальность. В ней он найдет свое единство, она же в нем — свободу от раздвоенности, которая веками так мучает ее. И близнецы тогда объединятся и станут тем, кто все преодолет, свободу обретет, тем, кто не будет ни женщиной и ни мужчиной, кто Человеком Обновленным станет.

Для Победителя вещаю я — для человека единого, хозяина себе. И каждый станет из братьев Победителем, и раньше, чем Мирдад покинет вас.

Цамора: Омрачается сердце мое, когда ты говоришь, что оставишь нас. В тот день и час, когда мы пойдем искать тебя и не найдем, Цамора лишится жизни.

МИРДАД: Ты можешь многого желать, Цамора, ты даже можешь всего желать. Но только одного ты захотеть не можешь, того, чтоб твоей воле конец пришел бы, воле к Жизни, то есть Воле Всеединой. Ведь Жизнь есть бытие, она не может себе желать небытия, и точно так же небытие не обладает волей. Никто не может положить конец Цаморе.

Придет тот час, когда искать меня пойдете и не найдете, ведь моя работа — не только на Земле. Но нет такого места, где я б свою не выполнил работу. Поэтому возрадуйтесь, Мирдад вас не покинет до тех пор, пока вы не станете хозяевами, истинно собой владеющими.

А научившись управлять собою, Единство обрета, вы обнаружите Мирдада в сердце вашем, он там тогда поселится навеки, и имя его вечно будет память повторять.

Так учил я Ноя.

Так учу я вас.

Глава 23

Мирдад исцеляет Сим-Сим и говорит о старости.

Сим-Сим, самая старая корова в хозяйстве Ковчеха, болела уже пять дней. Она отказывалась от еды и питья. Шамадам послал за мясником, сказав, что разумнее будет заколоть ее и получить прибыль от продажи мяса и шкуры, чем дожидаться ее смерти — ведь с мертвой коровы вообще нечего взять.

Услышав об этом, Мастер ненадолго задумался, а потом отправился в коровник к Сим-Сим. Мы поспешили за ним.

Сим-Сим стояла неподвижно, печальная, низко опустив голову, полуприкрыв глаза. Свальявшаяся шерсть ее торчала клочьями. Время от времени она с трудом поводила ухом, чтобы отмахнуть надоедливых насекомых. Ее некогда большое, гладкое вымя иссохло и обвисло, поскольку Сим-Сим к концу своей долгой жизни отвергала сладкие муки материнства. Костлявый крестец распирал шкуру, словно ее уже содрали и развесили для просушки, ребра и позвонки с легкостью можно было сосчитать, а длинный хвост свисал безжизненно, точно плеть ленивого погонщика.

Мастер подошел к больной и начал хлопывать ее меж рогов и по нижней челюсти. Он проводил рукой по ее спине и животу, все время разговаривая с ней, как будто она была человеком.

МИРДАД: Где же твое сено, моя щедрая Сим-Сим? Сим-Сим так много отдавала, что забыла себе оставить сена хоть клочок. Но много еще сможет дать Сим-Сим. И молоко ее живительно влагой бежит по нашим венам. Ее крепкие телята нынче тянут тяжелый плуг в полях, они подмогой служат голодным в неурожайный год. Ее телочки потомством наводнили наши пастбища. Ее отходы даже украшают сочной зеленью наш стол и помогают фруктам вызреть в саду.

В горах же до сих пор разносит эхо ее мычанье. Зеркало ручья и ныне отражает ее кроткий, благородный взгляд. Земля еще лелеет и ревностно хранит неизгладимые следы копыт ее.

И с радостью трава Сим-Сим накормит. И солнышко ее ласкать стремится. И ветер прилетит благоговейно пригладить шерсть ее. Мирдад же счастлив проводить ее через пустыню Старости к другим лугам, к другой земле, к другим ветрам и солнцам.

Много дала Сим-Сим, много взяла она, но еще больше сможет она взять и дать.

Микастер: Может ли Сим-Сим понять слова твои? Ты говоришь с ней, как будто с человеком.

МИРДАД: Не слова важны, Микастер, а то, как прозвучат они. А это животные способны воспринять. Я вижу женщину, что на меня глядит глазами кроткими Сим-Сим.

Микастер: Какой толк от этих разговоров, ведь Сим-Сим умирает. Надеешься ли ты остановить процесс ее старения и продлить ее жизнь?

МИРДАД: Старость — ноша тяжкая для человека и для животного. Но вдвойне утяжелили люди равнодушным бессердечием ее. Когда родится маленький ребенок, его окружают лаской и заботой. И всякий ему выразить стремится свою любовь. Однако человека, обремененного годами, никто не вспомнит, и скорее наградят его пренебрежением, чем лаской. И так же, как с восторгом наблюдают за ростом чада

своего, так и желают страстно могилы старцу.

Старики и дети одинаково беспомощны. И все же беспомощность дитя любовь пробудит бескорыстную, стремятся помочь ему родители, как могут. Но старику не многие предложат помощь, а, помогая, будут недовольно причитать, ворчать и злиться на судьбу, желая старику скорейшей смерти. На самом деле, старики достойнее заботы вашей, чем младенцы.

Когда приходится стучать подолгу слову, чтобы его к себе впустило ухо, что некогда улавливало шепот,

Когда в неверной дымке пляшут тени и затмевают глаз, что раньше острым был,

Когда свинцовой гирей стопы станут, что ранее крылатыми казались, а руки, что творили жизнь, не держат и соломинку,

Когда дрожат колени, а голова на шее болтается, как лист сухой,

Когда уж жернова смолоты в порошок себя, и мельница притихла угрюмою пещерой,

Когда, вставая, ты упасть боишься, садишься же с сомнением: «А встану ль?»,

Когда ты ешь и пьешь, боясь последствий, а копь не станешь есть и пить, то Смерть к порогу пригласишь,

Когда приходит Старость к человеку, друзья мои, тогда пора ему одалживать глаза и уши ваши, отдать ему и руки, и ноги, поддержать его слабеющие силы любовью, чтоб он почувствовал, что он не менее желанен этой Жизнью на склоне лет своих, чем в детстве быстротечном.

И что такое восемьдесят лет для вечности? Всего лишь вдох и выдох. Но человек, радивший себя все восемьдесят лет — он больше, чем просто вдох и выдох. Он станет урожаем для тех, кто жизнь его пожнет. И есть ли жизнь, которую не пожидают?

Сейчас вы пожиаете плоды тех жизней, что земле дарили мужчины, женщины, кто жил и умер раньше вас. Речь ваша — не что иное, как урожай речей других. Мысли — всего лишь сборы прежних мыслей. Вся одежда и жилища, вся утварь, пища и вода, традиции, устои и законы — не что иное, как одежда, жилища и еда всех тех, кто раньше жил.

И каждую секунду вы владеете не чем-то лишь одним, но извлекаете вы пользу из всего, что было. Вы сеятели и плоды, жнецы, поля, гумно, где урожай хранится. И если урожай ваш беден, увидите зерна, что вы заронили в сердцах других людей, плоды пожните влиянья их в себе.

Старик, плоды чьей жизни вы пожнете и сложите в амбар, достоин наиполнейшего вниманья с вашей стороны. И если безразличем вы отравите остаток дней его, те годы, когда могли бы вы собрать вкуснейший урожай, тогда плоды, что вы собрали и те плоды, что сможете еще собрать, окажутся гнилыми. Все то же и с умирающим животным.

Дурно наживаться на плодах и проклинать того, кто их растил.

Друзья мои, добры вы будьте к людям любой страны, вероисповеданья. Они вам к Господу проводниками будут. Особенно внимательно следите за стариками, или злом отравлены плоды их будут, и никогда вы не дойдете до конца.

Добры вы будьте ко всем животным возраста любого. Они, хоть молчаливы, помогают во время сборов вам в далекий путь. Особенно внимательно следите вы за животными, которые стареют, чтоб ваши равнодушные, жестокость не отпугнули

преданности их, и чтобы помощь их не стала вам помехой.

И что за гнусная неблагодарность — звать мясника, чтоб заколоть корову, чье молоко вам силы придавало!

Едва Мастер закончил речь, как в хлев вошел Шамадам с мясником. Мясник бросил взгляд на Сим-Сим, и мы услышали насмешливый возглас: «Как мог ты сказать, что корова эта больна и умирает? Да она здоровее меня! По-видимому, она просто хочет есть, бедняжка. Дайте же ей сена».

Велико было наше удивленье, когда, повернувшись к Сим-Сим, мы увидели, что она жует сено. Даже сердце Шамадама смягчилось, и он приказал принести Сим-Сим самую лучшую еду. И Сим-Сим все с удовольствием съела.

Глава 24

Законно ли убивать, чтобы есть?

Когда Шамадам с мясником ушли, Майкайон спросил Мастера:

— А убивать животных, чтобы есть их мясо — это противозаконно?

МИРДАД: Питаться Смертью — пищей стать для Смерти. И жить за счет страдания другого — то значит стать добычей для боли. Так повелел Он Волей Всеединой. Знай это, и выбирай, что хочешь есть ты, Майкайон.

Майкайон: Если б у меня был выбор, я бы предпочел жить, как феникс, собирая аромат животных и растений.

МИРДАД: Отличный выбор. Поверь мне, Майкайон, придет тот день, когда и ты питаться ароматом станешь, то есть духом, а не плотью. Тот день уже не за горами для тех, кто ищет, для тех, кто хочет знать.

Ведь ищущие знают, что плоть — всего лишь мост, ведущий к Жизни бестелесной.

Ведь ищущие знают, что грубые, обманчивые чувства — всего лишь крошечные окна в мир бесконечно чистых и правдивых чувств.

Ведь ищущие знают, что плоть, которую на части разрывают, в конце концов должна восстановиться за счет их плоти, и каждая раздробленная кость вновь станет костью за счет их собственных костей, за каплю крови придется кровь свою им проливать. Ведь то законы плоти.

Освободятся ищущие от рабства тех законов. Все меньше станут уделять они вниманья позывам плоти, сведут на нет их, чтоб уменьшить долги пред плотью, которые являются долгами Боли их и Смерти.

Сам ограничит ищущий себя, тогда как те, кто ничего не ищет, на самом деле ждут, когда другие им что-то запретят. Огромное количество вещей, что человек законными считает, сам для себя объявит вне закона ищущий.

В то время как человек ленивый хватать как можно больше станет, чтоб наполнить чрево и набить свои карманы, тот, кто ищет, свой путь преодолет налегке и не отяготит своих карманов, и будет чист живот его от крови и агонии животных.

То, что неищущий добычей считает, к чему он так рачительно стремится, то ищущий обрящет целиком в легкости духа, пониманья сладости.

Я говорю вам, если двое смотрят на поле, и один из них оценит богатство урожая, подсчитает доход, который он с него получит, и мерками в своем воображении начнет он черпать золото. Другой же пьет глазами жадно зелень той травы, целует каждую травинку в своих мыслях, и дружит с каждым корешком. То, говорю вам, тот, второй — хозяин законный поля, первый же владеет лишь деньгами.

Я говорю вам, если двое в доме находятся, один из них — хозяин его, другой же просто гость. И рассуждает первый о стоимости дома, о содержании его, о том, во сколько обошлись ему ковры, серебряная утварь, светильники и многое другое. Второй же благословляет сердцем руки, что камни обтесали для дома, руки, что выстроили дом, руки, что ковры соткали, что серебро чеканили, что масло выжали, которое в светильники залито, и возвышается он духом, прославляя руки, что сотворили все вокруг. То, говорю вам, гость — хозяин дома, а вот хозяин — вьючное животное, несущее тот дом на собственной спине, но в нем не проживающее.

И если двое пьют молоко и наблюдают, как вымя матери коровы сосет теленок, и оба размышляют. Один — о том, что нежное телячье мясо отлично подойдет к столу на празднике по случаю рождения сына. Второй — что теленок этот для него — молочный брат, и чувствует привязанность к бычку и к матери его. То, говорю вам, что последний воистину наестся его мясом, а первый же отравлен будет им.

Да, многим из того, чем наполняете живот, вам сердце следовало бы наполнить.

Да, много из того, чем набиваете карманы, что прячете по кладовым, вам стоит просто видеть и слышать, аромат вдыхать.

И многое, что мелется зубами, должно быть перемолото умом.

Так мало нужно телу для поддержки. Чем меньше вы ему даете, тем больше вам дает оно в ответ. Чем больше вы ему даете, тем меньше возвращает вам оно.

Воистину, то многое, что за пределами кладовок и желудков, надежнее вас защитит, да и поддержит, чем то, что скрыто в них.

Пока вы не научитесь питаться ароматом, берите все, что нужно, из сердца матушки-Земли, но не берите больше. Земля щедра и так гостеприимна, что недра ее всегда раскрыты перед ее детьми.

Но как же быть Земле? Куда же ей пойти, чтоб накормить себя? Земля сама должна кормиться. Она — отнюдь не бедная хозяйка, и двери ее дома всегда открыты, и ломится стол от яств в нем.

И как Земля вас в гости приглашает, не пряча, не скрывая ничего, вы Землю тоже в гости позовите и выкажите ей свою любовь и благодарность.

«О, мать невыразимая! Как ты раскрыла сердце предо мною, чтоб мог я жажду утолить, как вот и я раскрою сердце пред тобою, чтобы могла забрать ты все, что нужно».

И если дух ваш, что ведет к вершинам, укажет вам питаться недрами Земли, тогда вообще значенья не имеет, что можно есть вам и что пить.

Однако, если дух участвует в решении, то вам достанет мудрости, любви чтоб не лишать мать-Землю детей ее — всех тех, кто в этот мир пришел, чтоб радость Жизни, горе Смерти, терзания Дуальности познать. Они ведь тоже к Единству движутся, хоть медленно, но верно. И путь длиннее их, чем ваш. Задержите их на пути — вас на пути они задержат.

Абимар: Поскольку все задумано так, что рано или поздно приходит к концу, почему же я должен переживать, что стал причиной чьей-то смерти?

МИРДАД: Да, твоя правда. Все живое умирает, но горе все ж тому, кто на живое поднял руку.

Ведь вы не станете меня просить убить Наронду, зная, что я люблю его, и в сердце нет ни капли у меня кровавого желанья. И так же Воля Всеединая не станет требовать от вас убить другого человека или животное, коль не сочтет его пригодным для убийства инструментом.

Покуда человек таков, какой он есть, на свете будут и разбойники, и воры, и ложь, и клевета, и войны, и убийства, любого рода темные и злые страсти.

Но горе тем, кто грабит, убивает, лжет или воюет. Горе тем, чье сердце ненависть лелеет, ведь их, наполненных и горем, и страданьем, использует у горя на посылках Воля Всеединая.

Но вы, друзья мои, должны очистить сердце от всякой злобы, чтобы Воля Всеединая сочла вас подходящими, доверила нести страдающему миру весть радости

свободы от страданий, весть о победе человека, весть о Свободе через Любовь и Пониманье.

Так учил я Ноя.

Так учу я вас.

Глава 25

День виноградной лозы.

Подготовка к празднику.

Исчезновение Мастера накануне празднества.

Приближался День виноградной лозы, и мы, обитатели Ковчеха, вместе с Мирдадом и множеством добровольцев-помощников со всей округи целыми днями готовились к празднику- Мастер работал с таким рвением, что казалось, будто силы его неистощимы. Даже Шамадам отметил это с явным удовольствием.

Нужно было очистить от мусора и выбелить подвалы Ковчеха, вымыть десятки винных кувшинов и бочек, подготовить их для молодого вина, еще большее количество сосудов с прошлогодним вином нужно было расставить рядами во дворе, чтобы покупатели могли отведать их содержимое. Так было заведено в монастыре — в День виноградной лозы продавать прошлогоднее вино.

Окрестности Ковчеха тоже нужно было привести в порядок. Множество паломников разбивали палатки под его стенами, торговцы же натягивали шатры и устанавливали самодельные прилавки, на которых они выставляли свои товары.

На поляне перед самыми воротами ставили давяльный пресс. Виноград привозили на ишаках, верблюдах и мулах арендаторы монастырских земель и те, кто щедро одаривал Ковчег своими пожертвованиями.

Нужно было испечь огромное количество хлеба и приготовить множество разной другой еды, которую во время праздника продавали тем, у кого она заканчивалась, или тем, у кого с собой ничего не было.

В былые времена праздник отмечали один день, но постепенно, благодаря необыкновенному умению Шамадама из всего делать деньги, он растянулся на целую неделю и превратился в подобие базара, куда стекался весь окрестный люд: женщины, мужчины различных занятий и национальностей, из соседних деревень и издалека. Год от года народу становилось все больше. Графы, принцы и бедняки, земледельцы и ремесленники, торговцы и бездельники, пьяницы и убежденные трезвенники, набожные паломники и нечестивые бродяги, монахи из других монастырей, держатели питейных заведений с длинными караванами вьючных животных — такой была разношерстная толпа, которая дважды в год наводняла Алтарную вершину, в День виноградной лозы осенью и в День Ковчеха весной.

Ни один гость не приходил в эти праздничные дни с пустыми руками — все приносили различные дары: от кисти винограда или сосновой шишки до бриллиантовых и изумрудных ожерелий. Торговцы же должны были платить десятую часть их прибыли в казну Ковчеха.

По традиции, в день открытия ярмарки Старейшина усаживался на возвышении, в беседке, увитой виноградом, и оттуда приветствовал и благословлял народ. Затем он принимал и освящал дары и распивал вместе со всеми первый бокал молодого вина. Обычно он сам наполнял сделанную из длинной тыквы огромную чашу и передавал ее одному из братьев, а тот в свою очередь передавал ее гостям. Гости наливали вино в свои бокалы, и когда чаша пустела, ее передавали обратно и наполняли снова. Когда же бокалы всех присутствующих были полны, Старейшина приглашал всех поднять кубки и спеть гимн виноградной лозе. По легенде, этот гимн пел сам Ной со

своей семьей, когда впервые отведал сок винограда. С песней гости осушали бокалы и затем расходились по своим делам.

Вот гимн виноградной лозе.
Да здравствует Священная Лоза!
Да здравствует ее Священный Корень!
Нежную ветку питает она,
Дарит ей сок молодого вина,
Да здравствует Священная Лоза!
Дети Потопа и сироты, вы,
Те, кто идет за звездой,
Благословите шелест листвы
И кровь нежной ветки той!
Да здравствует, Священная Лоза!
Вы же заложники плоти,
Сбившиеся с пути,
Выпив вина, поймете,
Куда вы хотели идти!
О, Лоза, Лоза, Лоза!

Утром, накануне открытия ярмарки, Мастер исчез. Монахи не на шутку разволновались и немедленно отправились на поиски. Они искали его целый день и всю ночь, при свете фонарей и факелов, в монастыре и в его окрестностях. Но Мастера и след простыл. Шамадам так беспокоился и так искренне выказывал свое недоумение, что ни у кого не возникло и тени подозрения, что он мог быть причастен к пропаже Мастера. Все были уверены, что Мирдад пал жертвой какой-то грязной интриги.

Празднество началось, но Семеро были убиты горем. Они ходили молча, словно тени. Толпа спела гимн и осушила бокалы, Старейшина спустился с возвышения, и тут вдруг раздался возглас, перекрывший шум голосов и звон бокалов: «Мы хотим видеть Мирдада! Мы хотим слышать Мирдада!»

Мы узнали голос. Это кричал Рустидион, разнесший далеко за пределы монастыря весть о том, как милостив был к нему Мастер. Собравшиеся подхватили его слова, и теперь требование увидеть и услышать Мирдада стало всеобщим и оглушающим. От этого наши глаза наполнились слезами, и дыхание перехватило.

Неожиданно шум стих, и настала полная тишина. Мы едва поверили своим глазам, когда взглянули на возвышение и увидели Мастера, махавшего рукой, призывая собравшихся к молчанию.

Глава 26

Мирдад обращается со страстной речью к гостям,
пришедшим на праздник,
и освобождает Ковчег от мертвого груза.

МИРДАД: Выслушайте Мирдада. Он — лоза, чей виноград еще не собран, чей сок еще не выпит до конца.

Тяжел Мирдад от ягод, но сборщики в других садах радуют.

Его чаша соком переполнена, но те, кто пить хотят, скорей вина другого отведают.

Пахари, жнецы и виноградари, благословляю ваши плуги, ваши серпы и заступы.

Какие нивы уже вы распахали и урожай какой успели вы собрать?

Распахана ли мрачная бесплодная земля душ ваших? Сорняками поросла она и превратилась в лес непроходимый, в котором злые звери рыщут и змеи подколодные живут.

Вырваны ли корни растений ядовитых, что оплели во тьме и подавили ваши собственные корни, и до сих пор сосут их сок, и не дают плодам родиться?

Обрезаны ли ветки, что изъедены червями и ветрами иссушены?

Отлично вы умеете пахать и сеять, и урожай растить в полях земных, в земных садах. Сады же ваших душ заброшены, забыты.

И тщетным окажется ваш труд, коль прежде, чем выйти в поле, вы не потрудитесь в садах самих же пахарей и виноградарей.

Я обращаюсь к вам, о люди, чьи руки мозолями покрыты, к вам, мастеровые! Благословляю я мозоли ваши!

Друзья отвеса и веревки мерной, соратники горнила и мехов, рубанка и пилы проводники, умелы вы и сведущи в ремеслах ваших.

Умеете измерить вы ширину и глубину предметов. Но вот измерить ширину и глубину свою едва ли кто из вас умеет.

Искусно форму вы можете придать листу железа. Но вы не знаете, как форму ту придать простому человеку. Не можете вы управлять ни Воли молотом, ни наковальной Пониманья. Не выучили вы бесценного урока, что наковальня вам преподает. Урок тот в том, как не желать ответного удара, в тот миг, когда пощечину вы сами получили.

Как ловко можете рубанком и пилой вы чудо выпилить из древа иль долотом из камня шедевр создать. Но человека неотесанного, грубого не можете вы воспитать, чтоб стал он тонким и изящным.

И бесполезны будут все ремесла, коль не потрудитесь вы прежде над мастером самим.

Торговцы, кто питается нуждою человека, ее меняя на творенья рук людских и на плоды богатые Земли!

Благословляю человека с его потребностями, прекрасны щедрые плоды Земли и то, что сделано руками. Благословляю я торговцев, но выгода, которая по сути является убытком, не сыщется благословения в устах моих.

Когда в тиши ночной считаете вы выручку дневную, что называете доходом вы, а что убытком? Скорей всего, доходом будут деньги, что получили вы сверх меры.

Тогда потерян будет день, что вы в заботах провели. Тот день вы продали за деньги, и не важно, сколь много их вы получили. Убытком будут бесконечные богатства, что дарят вам гармония и свет. К Свободе непрестанные призывы вы не расслышали, считая деньги, слыша звон монет, вы не заметили людей, что на пути должны вы были встретить, и не раскрылись их сердца для вас.

Когда заботит вас лишь кошелек, как можете вы к сердцу человека путь найти? А если сердце человеческое будет для вас закрытым, то скажите, где же Божественное сердце вы найдете? И если сердце Бога вы не отыщите, какой же станет ваша жизнь тогда?

И если то, что вы доходами зовете, на самом деле есть одни убытки, огромны они будут и невозможны!

Напрасной окажется торговля, коль доходом ее не станут ни Любовь, ни Пониманье.

Обладатели короны и скипетра!

Змеей тот обернется скипетр, что слишком быстро ранит, и медлит исцеляющую мазь на рану наложить. А в той руке, которая бальзам Любви несет, тот скипетр предстанет светлым жезлом, и мрак рассеет, и предупредит беду.

Внимательно вы руки рассмотрите.

Корона из золота и бриллиантов на голове, разбухшей от тщеславия, невежества и жажды власти, смотреться будет жалко и нелепо. Корона на подобном пьедестале — насмешка над хозяином ее. Однако же корона, вся в редкостных камнях, смотреться будет слишком бледно на голове, что ореолом Пониманья и победы над собой озарена.

Тщательно ощупайте вы голову.

И коль хотите править человеком, то научитесь управлять собой.

И может ли волна бурливая с собой нести покой и мир?

И могут ли глаза, что полнятся слезами, блаженно улыбаться сердцу, что убито горем?

И может ли рука трусливая, трясясь от страха, твой корабль направить верным курсом?

Тот, кто правит людьми, и сам подвластен людям. Поэтому шумит сей мир, дела вершат в нем анархия и хаос, и покоя нету людям. Подобно морю, всем ветрам небесным они открыты, подобно морю, есть у них приливы и отливы, и кажется, что иногда из берегов они готовы выйти. Но так же, как и в море, глубины их спокойны и не подвластны бурям, что на поверхности бушуют.

И коль хотите править человеком, придется вам в его глубины заглянуть. Но прежде вы в свою пучину погрузитесь. Для этого вам нужно снять корону и скипетр с державой отложить, чтоб голова была способна мыслить, и чувствовать чтобы могла рука.

Пустым и суетным правленье ваше будет, напрасно станете законы издавать, и хаос породят приказы ваши, коль не научитесь вы управлять капризным человеком, что в вас живет и любит забавляться короной, скипетром, державой.

Монахи, что чадят кадиллом и Библию читают! Что жжете вы в своих кадилах? Что можете вы в Книге Священной прочитать?

Янтарную ли кровь сожжете вы в кадиле, ту кровь растений, что сочится из ароматных их сердец и застывает на ветру? Та кровь на рынке продается и

покупается, а денежная стоимость ее расстройством станет для любого бога.

Не думаете ли вы, что аромат их может пересилить зловонье ненависти, жадности и злости? Смрад лживых глаз, коварных уст и алчных рук? Вонь той фальшивой веры, что верой истинной себя провозглашает, той бездуховности, что о блаженных небесах трубит?

Приятней Богу скорее будет дым тех вещей, что жжет огонь сердечный, и то, что пепел их развеян Ветрами неба четырьмя.

Что жжете вы в своих кадилах? Искупление греха, хвалу или молитвы?

Разгневанного бога уж лучше вы оставьте с яростью его. Того же бога, что похвалы желает, оставьте его жаждою томиться. А бог, в чьем сердце ненависть живет, пускай умрет от тяжести на сердце.

Но не разгневан Бог и похвалы ему не нужно. Все это ваше: и ярость, и жажда похвалы, и тяжкий груз на сердце.

Не ладан чтоб вы жгли, желает Бог, а ярость, ненависть и бессердечность, чтоб были вы как он, свободны и могучи, чтоб сердце ваше кадилом стало.

Что ж в Книге той Священной вы прочтете?

Прочтете заповеди, чтобы высечь их из золота на стенах храма и на куполах? Иль истины Живые, которым в сердце поселиться надлежит?

Читаете догматы и вещаете потом их с возвышенья, и логику в помощники зовете, хитросплетенье слов, а если нужно — и деньги, и даже острие меча? Или читаете вы Жизнь, которая не догма, чтоб с возвышения учить ее, а Путь, который вы пройдете с легким сердцем и со стремлением к Свободе, как в храме, так и за воротами его, в любое время суток, и днем, и ночью, на возвышении или внизу? И если по Пути вы не идете и целей вы не знаете своих, то верхом безрассудства будет учить других и призывать их Путь пройти.

Таблицы, или карты, иль списки цен читаете вы в Книге той, где говорится, сколько Небо стоит, какую часть Земли за это нужно заплатить?

Обманщики и ловкачи, приспешники Содома! Вы Небо продаете за Землю Человеку. А Землю превращаете вы в Ад и Человека заставляете бежать с Земли, в то время как сами погружаетесь в нее все глубже. Почему бы не заставить Человека продать кусочек Неба за часть Земли?

Да, если б Библию вы хорошо читали, то показали бы нам всем, как Небо на Земле устроить. Ведь для того, в чьем сердце Рай, Небесною покажется Земля. Для суетного ж и приземленного Землею Небо станет.

Раскройте Небо в сердце Человека, стирая все барьеры меж ним и братьями и сестрами его, меж ним и всеми существами, меж ним и Богом. Однако чтоб свершилось это, самим вам нужно в сердце Небо отыскать.

Но Небеса — не сад цветущий, что можно подарить или продать. Он — состоянье существа, сей Рай небесный. И быть в нем можно на Земле, на Небе, и везде, где хочешь, во Вселенной. Зачем же шею выгибать, глаза таращить, ища то состояние вовне?

И Ад — то не пылающая печь, куда не попадешь ты, молясь и ладаном пропахнув. Он — состоянье сердца, которое с тобой везде, куда бы ни пошел ты в этой не отмеченной на карте необъятности.

Куда ж уйдешь ты от пожара сердца? Как сможешь ты из сердца убежать?

Напрасен поиск Неба, и не спасишь от Ада, пока есть тень у вас. Ведь Ад и Рай —

то состоянья Человека, разделенного на части, живущего в Дуальности. Как только станет он единым в сознании своем, единым в сердце и единым в теле, не станет тени у него, единой будет Воля. До тех же пор всегда одной ногой стоять он будет в Небе, другой же будет жариться в Аду. Но это Ад и есть.

Да, это хуже ада: иметь светящиеся крылья и ноги, полные свинца, уметь надеждой выйти за пределы и вниз с отчаянием упасть, с бесстрашной верой воспарять и раскрываться и вновь от раздирающих сомнений в комок сжиматься.

Никакие Небеса не станут Раем, если для кого-то Адом являются они. И Ад не может Адом быть, если для кого-то это Небо. Ведь часто так бывает, что чей-то Ад — Рай для другого, и чей-то Рай кому-то Адом будет. Так значит, Небеса и Ад не два несовместимых состоянья — всего лишь стадии они, ступени на долгом человеческом пути к Свободе от обоих состояний.

Паломники Лозы Священной!

Нет у Мирдада Неба, что мог бы он продать иль даровать всем тем, кто праведно живет. И Ада тоже нету, который мог бы он держать как пугало для злостных грешников.

И если ваша праведность не станет вашим Небом, то расцветет она на день, и ночью вновь увянет.

И если греховность ваша не станет пугалом для вас, то днем она уснет, но вновь проснется ночью, лишь только час ее пробьет.

Ни Ад, ни Рай не может предложить Мирдад вам, но наградить Священным Пониманьем, что унесет вас ввысь, туда, где нет ни адского огня, ни сада райского. Но не руками, лишь сердцем можете вы дар принять. Однако сердце должно быть легким и свободным от всех желаний и стремлений. Одно желанье и стремление должно быть в сердце том — желанье и стремление Свободу обрести и Пониманье.

Не чужестранцы вы для матушки-Земли, да и Земля не ваша мачеха. Вы — сердцевина ее сердца, вы сущность сущности ее. И счастлива она нести вас на своей широкой, сильной, устойчивой спине. Зачем же вы хотите нести ее на впалой, хилой груди своей и ныть, страдать и чахнуть от невозможности вдохнуть?

Полна земная грудь и молока, и меда, зачем же осушаете ее вы жадностью своей, беря оттуда больше, чем вам нужно?

Безоблачен и тих лик ее, зачем же искажаете его борьбою бесполезной и страхами своими?

Совершенным единством является земля, зачем же разделять ее на части мечами и границами, дробить и ранить?

Послушна и беспечна мать-Земля, вы ж полны и спеси, и забот.

И все же вы устойчивей любой Земли, любого Солнца, любых светил небесных. Закончатся они, умрут и растворятся, но вы ж останетесь. Зачем же вы дрожите от страха умереть, как лист осенний?

И если нету больше ничего, что было бы способно вас заставить почувствовать Единство со Вселенной, пусть хоть Земля поможет вам. Земля — лишь зеркало, что ваши тени отражает. Способно ль зеркало быть больше, чем тот, кто отразился в нем? Разве тень человека больше его же самого?

Проснитесь же, глаза свои протрите! Вы больше, чем Земля. Судьба просторней ваша, чем просто жить и умереть, родив детей для продолженья рода, чем быть добычею в капкане смерти. Вам предназначено вкусить свободы от жизни и от

смерти, от Ада и от Рая, от всех воюющих противоречий, которые в Дуальности живут. Лозой Священной, плодovитой, вам суждено в божественном саду, что вечно плодоносит, быть.

Как ветвь живая, землей засыпанная, выпускает корни, становится сама лозой, как мать ее, с которой она связана, так и Человек — живая Божественная Ветвь, посаженная в почву божественности, вырастает богом, постоянно оставаясь с Ним единым.

И должно ль Человеку засыпанным быть заживо землей, чтоб Жизнь он мог восстановить?

Да, и еще раз да. Коль не похороните себя для Двойственности жизни, вы не восстанете в Единстве Бытия.

И если вы не станете есть виноград Любви, не сможете напиться вы Понимания вином.

А если не напьетесь вы Пониманьем, то поцелуй Свободы вас никогда не отрезвит.

То не Любовь едите вы, когда вы поглощаете плоды земной лозы. Они лишь утоляют малый голод, но возбуждают во сто крат сильнее.

Не Пониманье пьете вы, испив вина бутылку. Лишь мимолетное забвенье боли находится в бутылке той. Однако, когда вы протрезвеете, боль ваша увеличится вдвойне. Бежите вы от самого себя, которого вы ненавидите, чтоб снова повстречаться с ним за первым же углом.

Плоды, что предлагает вам Мирдад, ни плесени, ни разложению не подвластны. Однажды их отведав, насытитесь вы навсегда. Вино, что он вам приготовил, возможно, будет слишком крепкое для губ, которые бояться обжечься на ветру. Но сердце оно заставить биться и опьянит его самозабвеньем вечным.

Так есть ли среди вас те, кто желал бы моих плодов отведать? Пусть выступают они вперед, корзины подставляя.

И есть ли среди вас те, кто жаждет соков моих испить? Пусть чаши принесут они.

Тяжел Мирдад от ягод и соком переполнен он.

Священным Днем Самозабвенья был День Лозы когда-то. День, опьяненный вином Любви, день, утопающий в сияющем, искристом Пониманьи. День танцев восторженных под взмахи крыльев летающей Свободы. День сноса всех барьеров, стирания различий и слияния всего в одном и одного во всем.

Но, Боже мой! Во что сегодня праздник превратился!

Он стал неделей показного превосходства, неделей алчности, что жадностью торгует, неделей рабства, что рабства ищет, праздником невежества, что жаждет грубость оболстеть.

Ковчег, который был когда-то садовником Свободы, Веры и Любви, сегодня превращен в огромный винодельный пресс, в чудовищный базар. И забирает он у вас плоды, что вы растили, и отдает вам отупляющее, сжигающее вас вино. А то, что вы руками сотворили, переплавляет он в оковы для ваших рук. А пот со лба он превращает в горячие уголья, что тлеют лишь воспоминаньем и морщинами ложатся на лоб ваш.

И далеко, о, слишком далеко, Ковчег сошел с намеченного курса. Но ныне выправлено рулевое колесо. Освободится корабль от груза мертвого, чтобы по волнам Жизни плыть легко и безопасно.

Поэтому дары вернутся к их дарителям, долги простятся должникам. Ковчег не знает дарителя другого, кроме Бога, а Бог не станет кого-то в должниках держать, хоть перед Ним самим вы задолжали.

Так учил я Ноя.

Так учу я вас.

Глава 27

Можно ли возвещать истину всем или лишь немногим избранным?

Мирдад раскрывает тайну своего исчезновения

накануне Дня виноградной лозы.

Говорит о фальшивой власти.

Много времени прошло с той поры, как праздник стал воспоминанием. Семеро собрались в «убежище» вокруг Мастера. Мастер молчал, в то время как монахи горячо обсуждали памятные события того дня. Одни восхищались ликованием, с которым толпа восприняла слова Мастера. Другие изумлялись странному поведению Шамадама, когда десятки долговых расписок были извлечены из казны Ковчега и публично уничтожены, когда сотни бочек с вином были вытащены во двор и розданы бесплатно, когда множество ценных даров вернулось к их хозяевам. Шамадам не выказал ни малейшего сопротивления, чего мы от него не ожидали. Он лишь молча и неподвижно наблюдал за происходящим, обливаясь горькими слезами.

Беннун заметил, что хоть толпа и возликовала, но радовалась она не словам Мастера, а, скорее, освобождению от долгов и возвращению подарков. Он даже мягко упрекнул Мастера в том, что тот впустую потратил страстное дыхание на толпу, которая жаждет лишь всласть поесть, напиться и повеселиться. Он говорил о том, что истину не нужно вещать всем без разбору, а только избранным, кто действительно станет внимать ей. Тогда Мастер нарушил молчание и произнес:

— Твое дыханье на ветру, сомнений нет, найдет себе приют в груди кого-то. Не спрашивай, чья это грудь. Заботься лишь о том, чтоб свежим было дыхание твое.

Слова твои отыщут чьи-то уши. Не спрашивай, чьи это уши. Заботься лишь о том, чтобы слова твои воистину вещали о Свободе.

И мысль невысказанная твоя заставит говорить другого. Не спрашивай, кто будет говорить. Заботься лишь о том, чтоб мысль твоя была озарена Любовью, Пониманьем.

Помни, ничто бесследно не проходит. Бывает, семена лежат в земле годами, но быстро прорастают, когда их кто-то шевельнет в период подходящий.

Семена же истины заложены во всех вещах и людях. Твоя задача — не сеять семена, а подготавливать благоприятные условия для роста их и размноженья.

В течении Вселенной необъятной возможно все. Свободным может стать любой. Поэтому твоя задача поведать о Свободе всем, и тем, кто жаждет вершин достичь, и тем, кто на Земле остаться хочет. Ведь даже тот, кто роется в земле, однажды голову поднимет и возжелает в небо улететь, достичь высот и побывать на солнце.

Микастер: До сих пор, несмотря на наши постоянные просьбы, Мастер так и не раскрыл нам тайну своего исчезновения накануне праздника. И это приводит нас в уныние. Разве не достойны мы его доверия?

МИРДАД: Достойный любви моей и моего доверия достоин. Доверие ли больше, чем Любовь, Микастер? И разве свое сердце я вам не отдаю все без остатка?

И если я не говорил о тех печальных событиях, то лишь потому, что Шамадаму время раскаться хотел я дать. При помощи двух незнакомцев он силой заставил меня выйти из убежища и в пропасть меня толкнул. Несчастный Шамадам! Не мог он и помыслить, что даже бездна черная руками нежными Мирдада примет и

ступени, ведущие к вершине, сотворит.

Услышав это, мы приспокоились благоговения и замолчали, не осмеливаясь спросить, как Мастер вышел невредимым из той ситуации, что для другого неминуемо завершилась бы смертью. Долго мы хранили молчание.

Химбал: Но почему Шамадам подвергает Мастера гоненьям в то время, как Мастер любит Шамадама?

МИРДАД: Не Мастера желает уничтожить, желает прочь он выгнать Шамадама.

Ведь наделите вы слепого властью, и вырвет он глаза всем остальным, кто видит, даже тем, кто над его глазами потрудился, прозреть ему помог.

Дайте рабу свободу хотя бы на день, и в огромный рынок невольников весь мир он превратит. И прежде всех оковы он наденет на того, кто за его свободу кровь пролил.

Фальшива любая светская власть. Она вонзает когти и, угрожая, бряцает мечом, спесивая, перед толпой проходит, сияя золотом и серебром. Все это нужно ей лишь для того, чтобы никто не видел сердца ее фальши. И трон ее, шатаясь, на острие копыя стоит. А душу, тщеславием охваченную, прячет она за колдовские амулеты, чтобы никто не видел пустоты ее.

Такая власть — проклятие и шоры для Человека, что жаждет испытать ее. Любой ценой она держаться станет, и даже при угрозе разрушенья человека и тех, кто подчиняется ему, и тех, кто не согласен с ним.

Из-за жажды власти люди не могут жить спокойно. Одни все время борются, чтоб удержать ее, другие, не обладающие ею, стремятся вырвать ее из рук чужих. И в то же время Человек, тот Бог в пеленках, ногами попрун, оставлен без присмотра, без надежды и любви.

То битва не на жизнь, а на смерть, безумно войны ей увлечены, и ни один из них не скинет маску с фальшивой той невесты, за которую так борются они, и не покажет всем ее уродства.

Поверьте же, друзья, нет власти той, из-за которой стоит волноваться. Лишь власть Святого Понимания бесценна, любую жертву можно ей принести. Вкусив ее однажды, отказаться вы от нее не сможете и с нею останетесь вы навсегда. Слова ваши сильнее всех легионов мира будут, а поступки благодеяниями станут, о которых все власти мира могут лишь мечтать.

Ведь Пониманье — это щит, а армия — Любовь. Но не тиранит, не преследует она. Она — как дождь желанный для иссушенного сердца. И тех, кто отвергает любовь и попирает, она благословит не меньше, чем тех, кто жаждет напиться из источника ее. В своих она уверенная силах, не ищет подкрепления извне. Бесстрашная, не пользуется страхом, чтобы собою озарить кого-то.

Как беден мир! Лишен он Пониманья. Поэтому так жаждет он ту нищету прикрыть, хотя бы покрывалом ложной власти. А власть же обладает фальшивой силой, и оба в ход пускают Страх. Страх же их и уничтожит.

Всегда так было, что слабые объединяются в союз, чтоб слабость защитить и преумножить. Мирская власть и грубая мирская сила шагают вместе, плечом к плечу, гонимые кнутами Страх. Ежедневно платят они Невежеству войной, и кровью, и слезами. Невежество, коварно улыбаясь, твердит: «Отлично! Очень хорошо!»

«Отлично! Очень хорошо!» — то Шамадам воскликнул Шамадаму, когда он Черной пропасти меня вручил. Но он и не подумал, что, бросая Мирдада в бездну, в

Пропасть себя он бросил сам. Не поглотила Мирдада бездна. Шамадаму же придется долго потрудиться, царапая ногтями стены в темноте, чтоб выбраться оттуда.

Погремушкой является та власть мирская. Пусть тот, кто ничего не смыслит в Пониманье, играет с нею, забавляясь, как дитя. Но вы же не должны навязывать себя. Ведь то, что силой насаждалось, то рано или поздно отвергнуто той силой будет.

Не ищите власти ни над кем, то дело Воли Всеединой. И не ищите власти над вещами человека, ведь человек столь сильно к ним привязан, почти как к жизни, ненавидит всех он, не доверяет тем, кто хочет из оков его освободить. Ищите же путь к сердцу человека через Любовь и Пониманье, найдя же, вы с легкостью его освободите от цепей.

Глава 28

Принц Бетара вместе с Шамадамом появляется в «убежище». Беседа между принцем и Мирдадом о мире и войне.

Шамадам заманивает Мирдада в западню.

Любовь направит ваши руки, Пониманье дорогу вашу светом озарит.

Мастер закончил свою речь, и все мы погрузились в размышления. Вдруг у входа послышались тяжелые шаги и приглушенные голоса. Через минуту в пещере появились двое вооруженных до зубов солдат. Они встали по обеим сторонам от выхода. Их обнаженные сабли сверкали на солнце. Затем в пещеру вошел молодой человек в богатой одежде, за ним робко семенил Шамадам, а следом шли еще два солдата.

Молодой человек был принц, самый влиятельный и знаменитый властитель Молочных гор. На мгновение он остановился у входа и внимательно оглядел лица находившихся в пещере монахов. Затем, остановив свой лучезарный взгляд на Мастере, он низко и почтительно поклонился и произнес:

— Приветствую тебя, о святой человек! Мы пришли, чтобы выразить свое почтение Мирдаду, чья слава разнеслась далеко в этих горах и достигла нашей столицы.

МИРДАД: На колеснице огненной молва в далеких странах разъезжает. А дома она едва на костылях бредет. Старейшина тому свидетель. Не верь, о принц, капризам слухов.

Принц: Все же ласкает слух молва, сладко сознание того, что твое имя передается из уст в уста.

МИРДАД: Слышать свое имя на устах у всех — все то же, что на песке чертить его. Волной прибрежной смывает имя вскоре, так и с уст слетит оно при первом же чиханьи. И если ты не хочешь, чтоб чихали на тебя, не на устах ты должен быть, а в сердце человека.

Принц: Но семью замками заперты людские сердца

МИРДАД: Хоть сотня может быть замков, но ключ один.

Принц: У тебя есть ключ? Он крайне мне нужен.

МИРДАД: И у тебя он есть.

Принц: Увы! Ты ценишь меня больше, чем я стою на самом деле. Долго искал я ключ к сердцу моего соседа, но, к сожалению, так и не смог его отыскать. Могущественный повелитель — мой сосед, и он хочет идти на меня войной. Я тоже вынужден поднять армию на защиту своей родины, несмотря на мое миролюбивое рае-положенье. Пусть моя корона и разукрашенное платье не вводят тебя в заблуждение. Я так и не нашел того ключа в складках своей одежды, о Мастер.

МИРДАД: Они скрывают ключ, но не владеют им. Со следа твой ступни они сбивают и руки тормозят, и отвлекают взгляд, и поиск твой напрасен.

Принц: Что может Мастер иметь в виду, когда говорит это? Должен ли я снять корону и платье, дабы отыскать ключ к сердцу моего соседа?

МИРДАД: Чтоб сохранить их, ты должен потерять соседа. Чтобы соседа сохранить, ты должен отказаться от короны. А потерять соседа — то значит потерять себя.

Принц: Не стану я покупать дружбу по такой безумной цене.

МИРДАД: А себя ты стал бы покупать такой ценой?

Принц: Себя? Но ведь я не узник, чтоб выкупать свободу. Да и к тому же армия моя отлично вооружена и сможет меня защитить. Сосед мой вряд ли может похвастаться тем, что его армия лучше.

МИРДАД: Быть пленником у человека или у вещи — заключение слишком горькое, с трудом ты можешь вынести его, но быть заложником у целой армии людей или вещей — то высылка без права возвращения. Ведь зависеть от кого-то — значит быть у него в плену. Поэтому уж лучше зависеть вам от Бога, ведь быть в плену у Бога, значит быть воистину Свободным.

Принц: И что же, по-твоему, я должен оставить себя, мой трон, и подданных моих без какой-либо защиты?

МИРДАД: Не стоит оставаться без защиты.

Принц: Вот поэтому я и держу армию.

МИРДАД: Поэтому ты должен распустить ее.

Принц: Но тогда мой сосед захватит наше королевство.

МИРДАД: Да, королевство он может захватить. Тебя ж никто не может уничтожить. Две тюрьмы, соединенные в одну, не смогут дать приют Свободе. Возрадуйся, если хоть из одной тюрьмы тебя освободят, но не завидуй тому, кто заточит себя в твою тюрьму.

Принц: Я — потомок древнего рода, знаменитого доблестными победами на поле брани. Не было такого, чтобы мы первыми начали войну. Но когда враг идет на нас, мы не отступаем и не покидаем поле до тех пор, пока не установим знамя на его территории. Плохой совет ты даешь мне. Подумать только, позволить соседу делать то, что он пожелает!

МИРДАД: Разве не сказал ты, что миром хотел бы дело завершить?

Принц: Да, это так.

МИРДАД: Тогда и в битву не вступай.

Принц: Но когда угрожают войной, поневоле вынужден принять бой. Только так и можно добиться мира.

МИРДАД: Убьешь соседа, чтобы в мире жить с ним! Нет большой заслуги в том, чтоб с мертвецом жить в мире. Ты попробуй в мире жить с живым. И если должен ты вести войну с людьми, чьи интересы с твоими не совпадают, тогда веди войну ты с Богом, который породил весь этот мир и тех людей. Веди войну ты со Вселенной, ведь много в ней всего, что в замешательство приводит и смущает, расстраивает планы, хочешь или не хочешь, входит в жизнь твою.

Принц: Что ж делать мне: я хочу мира, но сосед желает драться.

МИРДАД: Драться!

Принц: Ну, вот, теперь ты дельный дал совет.

МИРДАД: Да, драться! Но не с соседом, а со всем, что заставляет тебя и твоего соседа воевать.

Отчего сосед твой желает воевать с тобой? Не оттого ль, что ты голубоглаз, а у него зеленые глаза? Не оттого ль, что ты об ангелах мечтаешь, а он о демонах? Или может оттого, что любишь ты его всем сердцем, как себя, и все готов ты разделить с ним?

Наряд твой, о мой принц, твой трон, твоё богатство, твоя слава и все, что для тебя

тюрьмою стало, соседа прельщает твоего, за это он готов бороться.

Сможешь ли ты разгромить его, копыя не поднимая? Тогда опереди его и объяви войну всем тем вещам. Когда же их ты победишь и от когтей освободишься, когда ты выбросишь их прочь, как нечистоты, тогда, возможно, твой сосед откажется от притязаний и в ножны вложит меч, и скажет сам себе: «Будь вещи те достойны, чтоб за них бороться, не выбросил бы принц их столь небрежно».

Коль твой сосед упорствовать в безумстве начнет, коль груды нечистот он заберет себе, возрадуйся, что можешь вздохнуть свободно, и над участью его пролей слезу.

Принц: А как же быть с честью, которая дороже всего на свете.

МИРДАД: Единственная честь для человека — быть Человеком, что есть образ и подобье Бога. Вся остальная честь — то лишь бесчестье.

Честь, дарованную человеку человеком, легко забрать и уничтожить. Честь, что мечом в бою добыта, плечом же можно и отнять. Никакая честь, о принц мой, заржавленной стрелы не стоит, не стоит горьких слез и крови пролитой.

Принц: А свобода, моя свобода и моих людей, разве не стоит она великой жертвы?

МИРДАД: Свобода истинная требует, чтоб в жертву принес себя ты самого. И не во власти твоего соседа забрать твою свободу. Да и ты не можешь выиграть ее иль защитить. А поле битвы — для нее могила.

Свободу Истинную в сердце лишь возможно завоевать иль потерять.

Войну вести ты хочешь? Сердцу объяви ее. Разоружи его. Пусть оно сложит все свои напрасные надежды, все страхи и желанья, что мир твой в удушливый загон тебе же превратили. Освободив же сердце, станешь ты Вселенной шире, и сможешь странствовать ты в ней по доброй воле, ничто тебе уже не помешает.

То — война единственная, что борьбы достойна. Вступи в нее, и времени не будет на другие войны, и станут для тебя они лишь зверством и происками дьявола, что силы иссушают, сознание твое мутят и заставляют тем самым проиграть великую войну с самим собой, священную войну. Ее ты выиграй, и обретешь бессмертную ты славу. Победа же в любой другой войне — все то же, что разгром полнейший. И в том есть ужас войн всех на земле, что оба — победитель, проигравший — потерпят поражение.

Хочешь мира? Ищи его не в документах и бумагах. Да хоть на камне высечешь слова, напрасно все.

Перо, что пишет слово «Мир», с такой же легкостью напишет и «Война», а долото, что высекает в камне «давайте мирно жить», оно же может высечь «давайте воевать». И время камень превратит в песок, бумага истлеет, а перо источит червь, и долото насквозь все проржавеет. Но не властно время над сердцем человека, над престолом Святого Пониманья.

Как только Пониманье твое сердце озарит, тогда победа пребудет за тобой, и Мир в том сердце навеки воцарится. Понимающее сердце всегда в покое, даже среди мира, объятого войной.

В невежественном сердце раскол. Раздвоенное сердце подходит для раздвоенного мира. А мир, на части разделенный, — то почва для постоянных ссор и войн.

Тогда как понимающее сердце твое едино, мир создаст оно единый. А мир единый — он всегда в покое. Ведь только двое могут воевать.

И потому тебе я говорю, веди войну ты с сердцем, чтоб единым оно стало. В

награду ты получишь вечный Мир с самим собой.

Когда же ты увидишь во всяком камне трон, в любой пещере — замок, тогда возрадуется Солнце и станет твоим троном, и звезды двери гостеприимно распахнут.

Когда же в маргаритке ты увидишь медаль или орден, и всяк червяк тебя чему-нибудь научит, тогда звезда любая воссияет медалью на груди твоей, земля тебе трибуной станет.

Когда ты сердцем станешь управлять, какая разница тебе, кто телом будет твоим править? Когда Вселенная у ног твоих, какая разница тебе, кто тем или иным клочком земли владеет?

Принц: Слова твои заманчивы. Однако не кажется ли тебе, что война — закон природы? Ведь даже рыбы в море воюют между собой. А слабый всегда является добычей для сильного. Но я — я не желаю стать чьей-нибудь добычей.

МИРДАД: То, что кажется тебе войною, — всего лишь способ Природы, чтоб кормиться и плодиться.

Сильный слабому становится едою не реже, чем слабый питает сильного. Кто же слаб тогда, а кто силен в Природе?

Природа — вот воистину силач. Все остальные — немощны, подчинены ее законам, смиренно кружатся они в потоке Смерти.

И лишь бессмертного причислить можем к рангу сильных. А Человек бессмертен, о мой принц, и он сильнее, чем Природа. И поедает сердце он ее из плоти для того лишь, чтобы бесплотное в себе освободить. И размножается он для того лишь, чтоб выйти за пределы размноженья.

Пусть люди, что нечистые желанья чистейшими инстинктами животных оправдывают, свиньями себя зовут, волками или шакалами, или кем-нибудь еще, но пусть не будут позорить имя Человека благороднейшее.

Поверь Мирдаду, принц, и пребывай в покое.

Принц: Старейшина сказал мне, что Мирдад посвящен в тайны магии, и я желал бы, чтобы он продемонстрировал свое искусство, чтобы я поверил в него.

МИРДАД: Если раскрыть Бога в Человеке — это магия, тогда Мирдад, конечно, чародей. Желаете доказать тому? Тогда смотри!

Я есть доказательство тому.

Начинай же. Сделай то, за чем пришел.

Принц: Совершенно верно ты угадал, у меня есть и другое дело, кроме как выслушивать твои небылицы. Ведь принц Бетара тоже чародей, но только другого рода, и ты увидишь сейчас его умение.

(Своим солдатам) Принесите оковы для этого Бога-Человека или Человека-Бога, и наденьте их на его ноги и руки, покажите ему и всем присутствующим, как вы умеете колдовать.

Как стервятники на добычу, налетели солдаты на Мастера и принялись заковывать его в кандалы. Какое-то время Семеро сидели, не в силах пошевелиться, не зная, как воспринимать происходящее, в шутку или всерьез. Майкайон и Цамора быстрее остальных осознали, что происходит, и кинулись на солдат, как два разъяренных тигра. Они уже было выиграли сражение, но тут раздался спокойный голос Мастера.

МИРДАД: Пусть вершат они свое, стремительный Майкайон. Пусть будет, как

они хотят, добрый Цамора. Эти кандалы Мирдаду не страшнее Черной пропасти. Пусть Шамадам возрадуется, что залатал он власть свою с помощью правителя Бетара. Со временем заплата оторвется вместе с ними.

Майкайон: Разве можем мы спокойно наблюдать, как нашего Мастера заковывают в кандалы, как будто он преступник?

МИРДАД: Не беспокойтесь обо мне и пребывайте в Мире и покое. Ведь однажды они и с вами поступят точно так же, но лишь себя поранят, а не вас.

Принц: Так будет с каждым жуликом и шарлатаном, который посмеет насмеяться над установленным порядком и властями.

Этот святой человек (указывая на Шамадама) — законный предводитель Братства, а слово его — закон для всех. Этот священный Ковчег, чьим изобилием вы наслаждаетесь, находится под моей защитой. Я наблюдаю за его судьбой, я охраняю его кров и имущество, мой меч отрубит ту руку, что дотронется до него со злым умыслом. Пусть все знают и помнят о том.

(Обращаясь к солдатам) Выведите этого негодяя вон. Его опасные идеи да не разрушат наш Ковчег. Если следовать его пагубным идеалам, вскоре разорится наше королевство, и наша земля падет. Пусть же отныне он вещает угрюмым стенам подземелья в Бетаре. Уберите его отсюда.

Солдаты вывели Мастера наружу, принц и Шамадам последовали за ними, раздувшись от гордости. Семеро шли позади этой зловещей процессии. Глазами они провожали Мастера, их губы пересохли от горя, а сердца разрывались от страданий.

Мастер шел уверенно, высоко подняв голову. Пройдя некоторое расстояние, он повернулся к нам и сказал:

— Не волнуйтесь за Мирдада. Я не покину вас, пока не выполню работу, пока я не спущу на воду Ковчег и вас не сделаю его командой.

Долго еще слова эти эхом отдавались в наших ушах вместе с металлическим лязгом цепей.

Глава 29

Шамадам тщетно пытается переманить монахов на свою сторону.

Чудесное возвращение Мирдада.

Мирдад дарит поцелуй веры всем, кроме Шамадама.

Один день сменял другой, и каждый из них был короче предыдущего. Все отчетливей ощущалось в воздухе дыхание приближающейся зимы. И вот выпал первый снег.

Притихшие, стояли горы, с головой укрытые роскошным белым покрывалом. Лишь далеко внизу, в долине, виднелись островки сухой травы, между которых стлались серебряные ленты рек, неторопливо несущих свои воды к морю. Казалось, вся природа замерла в каком-то сладостном умиротворении, избавленная от хлопот и волнений.

Но в наших сердцах не было того покоя, который обычно приходит с наступлением холодов. Семеро пребывали в смятении. Стоило блеснуть лучу надежды, как тут же нас охватывали сомнения, и надежда сменялась отчаянием. Майкайон, Микастер и Цамора склонялись к тому, что Мастер обязательно вернется, как обещал. Беннун, Химбал и Абимар не разделяли их мнения. Но все ощущали мучительную пустоту и тщетность бытия.

Ковчег возвышался холодный и угрюмый, неприветливо взирая на спящую природу. Морозная тишина стояла в его залах, несмотря на неустанные попытки Шамадама привнести уют и тепло. С тех пор, как увели Мирдада, Шамадам старательно окружал нас заботой. Он предлагал нам лучшую еду и вино. Но пища не придавала нам сил, а вино не оживляло нас. Он без конца подбрасывал в очаг дрова, но огонь не согревал нас. Он был в высшей степени вежлив и выказывал явное расположение. Но его вежливость и обходительность лишь отдаляли нас от него все больше и больше. Долгое время он не вспоминал о Мастере. Но однажды он раскрыл нам свое сердце.

Шамадам: Братья, вы неверно понимаете меня, если полагаете, что я ненавижу Мирдада. Мне жаль его всем сердцем.

Возможно, Мирдад не злодей, но он опасный фантазер. Учение, которое он проповедует, абсолютно непрактично и ложно, его суть трудна для понимания. Оно не применимо к нашей жизни. И самому Мирдаду, и тем, кто последует за ним, не миновать беды, как только они столкнутся с жестокой реальностью. Я в этом убежден, поэтому и хочу спасти вас.

Вне всякого сомнения, язык Мирдада остер, поскольку его отточило безрассудство юности, но сердце его слепое, упрямо и нечестиво. Мое же сердце трепещет перед ликом Бога Истинного, а опыт прожитых лет придает моим словам силу.

Кто мог бы управлять Ковчегом лучше, чем я? Разве мы не живем долгие годы вместе, и разве я все это время не был вам отцом и братом? Разве наши мысли не осенены покоем, а руки не полны изобилием? Так зачем же разрушать все то, что так долго строили, и сеять недоверие и вражду там, где так долго царили вера и уважение?

Бессмысленно отказываться от одной птицы в руках ради десятка птиц, сидящих

на дереве. Мирдад хотел бы, чтоб вы отрелись от Ковчеха, который служил вам приютом и помогал быть ближе к Богу, давал вам все, что может пожелать смертный, и при этом охранял от мирской суеты. И что же он обещал взамен? Сердечную боль, разочарование, непрестанную борьбу и нищету!

Небесный Ковчег в безбрежной пустоте — это нелепые мечты. Только ребенок выдумывает себе такую манящую невероятность. Разве ваш Мирдад мудрее самого Ноя, основателя Ковчеха? Мне больно сознавать, что вы приняли его бред так близко к сердцу.

Возможно, я согрешил перед Ковчехом, когда обошел его святые традиции и прибегнул к помощи правителя Бетара. Но я сделал это лишь затем, чтоб помешать Мирдаду совершить безумство. Лишь о вас печется мое сердце, и это служит оправданием моему поступку. Я хотел спасти вас и наш Ковчег пока не поздно. И Бог помог мне — вы спасены.

Возрадуйтесь же, о братья, и возблагодарите Бога за то, что вам не пришлось стать свидетелями бесславной гибели Ковчеха. Я, например, не смог бы вынести такого позора.

Ныне я вновь посвящаю себя служению Богу Ноя, Ковчеху и вам, о мои возлюбленные братья. Будьте же счастливы, как раньше, ведь ваше счастье — мое счастье.

Произнеся все это, Шамадам разрыдался. Но его рыдания не нашли поддержки ни в глазах, ни в сердцах наших.

Однажды утром, когда по горным вершинам, после долгих мрачных дней, наконец, скользнули первые лучи солнца, Цамора взял в руки арфу и начал петь:

— Замерла песнь на замерзших устах

Моей арфы.

Скована льдами навеки мечта Моей арфы.

Где же дыханье, что песню вдохнет

В мою арфу? Где же ладонь, что согреет мечту

Моей арфы? В мрачной темнице томится она,

В мрачной темнице Бетара.

Будь же просителем, ветер, моим,

Выпроси песнь для меня

У цепей в мрачной темнице Бетара.

Будь похитителем, солнечный луч,

Мечту для меня укради

У цепей в мрачной темнице Бетара.

В небе царил я могучим орлом,

Был королем я. Правит сова нынче небом моим,

И сирота я,

Крылья обрезали птице моей

В мрачной темнице Бетара.

Слеза выкатилась из глаз Цаморы, руки его бессильно опустились, голова задрожала и склонилась низко-низко над арфой. Его слезы дали выход нашему горю, так долго сдерживаемому, и оно вырвалось на свободу.

Майкайон вскочил и с криком «Я задыхаюсь!» бросился к двери. Цамора, Микастер и я последовали за ним через двор к большим воротам, за которые братьям

выходить не разрешалось. Майкайон одним рывком отодвинул тяжелый засов, распахнул ворота и выбежал на поляну. Мы ринулись за ним.

Яркое солнце согрело нас, слепило глаза. Всюду, до самого горизонта, волнами выступали укутанные снегами горы. Все сияло и искрилось, над всем миром висела оглушительная, звенящая тишина, и только скрип снега под ногами нарушал ее очарование. Холодный воздух обжигал легкие, но, несмотря на это, его прикосновения казались нам ласкающим дуновением, и мы вдруг почувствовали себя обовлеченными и возродившимися, хоть и не прилагали к тому никаких усилий.

Даже настроение Майкайона изменилось. Он остановился и воскликнул: «До чего же прекрасно дышать!

Да, просто дышать!» И действительно, впервые мы по-настоящему наслаждались свободным дыханием и ощущали прикосновение Великого Дыхания.

Мы прошли еще немного вперед, и тут Микастер заметил темный силуэт на отдаленной возвышенности. Кто-то сказал, что это волк, другие решили, что это обломок скалы, с которого ветром смело снег. Нам показалось, что силуэт движется в нашу сторону, и мы решили пойти навстречу. Чем ближе мы подходили, тем отчетливее вырисовывалась фигура человека. Вдруг Майкайон подпрыгнул и закричал: «Это он! Это он!»

И это, действительно, был он — мы узнали его легкую походку, его благородную осанку и гордо поднятую голову. Веселый ветерок играл складками одеяния Мастера и беззаботно развеивал его темные волосы. Горное солнце тронуло его лицо легким загаром, и оно светилось, как драгоценный янтарь. Глаза его, темные и полные грез, смотрели на нас ласково, как и прежде, излучая спокойную уверенность и всепобеждающую любовь. Его изящные ступни, обутые в деревянные сандалии, покраснели от мороза.

Майкайон первым подбежал к нему и упал перед ним на колени, рыдая и смеясь одновременно и, как безумный, повторяя одни и те же слова: «Наконец-то моя душа вернулась ко мне!»

Остальные трое проделали то же самое, но Мастер поднял нас одного за другим, обнял каждого с бесконечной нежностью и сказал:

— Примите веры поцелуй. Отныне с нею вы будете ложиться спать и просыпаться с верой в сердце, и никаким Сомнениям не будет уж приюта в ваших снах, и вам они уже не помешают на праведном пути.

Когда четверо братьев, оставшиеся в Ковчеге, увидели Мастера у дверей монастыря, они решили, что это призрак, и страшно перепугались. Но когда он приветствовал их, назвав каждого по имени, они опомнились и бросились к его ногам, все, кроме Шамадама, который словно прирос к своему креслу. Мастер обнял их, как и нас за воротами храма.

Шамадам глянул на Мастера и затрясся всем телом, лицо его стало мертвенно-бледным, губы дрожали, а руки тщетно пытались за что-нибудь ухватиться. Неожиданно он соскользнул с кресла и на четвереньках подполз к Мастеру. Он обхватил его ступни и, опустив голову, судорожно произнес: «Я тоже верю». Мастер поднял его, не поцеловав, и обратился к нему с такими словами:

— Могучий Шамадам трепещет от страха. Страх велит ему сказать: «Я тоже верю».

Шамадам дрожит и преклоняется пред «волшебством», что помогло Мирдаду из

Черной бездны выбраться и из тюрьмы Бетара выйти. Возмездия боится тамадам. На ЭТОТ счет пусть будет он спокоен и сердце Вере Истинной откроет.

Вера, что рождена волнами страха, — всего лишь пена на волнах. Со Страхом вздымается она и с ним же убывает. Истинная Вера на стебле Любви цветет, а Понимание — прекрасный плод ее. И если Бога ты боишься, тогда не верь в него.

Шамадам (отползая назад и неотрывно смотря в пол): В своем собственном доме Шамадам стал изгоем и бесстыдником. Разреши мне хотя бы на один день стать твоим слугой и принести тебе еду и одежду. Ведь ты, наверное, проголодался и замерз.

МИРДАД: Есть у меня еда, которую на кухне не готовят, согрет теплом я, что ни огонь, ни зимняя одежда не дарят телу. Может разве Шамадам таким теплом и пищей заставить?

Смотри! Пришло зимою море на вершины, вершины рады им укрыться, как одеялом, чтоб согреться.

И море тоже радо на вершинах возлечь и ненадолго отказаться от движенья. Придет весна, и море, как спящая змея, от сна воспрянет и вернет свободу, что временно зиме в залог вручило. И снова станет берег омывать и в воздух воспарять, блуждать по небу и землю орошать, где пожелает.

Но люди есть, что в спячке пребывают всю жизнь, и в их краях всегда зима. И не увидели они еще примет Весны. Мирдад — примета! Предзнаменованье Жизни, а не похоронный звон. Как долго спать еще намерен ты?

Поверь мне, Шамадам, что жизнь людей и смерть — не что иное, как зимний сон. И я расшевелить их ото сна пришел, позвать на воздух свободной жизни, прочь из их берлог. Поверь мне, Шамадам, себя же ради.

Шамадам стоял, не двигаясь, и молча слушал. Беннун шепотом напомнил мне, чтоб я спросил у Мастера, как ему удалось выбраться из Бетарской тюрьмы, но язык мой не мог выговорить этого вопроса. Однако Мастер сам догадался на него ответить.

МИРДАД: Бетарская тюрьма уж больше не темница. Отныне в храм превращена она. А принц Бетара боле уж не принц. Сегодня он такой же пилигрим, как вы.

И мрачная тюрьма, Беннун, способна превратиться в сияющий маяк. И способ есть уговорить любого принца обнажить главу, перед короной Истины венец свой снять. И даже грохочущие цепи заставить можно небесную мелодию сыграть. Нет чуда удивительней на свете, чем чудо Понимания Святого.

Слова Мастера о том, что принц Бетара отрекся от престола, оглушили Шамадама, точно громом, и, к нашему ужасу, у него начались судороги, такие сильные, что мы не на шутку испугались за его жизнь. Вскоре он перестал корчиться, пораженный обмороком, и нам пришлось долго приводить его в чувство.

Глава 30

Мастер рассказывает сон Майкайона.

Еще до возвращения Мастера из Бетара Майкайон вел себя так, как будто с ним случилась беда. То же продолжалось и после. Большую часть времени он держался особняком, почти ничего не говорил, мало ел и редко выходил из своей кельи. Никому, даже мне, не раскрывал он того, что тяготило ему сердце. Мы удивлялись, что Мастер не пытался облегчить его страдания, хотя очень любил Майкайона.

Однажды, когда Майкайон и все остальные братья грелись у очага, Мастер завел разговор о Великой Ностальгии.

МИРДАД: Однажды некому мужчине приснился сон.

Стоял он на зеленом берегу реки широкой, быстрой и бесшумной. Вокруг же было множество народу, мужчины, женщины, и старики, и дети, всех возрастов, из самых разных стран. В руках у них колеса были размеров разных и цветов, по берегу они катали их. И были все одеты в нарядные одежды, веселились, пели и танцевали. Шум их голосов звучал в одном большом многоголосье. Как море беспокойное, то громче, то тише хор звучал, то уносился вдаль, то возвращался снова.

Один лишь он не мог одеждой новою хвалиться, поскольку ничего о празднике не знал. И колеса в руках он не держал, которое катать он мог бы. Ни слова в том разговоре радостной толпы не мог понять он. Как ни напрягал он взгляда, не мог он отыскать среди толпы ни одного знакомого. Смотрели люди в сторону его недоуменно, будто вопрошая: «Кто сей чудак?» Внезапно понял он, что не его тот праздник, что чужой он людям, и ощутил он в сердце своем тоску.

И в этот миг раздался грозный рев с другого берега. И он увидел, как люди вдруг упали ниц, закрыв глаза руками, и головы склонили. Образовался два ряда, меж которых проход остался узкий. Тот мужчина один, как перст, стоял среди прохода, не зная, убежать куда, что делать.

Взглянув туда, откуда несся рев, увидел он огромного быка, что пламя изрыгал, и дым, и пепел, и приближался этот бык к нему. Все ближе разъяренный бык, и хочет мужчина убежать, никак не может, к земле прирос он будто, и уверен, что это уж конец.

Когда же бык приблизился, дыханьем грудь опалив ему, случилось чудо: герой наш в воздух поднялся. А бык внизу все жарче огнем палил, мужчина ж поднимался все выше, задыхался он в дыму, но был уверен — ни огонь, ни дым не повредят ему. И через реку перелетел он.

Что же, оглянувшись, он увидал? Что бык пускает стрелы и целится в него. Он даже слышал свист их, и слышал треск одежды, пробитой острием, но ни одна не ранила его. И вскоре бык, толпа, река исчезли, в тумане растворились, он же дальше летел.

Он пролетал над мертвыми полями, сухими, каменистыми, где почва навеки солнцем выжжена. И вскоре он на скале высокой приземлился. Кругом все голо, нету ни травинки, ни ящерики одной, ни муравья. Он знал теперь: лежит его дорога к вершине той скалы.

Глаза его блуждали по камням, ища среди них дороги безопасной, но все, что взор его мог обнаружить — лишь узкая, извилистая тропка. Она вела к вершине, но лишь

бараны да горные козлы по ней прошли бы, а не человек. Однако путь другой ему судьба, как видно, не укажет. И он пошел по ней.

Однако он шагов не сделал сотни, как слева показалась вдруг дорога, широкая и ровная. Уж было хотел свернуть он на нее — дорога вдруг стала многолюдною толпой. С трудом вверх поднималась половина людей тех, а другая половина стремительно катилась вниз. И было то зрелище так дико, так нелепо: как будто насмехаясь друг над другом, они тащились вверх, чтобы оттуда скатиться кубарем, крича при этом и издавая стоны.

Понаблюдав за странным поведением людей тех, он решил: должно быть, где-то в горах стоит приют умалишенных, и те, кто вниз катился, несомненно, оттуда убежавшие больные. И он продолжил путь свой по тропинке, то тут, то там о кочки спотыкаясь иль попадая в небольшие ямки, но все же неуклонно поднимаясь выше. А толпа редела, затем иссякла вовсе, и дорога теперь была пустой. И вновь герой наш один, как перст, на сумрачной горе. Нет никого, чтоб указать дорогу, и некому помочь воспрянуть духом, и силы поддержать, что убывали стремительно, лишь слабая надежда на то, что он когда-нибудь достигнет вершины, еще теплилась в душе.

И он шагал упорно выше, выше, повсюду след кровавый оставляя. И наконец, когда, изнеможенный, готов упасть он был, вдруг показалась лужайка небольшая. Он в восторге смотрел перед собой. Травую мягкой и нежною лужайка та покрыта, а в воздухе разлиты ароматы цветов чудесных. Тут усталый путник почувствовал, что силы покидают последние его. Он опустился на землю, и тотчас сон его сморил.

Проснулся от того, что чьи-то руки его коснулись, и раздался голос: «Восстань, о путник! Уж видна вершина. Весна тебя заждалась».

Тот голос и рука принадлежали прекрасной деве, божьему созданию. Ее одежды белые сияли. И путнику она протягивала руку, и он тотчас с земли поднялся, усталости как будто не бывало, и тело сил полно. Узрел вершину и ощутил он аромат Весны. Он сделал шаг, и тут он вдруг проснулся.

Что ж Майкайону оставалось делать, когда он обнаружил, что лежит в постели, и вокруг — все те же стены, а образ девы той еще хранится под веками его, и помнит сердце ту свежесть лучезарную вершины?

Майкайон (как ужаленный): Но этот сон приснился мне. Это мой сон. Это я видел ту девушку и ту вершину. Теперь их образы преследуют меня и не дают мне покоя. Я стал чужим самому себе. Из-за него Майкайон больше не узнает Майкайона.

Но сон приснился мне вскоре после того, как тебя увели в Бетарскую тюрьму. Как же ты мог рассказать его во всех подробностях? Что ты за человек, для которого даже сны людские — как открытая книга?

Ах, какая свобода там, на вершине! Как прекрасна та девушка! И как тускло и невзрачно все остальное в сравнении с ними! Моя душа покинула меня ради них. И только в тот день, когда ты вернулся к нам, и я увидел тебя, моя душа воссоединилась со мной, и ощутил я себя сильным и спокойным. Но потом то видение снова посетило меня и увело от меня самого, будто на невидимом аркане.

Спаси меня, о мой Великий Брат! Я изнываю от тоски по тому видению.

МИРДАД: Не ведаешь, о чем ты просишь, Майкайон. От своего спасителя ты хочешь ли спастись?

Майкайон: Я хотел бы, чтоб прекратилась невыносимая пытка — чувствовать

себя бездомным в таком родном и уютном мире. Я хотел бы оказаться на той вершине, вместе с той девушкой.

МИРДАД: Возрадуйся же, сердце твое чисто и тронуту Великой Ностальгией, а это верный знак, что ты отыщешь страну свою и дом, и на вершине с той девушкой пребудешь.

Абимар: Умоляем тебя, расскажи нам еще о Ностальгии. Как сможем мы ее узнать?

Глава 31

Великая Ностальгия.

МИРДАД: Она подобна призрачным туманам. Из сердца изливаясь, она с тем сердцем вместе утекает, как тот туман, что на море спустился, скрывает вместе с морем берега.

Туман, лишая ясности виденья, все превратит в туман. И Ностальгия лишает сердце чувств, собой заполнив. На вид она бесцельна, бесформенна, слепа, как тот туман. Но как туман, что полон форм неясных, она видна и цель ее ясна.

И схожа Ностальгия с лихорадкой. Как лихорадка, вспыхивая в теле, лишает тело сил и вместе с тем сжигает яды, что его терзают, и Ностальгия, зарождаюсь в сердечной ране, истощает это сердце, но поглощает тщетность, суету и все излишки.

Она как вор. Ведь вор тайком, украдкой лишает жертву груза, владельца заставляя сожалеть о нем. Она, прокравшись в сердце, ношу непомерную его тайком уносит, оставляя его о том жалеть, и сердце неутешно, и тяжело ему от легкости такой.

Широк и зелен берег, где женщины, мужчины поют, танцуют, трудятся иль плачут, дни проводя свои. Но грозен огнедышащий их Бык, что падать ниц их вечно заставляяет, и песни запихнуть им в горло хочет, и склеивает веки их слезами.

И широка, и глубока река та, что к берегу другому не пускает. И ни один из них не может реку эту преодолеть, ни вплавь и ни на лодке. И лишь немного есть таких, что в мыслях осмелятся туда переместиться. Почти же все желают оставаться на этом берегу, где есть возможность крутить любимые колеса Времени.

У человека с Ностальгией в сердце нет Времени, нет колеса. И в мире, спешащем, вечно занятом делами, страдающем от времени нехватки, лишь у него нет дела, и никуда он не спешит. Среди народов разных, одетых в многоцветные одежды, на разных говорящих языках, с обычаями разными, себя он видит голым, немым и неуклюжим. И не умеет с ними он смеяться, и слезы их делить никак не может. Они же получают наслажденье, едят и пьют вокруг него. Но он не ест, не пьет, ведь вкус ярчайший будет ему пресным.

И все вокруг встречаются друг с другом иль поисками заняты друзей, а он один, как перст, бредет по жизни, один он спит, один мечтает, один он видит сны. И все вокруг мудры и знают тайны, а он один неискушен и глуп. У всех есть место на Земле родное, и каждый прославляет свой очаг. А у него нет места, о котором он мог бы песни петь и о котором сказать бы мог - то Родина моя. Ведь взгляд его сердечный на брег другой направлен.

Сомнамбулой он кажется в том мире, который будто бодрствует. Он увлечен виденьем, которое никто из тех, кто рядом, не может ни увидеть и ни сердцем ощутить. Они к нему с презреньем относятся, плечами жмут, и тычут в него они, смеясь. Но если страшный их Бог — тот Бык, огнем вокруг палящий, на сцену вдруг опустится с небес — тогда все те, что прежде так надменно плечами пожимали, на колени покорно упадут, а он, чужак им, над ними воспарит на крыльях веры и к берегу другому улетит, к подножию вершины каменистой.

Пустынны и унылы земли те, которые лежат под ним. Но крылья, несущие его, сильны и быстры, и не дадут упасть ему.

И мрачная гора угрюмо встретит его у ног своих. Но сердце Верой исполнено, оно

неукротимо, бесстрашно в путь зовет его.

Усеяна камнями, извилиста, почти неразличима тропа, что вверх ведет. Но руки веры его тверды, и быстры его ноги, и взгляд остер, и потому отважно взбирается он ввысь.

В пути встречает он мужчин и женщин, желающих идти дорогой ровной. То женщины, мужчины, кто отводит для Малой Ностальгии место в сердце, достичь они вершины светлой жаждут, но проводник их слеп и хром. Ведет их вера, но основана та вера на том лишь, что их глаз способен видеть, а ухо — слышать, чувствовать рука и нос вдыхать. Одни едва достанут до лодыжки, другие до колен горы дойдут, вскарабкаться до бедер смогут третьи, и кто-то к талии с трудом взберется. Но все они свершают восхождение без Веры, и все, рано или поздно, соскальзывают вниз, и даже мельком не кинут взгляд на светлую вершину.

И разве может глаз увидеть все, что можно видеть, разве может ухо услышать все, что только можно слышать? И разве руки ощущают все, что можно ощущать? А вкус и запах? И только если Веру, что родило Воображение божественное, в помощь они зовут, тогда их чувства полны по-настоящему, увидят и услышат, и запахи, и вкусы ощутят, и станут тогда чувства лестницей к вершине.

Те чувства, что Веры лишены, вести не могут, и не берите их в проводники. И хоть дорога, что они укажут, покажется вам ровной и широкой, на ней лежат коварные ловушки. И кто, идя по ней, вершин Свободы достичь стремится — либо погибает, либо скользит назад, туда, к подножью, откуда начал путь свой. Там, страдая, залечивает раны, собирает свои он кости.

Охваченные Малой Ностальгией, построили они свой мир на чувствах, но вскоре он им показался душным и тесным, и тогда они решили, что нужно мир пошире отыскать, где больше будет воздуха, пространства. Но нет чтоб взять другие материалы или мастеров других нанять — все те же чувства в распоряжении у них, все те же строители и мастера. И только этот новый мир построен, как сразу он становится и тесным, и воздуха лишенным, и тоскливым. И этот мир спешат они разрушить, чтоб возвести другой на том же основаньи. И постоянно так, все время строят и разрушают, только дом, в котором им было бы уютно и свободно, тот дом, который видится во сне им, никак не получается построить. Ведь, желая избежать обмана, обманщикам доверяются они. Подобно рыбе, что прыгает в огонь со сковородки, бегут они от малых миражей лишь для того, чтобы в мираж побольше поверить и вновь обманутыми быть.

И кроме тех людей, чье сердце — гавань для Малой или Великой Ностальгии, есть люди-кролики, которые тоски не знают вовсе. Они довольны тем, что роют норы, живут в них, размножаются и в них же землю станут. И норы их им кажутся большими, красивыми, уютными на вид. И не нужны им никакие королевства, не променяют они норы на дворцы. Смеются над сомнамбулами, шутят, особенно над тем, кто в одиночестве бредет, над тем, кто троп проторенных не ищет.

И человек Великой Ностальгии сравним с орлом, в курятнике рожденном, в нем выращенном. Прочие цыплята его считают тем же, что они. Им хочется, чтоб жил он той же жизнью, чтоб нравилось ему пшеном питаться, чтоб перенял у них он их привычки, обычаи и ритуалы. Он же желает жить среди своих собратьев, таких, как он — мечтателей, чье сердце снедают грезы и чье сердце помнит бескрайнюю небесную свободу. И чувствует себя орел изгоем меж теми, кто зовется «братья»,

«сестры», они над ним смеются, его дразнят, и даже мать им вторит. Зов вершин, что будоражит кровь его, все громче звучит, и вонь курятника несносна, и тяжело ему. И он страдает, несчастный, одинокий, втихомолку, пока не оперится и не сможет прочь улететь. И вот тогда он в небо вознесется, на курятник свой прощальный бросив взгляд, и на сестер своих, и братьев, что радостно кудахчут, и на мать, что роется в земле.

Возрадуйся же, Майкайон. То вещий сон тебе приснился. И мир твой тесен стал тебе из-за Великой Ностальгии, и странник ты теперь. Освободила твое воображенье Ностальгия из цепкой хватки деспотичных чувств. И Верую тебя вознаградило твое воображенье.

А Вера же тебе подарит крылья, возвысит над застойным, душным миром и унесет над мертвою пустыней тебя к Вершине, где испытания пройдешь и свою Веру укрепишь, и от Сомнений душу ты очистишь.

И Вера чистая, провозгласив победу, к подножию Вершины той, что вечно свежа и зелена, тебя проводит, и Понимание в объятья заключит. И Вера, выполнив задачу, удалится, и Пониманье будет шаг твой править, вести тебя к Свободе необъятной, туда, где истинный, бескрайний дом Бога и Человека Обновленного.

Ты выдержишь то испытанье, Майкайон. Вы выдержите все. И говорю вам, что оказаться даже на мгновенье на той Вершине — стоит испытаний. А поселиться навсегда — то стоит Вечности.

Химбал: Разве не поднимешь ты нас на вершину, чтобы хоть одним глазком могли мы на нее взглянуть?

МИРДАД: Не торопись, Химбал. Настанет твое время. Где я дышу свободно, дыхания лишишься ты. Где я хожу легко, ты будешь спотыкаться. Поверь мне, и тебе поможет Вера подвиг совершить.

Так учил я Ноя.

Так учу я вас.

Глава 32

О грехопадении и о фиговом листе.

МИРДАД: Вы говорили о Грехе и знать хотели бы, как человек стал грешником?

Вы заявили, что Человека создал Бог таким, каким является он сам, и это так на самом деле. Но тут же вы сказали, что грешен Человек. Так значит грешен Бог, и он является источником Греха? Здесь кроется ловушка, и не хотел бы я, чтоб вы в ловушку эту угодили. Поэтому я уберу ее с дороги вашей, чтоб вы могли ее убрать с дорог других людей.

Безгрешен Бог. Конечно, если Солнцу грешно делиться светом со свечой, тогда другое дело. Безгрешен также Человек. Ведь не грешно свече сгореть на Солнце и с ним соединиться вновь.

Грешно, когда свеча не дарит света, а если спичку к фитилю подносят, ругаться начинает, прокладывает руку, что спичку поднесла. Грешно свече стыдиться света, и не хотеть сгореть дотла, и прятаться от Солнца.

И если человек Закон не соблюдает — нет в том греха. Грешно, однако, незнание закона покрывать.

Да, прикрываться фиговым листом грешно.

Ведь вы читали легенду о падении Человека. Слова ее наивны и скудны. А вот значение возвышенно и тонко. Тот человек, который родился из глубины божественной души, был как младенец, вял и флегматичен. И наделен он был способностями Бога, но, как все дети, ничего о них не знал и не использовал. Хотя таланты бесконечны.

И как зерно, что возлежит в красивой чаше, жил Человек в саду Эдема. Ведь в чаше зерно останется зерном, и никогда то чудо, что в нем хранится, миру не явится. Однако если в почву зерно то посадить, которая сродни его природе, то треснет кожица, и чудо совершится.

У Человека же нет почвы что сродни его природе, куда бы мог он посадить себя и так раскрыть свои таланты.

Лицо его ни в чем не отражалось, похожих лиц не видел он нигде. И слух его не слышал голоса другого. Ни с кем не билось сердце в унисон.

Один, совсем один был Человек в том мире, где каждый парой наделен, и путь свой знает, и по нему идет. Чужим себе тот Человек казался, себе был незнаком, не знал трудов он, забот не ведал, не знал он о дороге, что каждого ведет. И сад Эдема для него был колыбелью, в ней пребывал в блаженстве безучастном и ничего не жаждал он, ведь все, что нужно, имел вокруг себя.

В саду же том росли два древа — Древо Жизни и Древо Добра и Зла, он мог до них достать. И все же не протягивал он руку, чтобы сорвать плоды их и отведать. Ведь вкус его и воля, мысли и желанья, и даже жизнь его — все было в нем, но спало, спокойно часа ожидая своего. И сам себя раскрыть никак не мог он. Потому помощника пришлось ему создать, создать ту руку, что направляла бы его и помогла бы ему себя раскрыть. А материалом стал он сам.

Подумайте, друзья, откуда помощь могла придти бы, как не из себя, божественности полного? И это очень важно.

И Ева не была иным ведь чем-то, она его же плоть и кровь. И не другое существо,

а сам Адам себе стал парой. Так стало два Адама — Он-Адам и рядом с ним — Адам-Она.

И одинокое лицо без отраженья приобрело себе и зеркало, и друга. И имя, что человек не вымолвил ни разу, наполнило теперь сады Эдема звучаньем сладостным, а сердце, что в груди до той поры молчало одиноко, теперь забилося громко в союзе двух сердец.

И так потухшее огниво, столкнувшись с камнем, вспыхнет. И так свечу, огня не знавшую, зажжете вы, но с двух сторон.

Одна из них свеча, фитиль — другая, а свет един, хоть кажется, что с разных он горит сторон. Вот так и семя то, что в чаше безмятежно пребывало, нашло себе ту почву, что любовно его взрастит и тайны все раскроет.

И так Единство, себя не знавшее, Дуальность породило, чтоб через напряжение и противостоянье себя познать оно смогло. И в этом образ верный человека и с Богом сходство и подобие его. Ведь Бог — Сознание Высшее — то Слово произнес. И Слово, и Высшее Сознание, в союз вступив, Святое Пониманье образуют.

Дуальность — то не наказание, а лишь процесс, который порожден природою Единства, необходимый для раскрытия божественности в нас. Как глупо, и наивно думать по-другому! Как плохо верить, что подобный, огромной важности процесс, закончить можно за семь десятков лет! Да хоть за семь десятков миллионов лет!

Неужто Богом стать — такая малость?!

Неужто Бог жесток и скуп настолько, что, обладая вечностью в руках, он человеку дал лишь семь десятков лет, чтоб тот пришел к Единству и в сад Эдема он вернулся, осознавая полностью свою божественную суть?

Да, долог путь Дуальности, и глупы те, кто числом его хотят измерить. Ведь вечность даже звезд рожденья не считает.

Когда Адам бездейственный и вялый был разделен на половины, тогда он стал активным и движением наполнился, и к творчеству способности раскрыл, и сотворить он мог себя.

Какое действие он совершил, чтоб стать дуальным? Отведал плод Добра и Зла, тем самым разбив свой мир на части, как Бог его же разделил. И все вокруг вдруг стало не таким, как раньше — безразличным и невинным. Хорошим и плохим, полезным, бесполезным, приятным, неприятным вдруг стало все — два лагеря, стоящих друг напротив друга, меж тем, как раньше единым было все.

А змей же искуситель тот, что Еву уговорил отведать плод Добра и Зла, тот змей, я говорю, ни кем иным был, как голосом, идущим из глубин, а голос тот, влекущий и всеильный — то зов Дуальности самой, активной, но опыта лишенной, что хочет действовать и опыт получить.

А то, что Ева первой услышала тот глас и подчинилась, отнюдь не мудрено. Ведь для того и создана была, чтоб силы разбудить, в Адаме спящие.

И много раз вы с замираньем сердца историю читали, как тайком по саду Ева пробиралась. И нервы на пределе, а сердце, как птица в клетке бьется, готово выпрыгнуть наружу. Вот она крадется, оглядываясь, в страхе приседая, чтоб незамеченной пройти. И вот он, плод заветный — лишь руку протяни. И увлажнились уста ее, рука дрожит, едва касаясь плода. Следите вы за ней, дыханье затаив. Вот Ева плод срывает, и сладкий сок той мякоти, нежнейшей, ей губы оросил. Его кусает, чтобы отведать сладости мгновенной, которая проклятьем обернется ей

вечным и ее потомкам.

И разве не желали вы всем сердцем, чтоб Бог ее предупредил, не дал бы ей совершить поступок безрассудный, чтоб появился в тот момент, когда она уже была готова отвесть вкус плода? В истории он так не поступает. Он появляется потом, когда уж поздно, и что-то изменить уже нельзя. И разве не мечтали вы о том, чтобы Адам настолько смел и мудр был, чтоб не поддавался Евы искушенью и не вкусил плода?

И все же Бог им не мешал, и вот Адам, не удержавшись, плод отведал сей. Ведь не хотел бы Бог, чтобы подобие Его да не подобно Ему было. Он сам составил план, он сам того хотел, чтоб человек пошел путем Дуальности и волю свою он обнаружил и свой план, и стал чтоб он единым с Пониманьем. Что ж до Адама, то не мог он удержаться, чтоб плод тот не вкусить, предложенный женой. То было просто неизбежно, ведь жена его тот плод отведала, а оба они единой плотью были, каждый за действия другого отвечал.

Разгневался ли Бог, разбушевался, из-за того, что Человек отведал плод с Древа познания Добра и Зла? Бог запретил. Он знал, что так и будет, что Человек не сможет противостоять, да Бог и сам того хотел, но только знал он о последствиях и захотел предупредить, чтоб Человек, вкусив плода, был в силах выдержать то испытанье. Да так и получилось. Выносливым и стойким оказался Человек. И плод он тот отведал. И с испытанием столкнулся.

А испытаньем Смерть была. Ведь став активным, разделенным надвое, по воле Бога, не стало больше Человека единого, он умер, уступив другому место. Поэтому и Смерть — не наказание, а фаза жизни, присущая Дуальности. Дуальность тенью наделяет всех. И вот Адам увидел в Еве тень свою, и Смерть их Жизни тенью стала. Но оба, и Адам, и Ева, хоть по пятам преследовала Смерть их, продолжили свой дальше путь без тени, поскольку в Боге жизнь они вели.

Дуальность — парадокс, рождающий иллюзию противоречий, как будто борющихся меж собой. Но, говорю я вам, на самом деле они нужны друг другу, неразлучны, друг друга дополняя, наполняя друг друга до краев. И вместе они стремятся к общей цели, создавая мир, единство, гармонию Святого Пониманья. Иллюзия рождается средь чувств и ощущений, и будет жить она так долго, как долго будут чувства жить.

И вот, когда Отец позвал Адама, уж после, как глаза его открылись, Адам ответил: «Слышал глас в саду Эдема Я и испугался Я, ведь Я был обнажен, и устыдился наготы своей, решил Я спрятаться тогда. А женщина, что создал для меня ты, дала мне плод, и Я его вкусил».

А Ева же была самим Адамом, его же плоть и кровь. Но вновь родившееся Я Адама решило, что оно другое, чем Ева, Бог и все создання божьи, решило, что отдельно и независимо оно.

Но оно иллюзией являлось, другое, независимое Я. Обманом стала личность, от Бога отделенная, для только что открывшего глаза Адама. Личность та родилась, чтоб через смерть познал Адам себя, познал себя как Бога. Растворится, уйдет она, когда померкнет внешний глаз, а внутренний откроется и светом озарится. Хоть и сбита с толку иллюзия Адама, только все же влекла к себе, собой очаровала. Так притягательно иметь Я собственное для того, кто не имел Я никакого, кто ничего не знал о том, что можно Я иметь.

И личность иллюзорная Адама поймала его в сети, соблазнила, к себе звала. И, несмотря на то, что он стыдился ее, ведь слишком нереальной, неприкрытой она была, расстаться с нею он не изъявил желанья, в нее всем сердцем тут же он влюбился, со всей своей изобретательностью, вновь рожденной. И листья фигового древа связал он вместе, сделал он прикрытие себе, и им прикрыл он личность нереальную, ту личность, что была обнажена, чтоб не смогло всевидящее око Бога проникнуть в нереальность ту.

И вот Эдем, блаженное незнание покинули Адама, листом прикрытого и разделенного на части, и пламя разгорелось между ним и Древом Жизни.

И Человек ушел из сада сквозь врата двойные, врата Добра и Зла. Вернется он назад через единство, через ворота Пониманья. И к Древу Жизни, уходя, спиной он повернулся, но Древо то увидит, возвратясь. Сбой долгий и тяжелый путь он начал, стыдясь себя и наготы своей и фиговым листочком прикрываясь, свой стыд чтоб никому не показать. В конце пути придет он снова к саду, но неприкрыт он будет в чистоте и наготу будет любоваться.

Случится то не раньше, чем испытанье он преодолет и сможет через Грех освободиться от Греха. Ведь сам себя погубит Грех. И что такое грех, как не листок тот фиговый?

Да, грехом является ограда, что разделяет Бога с Человеком, что разделяет его Я на преходящее и неизменное.

Вначале был лишь фиговый листок, затем он превратился в кучу листьев, потом оградой плотной стал. С тех пор, как Человек свою невинность от Бога заслонил, он продолжает трудиться рьяно, возводя ограды все крепче, все надежнее, стараясь себя от Бога отделить.

Ленивые безмерно рады листья свои латать обрывками заплаток, что их трудолюбивые соседи случайно на дороге обронили. И каждая заплатка на одежде Греха грехом является сама, ведь служит, чтобы стыд увековечить, то чувство, что явилось самым первым и самым сильным чувством человека в момент, когда себя от Бога он отделил.

Заботится ли Человек о том, чтоб стыд преодолеть? Увы! Напротив, он стыд преумножает.

Его искусства и ученья все — не что иное, как прикрытие стыда, листочки фиговые.

Его империи, религии и государства, его национальности и войны — не что иное есть, как фимиам, курящийся для фиговых листов.

И кодекс чести, то, что истинно и ложно, законы справедливости, его бесчисленных законов свод — то разве не попытки стыд прикрыть?

И то, что он так ценит безделушки и правила навязывает там, где не должно их быть, да и попытки неизмеримое измерить —• не заплатки ль на сотни раз залатанном листе?

И жажда удовольствий ненасытная, тех наслаждений, что полны страданий, и жадность до богатств, что душу точит, и жажда власти, что поработает, и страстное желание величья достичь, достоинство преуменьшая — все те же фартуки из фиговых листов.

В своих попытках жалких наготу свою прикрыть надел он слишком много на себя. Со временем одежда так тесно к коже приросла, что кожей стала. И вот теперь

ему не отличить, где он, а где одежда, что служила ему прикрытием от стыда. Он задыхается и молит о прощеньи, желая скинуть груз одежд. И много делает он для того, чтобы придти к свободе, но, однако, не делает он главного, того, что помогло б ему свободным стать — он груз тот не бросает. Желая снять одежду лишнюю, цепляется он с силой за нее.

Грядет уж срок его освобожденья. И я пришел помочь вам одежды ваши снять, отбросить рваные обноски, передники из фиговых листов, чтоб помогли вы всем, кто тоже хочет от груза тяжкого освободиться. А я же путь вам укажу, но каждый должен сам пройти свой путь, как не было бы больно.

Не ждите чуда, что вас спасет от вас самих, и боли вы не бойтесь, ведь Пониманье обнаженное всю вашу боль развеет и в радости экстаз оборотит.

Лицом к себе вы повернетесь с Пониманьем, и Бог вас спросит: «Где же вы?» И вы не станете стыдиться, и бояться, и прятаться от Бога. Вы будете тверды, божественно спокойны. Произнесете вы в ответ: «Узри нас, Бог — вот наши души, наши существа и мы с тобой едины. Стыдясь, боясь, испытывая боль, мы долго шли извилистой тропью, дорогою Добра и Зла, что уготовил нам ты на заре Времен. Вперед нас побуждала Ностальгия Великая идти, а Вера Сердце поддерживала, груз же Пониманье с плеч наших сняло, и обмыло раны, и вновь в твое присутствие святое нас привело. Теперь обнажены мы от Зла и от Добра, от Жизни и от Смерти, обнажены от всех Дуальности иллюзий, обнажены от самых разных «Я», и «Я» божественное, всеохватное не нужно прятать нам. Без фиговых листов, что прикрывали нашу наготу, стоим мы пред тобой, стыдиться нечего нам, нечего бояться, ведь твоим светом мы озарены. Смотри, едины мы. Мы все преодолели».

И с бесконечною любовью Бог обнимет вас и тут же отведет вас к Древу Жизни.

Так учил я Ноя.

Так учу я вас.

Глава 33

О несравненная певица ночь.

Как одинокий скиталец, изгнанный из родного дома, мечтает вновь вернуться под отчий кров, где провел он самые светлые часы своей жизни, так и наши сердца тосковали и стремились в «убежище». Но зимние ветра замели пещеру снегами, и долго, пока не стаяли сугробы, мы не могли в нее войти.

Но вот наступила весна. Однажды ночью, когда взор небес был кроток и светел, а дыхание ветра тепло и напоено тонким ароматом распустившихся листьев, Мастер отвел нас в «убежище».

С того самого дня, как Мирдада увели в Бетарскую тюрьму, никто не заходил сюда. Восемь плоских камней стояли полукругом, казалось, они тоже ждали и скучали по нам.

Каждый занял свое привычное место. Полная луна смотрела на нас с высоты, скользя по нашим лицам, по устах Мастера, готовая внимать каждому его бесценному слову. Мы все также обратились в слух, ожидая, что Мирдад заговорит. Но он молчал.

Горный водопад, с шумом обрушиваясь со скалы на скалу, пел в ночи свою громогласную песню. Время от времени до нас доносилось уханье совы и прерывистая трескотня сверчков.

Долго сидели мы, затаив дыхание, в тишине, прежде чем Мастер поднял голову, открыл глаза и обратился к нам.

МИРДАД: О, братья! Безмятежна эта ночь, прекрасна и светла. Мирдад хотел бы, чтоб песню дивную смогли услышать вы, что Ночь для вас поет. Внемлите ее голосу. Воистину, Ночь — бесподобная певица.

Из темных прошлого щелей, из светлых замков, что будущее строит, с облаков, из недр земли ее струится голос, бежит он непрерывною волной до самых дальних уголков Вселенной. Могуч он, словно горный водопад, и кружит вас в своем водовороте. Раскройте уши, чтоб слышать хорошо его могли вы.

То, что суета дневная беспечно разрушает,
Ночь неспешная возводит вновь со знанием дела.
Волшебница она.

Ведь разве луна и звезды не прячутся в дневном сиянии?

И то, что топит День в болоте притворства и фантазий,

То воспевает Ночь повсюду в сдержанном экстазе.

Ночные сны растений поют в ее едином, стройном хоре.

Прислушайтесь к песням небесных светил,

Что кружатся в небе ночном.

Они колыбельную песню поют

Ребенку, уснувшему сном,

В кровати, сплетенной из марева звезд,

Царю, что без трона томится,

И свету, лишенному искорки грез,

И Богу, в коротких штанишках.

Слышишь, заботами полнится наша Земля,

Накормить, напоить стараясь,
Дикий лес ее полон зверей,
Воя, лая, рыча и кусаясь.
Птицы волшебные песни поют,
И луга дивный стих нам читают,
И деревья, что птицам приют дают,
О свободе порой мечтают.
И событий поток, круговорот
Черпает жизнь из колодца смерти.
И долины, и вершины, И пустыни, и моря —
Все томится ожиданьем, В Бога веря и моля.
Чтобы снять с себя оковы,
Чтобы время стало новым,
Чтобы Бог хранил, любя.
Слышишь, матери мира плачут,
Обливаясь слезами сполна,
И отцы мира тоже плачут —
Захватила их та же волна.
Волна горя нахлынула в их дома,
Когда дети в войну их играют,
Когда бога хулят, проклиная судьбу,
Жизни силы свои пропивают.
Говорят о любви, ненавидя себя,
Когда бога в себе не знают.
Проливают кровь ближних своих,
Призывая ярость Потопа.
Услышь, как животы их от голода сжались,
Как распухшие веки болят,
Как иссохшие пальцы на ощупь
Остатки надежды найти хотят.
И как сильно ранено сердце —
На многие части распалось оно.
Слышишь, адский мотор грохочет
Город надменный упасть готов
Тленный оплот его мощи
Скинет иго своих оков.
И ценности прошлых дней
Падают в лужи грязи и крови.
Слышите, молитвы о праведности
Вместе с криками похоти громко звенят,
И дети лепечут нам сплетни,
Что ужасом душу порой леденят.
Юная дева, смутившись,
Песнь проститутки поет.
Старый разбойник, напившись,
Храбрости оду в ночи воздает.

В каждой лачуге, в каждой избе
Всех племен и народов
Гимн человеку и его борьбе
Ночь возвестит у порога.
Вот она — чародейка ночь,
Все песни в одну смешала,
Баллады о трудностях, гимны борьбе —
Песнь, что прохладой ночной дышала.
Величава она и бесконечна в охвате.
Так глубока и настолько сладка,
Что даже ангелов хор и их арфы —
То гомон невнятный,
Нелепое слов бормотанье
В сравнении с ней.
То Победителя песнь триумфальная.
Горы уснули в объятиях Ночи,
Пустыни и дюны вздыхают во сне.
С боку на бок глубины, ворочаясь,
Колыбельную звездам поют в тишине
Жители вымерших городов,
Святая Триада и Всеединая Воля
Приветствуют и прославляют все
Человека, познавшего Бога.
Счастливы те, кто слышат и понимают.
Счастливы те, кто в одиночестве Ночью
Ощущают себя тихими, глубокими просторными, как сама Ночь,
Чьи лица не сгорают от стыда из-за преступлений, совершенных во тьме,
Чьи веки не распухли от слез, что их братья из-за них проливали,
Чьи руки не чешутся от алчности и желанья что-то разрушить,
Чьи уши не заложены от едкого шипения похоти и страсти,
Чьи мысли не противоречат сами себе,
Чье сердце не является ульем разного рода тревог,
Что роятся в ночи без конца в каждом уголке Времени,
Чьи страхи не прорыли ходы в их голове,
Кто смело Ночи скажет:
«Разоблачи меня до того, как настанет День»,
Кто смело скажет дню:
«Раскрой меня до Ночи».
Да, трижды счастлив тот, кто, оставшись в Ночи один,
Чувствует себя с ней в единстве,
Таким же безмолвным, таким же бесконечным, как она.
Лишь ему Ночь свои славные песни поет.
Дружите с Ночью.
Тщательно омойте сердце кровью своей жизни и вручите его вы Ночи.
Доверьте ей заветные мечты, к ногам ее амбиции.
Сложите, все те Желания, что держат вас, отдайте ей.

Неуязвимы станете для всех дневных метаний,
И Ночь вам будет подтвержденьем
Перед людьми другими, что победили вы, что вы превозмогли.
И пусть вас лавина обманчивых дней
Уносит все дальше и дальше —
Доверившись Ночи, вы дружите с ней
И неуязвимы для фальши.
Во мраке ль идете по горной тропе,
Стремитесь к вершине высокой —
Доверившись Ночи, верны вы себе,
И с той не собьетесь дороги.
Мишенью ли стали для злостной молвы
И в двери стучится сомненье —
Доверившись Ночи, уверены вы
В высоком своем назначеньи.
И с верою той всемогущей
Вы День покорите грядущий.

Услышьте, как стучит Ночное сердце — то бьется сердце Человека Обновленного. Будь у меня слезы, я отдал бы их этой ночью всем звездам небосклона; я отдал бы их каждой песчинке во Вселенском океане, и ручейку, что весело журчит, кузнечнику, что громко так стрекочет, фиалке, что, качаясь на ветру, свой аромат нам щедро изливает, порыву ветра, скалам и долинам, травинке каждой и всему тому, что внемлет Ночи и покоем дышит и излучает красоту. Я бы пролил слезы, прося прощение за людскую злобу, неблагодарность и невежество.

Ведь человек, служитель отвратительных богов Богатства, Власти, Разрушенья, так занят ими, что не достает ни времени, ни сил ему, чтоб уделить вниманья капельку желаниям другого, услышать хоть на миг другого голос. Лишь свои желанья он исполняет, и лишь голос свой умеет он услышать.

Ужасны планы человеческих богов. Они хотят мир сделать скотобойней, где человек — убийца сам и тот, кого должны забить. И так, от крови пьяные, что пролили в бою, своих же братьев люди убивают и верят, что палач достоин больше всех благ земных и всех богатств небесных, чем убиенный.

Несчастные обмана жертвы! Разве превратится волк в ягненка, коль станет на куски он рвать волков? Разве превратится змей в голубку, поедая своих собратьев, все таких же змеев? Разве можно, убивая, радость унаследовать без примеси страданий? Разве может ухо, заткнув другое ухо, лучше слышать Гармонию? Разве может глаз, закрыв глаза другие, увидеть больше Красоты?

И разве есть на свете люди, которые могли бы исчерпать блаженство хотя бы часа одного, или вина и хлеба, света и покоя? Земля родит не больше, чем может прокормить. А небеса не кланчат и не крадут они материал для своего восстановления.

Лгут те, кто говорят, что если хочешь быть в достатке, убей и унаследуй имущество того, кого убил. Как может процветать он на слезах, на крови, на страданьях тех людей, которые в любви не преуспели, не насладились молоком Земли и медом и не познали прекрасную Небес заботу?

Лгут те, кто говорят, что каждый народ иль племя — за себя само лишь.

Могла бы многоножка хоть шаг шагнуть, будь каждая нога ее сама себе хозяйка, в противоположном от ног других стремилась направлении, или пыталась бы загородить движение, или хотела бы сломать соседей? Ведь человечество — большая многоножка, а ноги ее — нации, народы и племена.

Глут те, кто говорят, что управлять людьми — почетно, а подчиняться — стыдно. Это ложь. Разве осла погонщик не ведом хвостом ослиным? А надсмотрщик тюремный не прикован ли к самой тюрьме?

На самом деле, осел ведет погонщика, а заключенный тюремщика в темнице держит.

Глут те, кто говорят, что быстрый жизни бег — лишь для способных бегать, а правы только сильные. Ведь жизнь отнюдь не есть соревнование сильных и умелых. Увечные калеки чаще цели достигнут, чем здоровый их собрат, а воин может пасть от комариного укуса.

Глут те, кто говорят, что справедливость лишь наказанием можно защитить. Ведь «зло за зло» в добро не превратится. Оставьте зло в покое, со временем оно само себя разоблачит.

Но люди легковверны, слепо верят своим жрецам верховным, выполняют свято капризы Бога денег и его приспешников, тех скряг и скупердяев, что миром ныне правят.

В то время Ночь поет, освобождение славит, и Бог Единый с нею заодно, но человек тому не верит и боится. А вас, друзья мои, они зовут лжецами, безумцами и ловкачами.

Но на неблагодарность человека не стоит обижаться, и насмешки, что жалят ваше сердце, не кляните. Трудитесь с радостью, любовью и терпением, ведя людей к спасению от них самих и от потопа крови и огня, который может обрушиться на Землю.

Настало время уж остановиться и перестать друг друга убивать.

Луна, и Солнце, Звезды устали ждать, когда же их увидят и услышат, когда же их поймут, и азбуку Земли узнают, дороги Космоса пройдут, запутанную нить Времен распутают, и аромат Вселенной впитывать начнут, когда темницу Боли разрушат навсегда, берлогу Смерти разорят, хлеб Понимания научатся вкушать, и Человек, что Бог в пленках, их сбросит наконец и станет Богом.

Настало время уж остановиться и грабить перестать и воровать, пора ряды людские сомкнуть во имя новой, общей цели и новую задачу пора уж выполнять. Огромна та задача, непомерна, но путь во мраке озарен сиянием победы сладостной. В сравнении с ней все тускло, ничтожно и банально.

Да! Настало время, уж пробил час. Но звук тот был услышан немногими. А остальным придется другого раза ждать, другой зари, когда им будет зов.

Глава 34

О Материнской яйцеклетке.

МИРДАД: В тиши ночной Мирдад вам предлагает о Материнской яйцеклетке поразмыслить.

Пространство вместе с тем, что есть внутри него — все то яйцо, а Время — скорлупа. Вот образ Материнского яйца, подумайте о нем.

Яйцо окутывает Макро-Бог, как воздух окружает Землю, тот Бог, что развивается наружу, та Жизнь, что бестелесна, бесконечна и невыразима.

Внутри же яйцеклетки Микро-Бог живет, спиралью внутрь он направлен, представляет Жизнь овеществленную и тоже бескрайнюю и несказанную.

И хоть оно, по меркам человека, неизмеримо, все же есть границы у Материнского яйца, и безграничности касается оно со всех сторон.

И все, что существует во Вселенной, что в ней кружится, есть ничто иное, как яйцеклетки времени-пространства, в которых Микро-Бог живет, но только на разных стадиях раскрытая. У Человека Микро-Бог владеет гораздо большей шириной в пространстве и времени, чем Микро-Бог животного. А у животного яйцо то больше, чем у растений, и по лестнице творенья так далее спускаясь, оно все меньше.

И мириады этих яйцеклеток, которые собою представляют все сущее, невидное и видимое, так расположены в утробе Материнской, той Материнской общей яйцеклетки, что большее в длину и ширину в себе содержит меньшее, пространства их пересекаются, и так до самого центрального ядра, все меньше, меньше, до бесконечно малой точки центра.

Яйцо в яйце, утроба, что в утробе, которая в утробе — их так много, что человеку их не сосчитать, и все то Богом рождено. И это есть Вселенная, друзья мои.

Я чувствую, слова мои нетверды, ненадежны для вашего ума, и рад я буду надежными и крепкими ступенями их сделать, чтоб слова любые для вас бы стали крепкими ступенями на лестнице, ведущей к Пониманью. И если вы хотите вершин достичь и глубину, и широту познать, ловить вам должно больше, чем слова, и слушать не одним умом лишь.

Слова — всего лишь вспышка и зарница, что озаряет горизонт, но не зарница ведет вас к горизонту, много меньше она тех далей, что к себе влекут. Поэтому когда я говорю вам о Чреве и о яйцеклетках, о Макро-Богe и о Микро-Богe, не буквы слушайте вы, следуйте за вспышкой, но не смотрите неотрывно на нее. Тогда слова мои дадут вам силы, и, если понимание хромает, на крыльях вознесут его.

Взгляните на Природу, что окружает вас. Не следует ли разве ее строенье принципу утробы и принципу яйца? Да, в яйце найдете ключ к творению всему.

Утроба — ваши голова, и сердце, и глаза. Утроба — это семечко любое и каждый плод его. Утроба — это капелька воды и семя каждого живого существа А бесчисленные сферы, идущие мистическим путем на небосклоне — разве они не есть утробы, что в себе содержат коктейль волшебный Жизни, Микро-Богa, на разных стадиях раскрытья? Ведь постоянно жизнь выходит из утробы и возвращается туда.

Воистину чудесен, непрерывен процесс творения. И жизни ток с поверхности огромной яйцеклетки стремится внутрь ее, из центра жизнь стремится постоянно на поверхность. И так растет во Времени, Пространстве, и переходит Микро-Бог все

дальше, все дальше от центрального ядра, утроба за утробой, от низших ступеней 10 возвышенных вершин, и это — Жизни иерархия. Те существа, которые внизу, — совсем малы, а высшие же больше расширены во Времени, Пространстве, и время, нужное для перехода от яйцеклетки к яйцеклетке иногда растянуто на целую эпоху, в другом же случае оно — всего лишь миг. Идет процесс творенья до тех пор, покуда Материнского яйца не треснет скорлупа. Когда же это произойдет, тогда и Микро-Бог сольется с Макро-Богом.

Так жизнь течет, ее прогресс и рост, но не для разуменья человека. Ведь рост людей — увеличение в объеме, прогресс же — продвижение вперед. На самом деле рост есть расширение во Времени, Пространстве повсеместно, во все стороны, прогресс — движение, направленное равно повсюду, во все стороны, и так же назад, как и вперед, и вниз, и вверх. Предельный рост — то выход за пределы Пространства, а прогресс предельный — то времени обгон и выход за его пределы, сливаясь с Макро-Богом, обретая его Свободу от всего — от Времени и от Пространства, дивную Свободу, которая единственная в праве свободой называться. Такова судьба, что Человеку уготована.

Подумайте, о братья, хорошоенько над этими словами. И пока вы душою всей и всею кровью вашей не ощутите вкус и аромат сих слов, пока вы не вдохнете, как воздух, их, который насыщает вам тело жизнью, до тех пор бессильны освободиться вы, и устремленье других освободить лишь станет новым звеном в оковах ваших. Мирдад хотел бы, чтоб вы поняли, чтоб научить могли других, всех тех, кто жаждет пониманья. Мирдад хотел бы, чтобы вы освободились, чтобы смогли вести других к Свободе, ту расу, что желает превзойти и стать свободной. Поэтому он больше расскажет вам о принципе яйца, утробы материнской, и всего того, что сказано о Человеке.

Все яйцеклетки существ любых, что ниже Человека, поделены на группы. Для растений столько яйцеклеток, сколько видов самих растений, развитые виды в себя включают тех, кто развит мене. Все тот же принцип действует и у животных, у рыб, у насекомых, и всегда те, кто развит более, в себе содержат всех низших, вплоть до самого центрального ядра.

И как желток с белком яйца обычного цыпленку пищей служат, чтобы мог он расти и развиваться. Яйцеклетки, те, что в большом заключены яйце, питают Микро-Бога, помогая ему развиваться. И в каждом следующем яйце Микро-Бог находит пищу Времени-Пространства чуть-чуть другую, нежели была в яйце предшествующем. Отсюда разница в размерах во Времени-Пространстве. Разряженный в бесформенном Газу, он концентрируется, близко к форме он подходит в Жидком состоянии, тогда как в минералах он обретает форму и остается в ней, лишенный всякой Жизни, той, что в высших формах очевидна. Во Фрукте форму принимает он, способную расти и размножаться, и ощущать. В Животном он способен к чувствам и движенью, потомство производит, у него есть память и зачатки мысли. Но в Человеке, ко всему тому, он личность обретает и способность размышлять, и выражать себя и созидать. Конечно, созиданье Человека в сравнении с Божественным — лишь домик, что детской рукой из карт построен, в сравнении с великолепным храмом или дворцом чудесным, чудо-зодчим построенным для вас. И все же Человек-творец, и в этом нет сомненья.

И каждый Человек яйцом становится отдельным, себе уже подобных не имея, и

тот, кто больше развит, заключает в себя уже того, кто мене развит, плюс всех животных, также всех растений, до самого центрального ядра. А тот, кто будет всех превыше развит, а это — Обновленный Человек, в себя вберет людей всех, ибо будут они все меньше развиты, чем он.

Размер яйца любого человека очерчен широтою горизонтов во Времени, Пространстве. Сознание Времени одних вбирает в себя лишь краткий миг со дня рожденья до нынешних времен, а горизонт в Пространстве очерчивает то, что глаз их может видеть. Другие же во Времени расширены от незапамятного прошлого до будущего, что очень далеко, и занимают в пространстве они столь большое место, что глазом все не охватить.

И пища, что идет для их развития — одна и та же, но способности ее усвоить у всех различны, ведь не из одной они на свет явились яйцеклетки и не одновременно, потому по-разному расширены в пространстве, да и во времени, они, и нет двух одинаковых из них.

С одного стола, так щедро и богато перед всеми накрытого, одни вкушают злата чистоту и красоту и сыты, другие же наесться этим золотом хотят и остаются голодны все время. И охотник, увидевши оленя, лук натянет, чтобы его убить и мясо съесть. Поэт, того же увидав оленя, на крыльях воспарит мечты и улетит в пространства, времена такие, которые охотнику не снились. Майкайон, живущий в одном Ковчеге вместе с Шамадамом, мечтает о свободе беспредельной, а Шамадам в то время занят тем, что более и более стреножит себя цепями Времени-Пространства, и звенья новые для тех цепей кует. Воистину, делясь одною крышей, они так друг от друга далеки! Майкайон в себе содержит Шамадама, но Майкайона не содержит Шамадам. И потому-то Майкайон способен Шамадама понять, а Шамадам не может Майкайона уразуметь.

Жизнь Человека Обновленного коснется жизни любого человека всесторонне, ведь жизни всех людей она содержит. Тогда как жизнь любого человека не может охватить жизнь Человека Обновленного со всех сторон. Для самого простого человека тот Победитель кажется простым, для человека, смелого рассудком, он будет смел, умен и многогранен. Но всегда в нем будет что-то, что сможет Человек лишь Обновленный понять, такой, каким он сам является. Отсюда одиночество его и ощущение, что не от мира он сего, хотя живет он в этом мире.

А Микро-Бог не хочет быть в границах. Он постоянно об освобождении мечтает, он вечно точит скорлупу, на волю рвась из плена Времени-Пространства, используя свой разум, во много раз превосходящий разум человека. И называет человек инстинктом Микро-Бога, низших всех существ. У человека ж это — здравый смысл. Зовется даром предвидения у высших он людей. Но все это — одно, и это — больше, чем все названья, вместе взятые. Это сила безымянная, зовут ее в миру обычно Духом Святым, ну а Мирдад зовет ту силу Духом Святого Пониманья.

И первый Человека Сын, который разрушил скорлупу Времен и пересек Пространство, воистину зовется Сыном Божьим. И понимание его своей божественности уместно называть Духом Святым. Но знайте точно, что вы тоже Дети Бога, и в вас тот Дух Святой свой путь отыщет. Идите вместе с ним, ему вы не противоречьте.

Но до тех пор, покуда оболочку вы не разбили Времени-Пространства, не позволяйте никому сказать, что «Я ЕСТЬ БОГ». Вы лучше говорите: «БОГ ЕСТЬ Я».

И это вам поможет обуздать надменность, и пустые образы не станут ваше сердце истязать и воевать против работы Святого Духа в вас. Ведь большинство людей ведут работу против Святого Духа, сами отдавая свое освобождение тем.

И чтобы Время покорить, вы с ним должны бороться Временем. И Пространство чтоб рассеять, позволяйте Пространству поглотить Пространство. Играть же роль любезного хозяина для них — в плену их добровольно оставаться и быть пристанищем для бесконечных гримас Добра и Зла.

Но тот, кто отыскал судьбу свою и жаждет воплотить мечту, тот время не тратит даром, не играет в игры со Временем, в Пространстве не блуждает. За время, что отпущено для жизни одной, он может пережить эпохи и покорить огромное пространство. И он не ждет, когда явится Смерть и унесет его в яйцо другое, он верит в то, что Жизнь ему поможет пробить одновременно оболочки множества яиц.

Для этого должны освободиться вы от всего, владеете чем ныне, чтоб Время и Пространство ваше сердце не сдерживали. Ведь большим обладая, тем более вы этим одержимы. Чем меньшим обладаете, тем меньше оно вас держит.

Освободитесь от всего. Лишь Веру, Любовь и неустанное желанье достичь свободы чрез Святое Пониманье с собою вы возьмите в путь.

Глава 35

Искры на пути к Богу.

МИРДАД: В безмятежности ночной Мирдад вам на пути рассыплет искры, что путь ваш к Богу озарят.

Избегайте споров. Истина есть аксиома, и доказательства ей не нужны. Коль скоро что-то на помощь доказательство зовет, оно же будет тем доказательством на голову разбито.

Ведь доказать что-либо — значит не принять другое. А доказать другое — значит первое отвергнуть. У Бога нет противоречий. Как можете вы подтвердить Его или опровергнуть?

И если вы хотите Истину вещать, язык ваш да не будет ядовитым, вонзающим клыки, не будет флюгером вертлявым, или акробатом, или мусорщиком тем, что подноготную смакует.

Слова произносить вам должно лишь для того, чтобы освободить безмолвных. Безмолвны будьте, чтоб себя освободить.

Слова есть корабли, что бороздят Пространство и пристают к различным берегам. Следите же за тем, чем нагрузили вы их, ведь для того, чтоб прямо курс держать, весь груз у ваших же ворот они оставят.

И поиски себя для сердца — что метла для дома.

Сердце чистое, освобожденное от груза, — то крепость неприступная.

Чем кормите людей вы, тем вас они попотчуют в ответ. Будьте пищей полноценной, коль не хотите отравленными быть.

И если сомневаетесь вы в следующем шаге, тогда остановитесь, на месте стойте, не двигаясь вперед.

То, что не любите вы, также вас не любит. Любите вы, и тем такое ж чувство подарите другому. И на пути у вас преград не станет.

И самая большая неприятность — это считать что-либо неприятностью. Решайтесь — или все иметь, или ничего. А середины просто нет.

Любое на пути препятствие предупредить о чем-то вас желает. Внимательно вы знак тот изучите — преграда обернется маяком.

Прямота — сестра родная изворотливости. Одна — короткая дорога, а другая — тропа в обход. Терпенье проявляйте к тем, кто движется извилистой дорогой.

Терпение здоровье вам приносит, на Вере если зиждется оно. Но коли Вера вам не помогает, терпение парализует вас.

Быть, чувствовать и думать, воображать, а после знать — таков порядок главных состояний в потоке жизни человека.

Остерегайтесь воздавать и принимать хвалу, пусть будет даже искренней она. Как лезть, не слушайте ее и не произносите ее коварных обещаний.

Вы в долг берете все, что отдаете, пока вы думаете, что даете.

Воистину, не можете отдать вы ничего, что вашим было бы. Вы отдаете людям то, что бережно для них хранили. А то, что ваше лишь и только ваше, не можете отдать при всем желаньи.

Уравновешенными будьте, и тогда примером станете вы для других, и глядя на вас, начнут другие люди мерить, оценивать себя.

Нет бедности и нет богатства — искусство лишь увидеть пользу в том, что есть, затем умение ее извлечь оттуда.

По-настоящему же беден тот, кто не умеет использовать все то, чем обладает. Богат же тот, кто пользу извлечет с того, что есть.

И даже черствый хлеб заплесневелый богатством может стать неизмеримым. Подвалы же, заваленные золотом, способны бедность принести такую, что будете беднее нищих.

Не колеблитесь вы у перекрестка, дороги где расходятся — любую вы выбирайте. Для сердца, Бога ищущего, верным окажется любое направленье.

И к каждой форме жизни относитесь почтительно вы и с благоговеньем. Ведь даже в самом малом и ничтожном скрыт ключ к значительному и большому.

Все, что родила Жизнь, значение имеет — она так совершенна и так мудра, что времени не станет зря терять, творя безделицы пустые.

Чтоб выйти в мир из мастерских Природы, явление ее любви достойным должно быть и работы кропотливой. Разве ж не достойно то уваженья вашего?

Коль комары и муравьи достойны почтения, любви и уваженья, насколько большего человек достоин, ваш друг и брат?

И никем вы не пренебрегайте. Уж лучше всеми быть отвергнутым, чем в душу свою пустить презрение к кому-то.

Ведь человека презирать — то значит презреть и Микро-Бог . в нем, а значит, презреть Его в самом себе. И как аэронавт небес достигнет, коль презирает он тот шар воздушный, что ввысь его один нести способен?

Чтобы увидеть то, что под ногами, смотрите вверх, а чтоб увидеть то, что наверху, взгляд книзу опустите.

Спускайтесь вниз настолько глубоко, насколько вверх прошли, и равновесия тогда не потеряете.

Сегодня вы ученики, но завтра учителями станете. И будьте прилежными учениками, чтобы учителями мудрыми вам быть.

И не стремитесь выкорчевать вы все мира Зло, ведь даже сорняки подчас бывают добрым удобреньем.

Усилия, что тратятся впустую, способны умертвить того, кто их предпринимает.

Высокие и мощные деревья по одиночке лес создать не могут. И им нужны лианы, и кустарник, и низкая трава.

Лицемерие возможно скрыть на миг, но не разоблачить и уничтожить.

Страсти темные растут и размножаются во тьме. Пустите на свободу их, на яркий свет, и этим положите конец их размноженью.

И коль из лицемеров тысячи хотя бы одному удастся вам помочь стать честным, радуйтесь — велик же ваш успех.

На небесах маяк зажгите, но не зовите людей его увидеть. Те, кому действительно свет нужен, в приглашеньи не нуждаются.

Мудрость — ноша тяжкая для мудрого наполовину так же, как и глупость для дурака. Так помогите наполовину мудрым с ношей их, а дураков оставьте вы в покое. Наполовину мудрый дурака научит лучше, чем вы смогли бы это сделать.

Казаться будет часто вам: дорога ваша непроходима, одинока и мрачна. Но не теряйте волю и вперед шагайте, упорством и терпеньем запасясь, за каждым поворотом новым вы новых обнаружите друзей.

В Пространстве бездорожном нет троп нехоженных. И коль редки следы, дорога безопасной будет, ровной, прямой, хотя и труднопроходимой местами, одинокой.

Силы высшие дорогу тем укажут, кто хочет видеть, но нельзя заставить пойти по ней. И помните, что вы проводники.

Чтобы вывести других туда, куда им нужно, проводника самим иметь необходимо. Так доверяйте же своим Проводникам.

И многие попросят: «Укажи дорогу нам». Но мало есть таких, кто скажет: «Веди нас, умоляем, веди нас по пути».

Всего лишь несколько людей, идущих путем преодоления, — это уже много.

Ползите там, где вы не можете идти. Идите там, где вы не можете бежать. Бегите там, где вы не можете лететь. Летите там, где вы не можете заставить вселенную у вас внутри остановиться.

И не один раз, и не два, не три, а сотни раз должны вы поддержать того, кто спотыкается, пытаясь за вами следовать. И руку подавайте, его вы поднимайте до тех пор, пока не перестанет спотыкаться, и помните: детьми когда-то были и вы сами.

Умы, сердца свои прощением умягчайте, чтоб сны блаженные могли вы видеть.

Жизнь — лихорадка разной степени и видов, и признаки течения болезни есть одержимость каждого из вас. И люди постоянно бредят. Благословенны те, кто бредят о Святой Свободе, которая плодом Святого Понимания является.

Людская лихорадка способна к превращенью. Возбуждение войны вдруг превратится в лихорадку мира. И страстное желание копить богатство может стать страстью к накоплению любви. И это Духа алхимия, ее практиковать вы призваны и научить других ей.

И говорите вы о Жизни умирающим, живущим же напомним о Смерти. Но тем, кто жаждет все преодолеть, вы проповедуйте освобождение от преходящих этих состояний.

Огромна разница меж обладанием и тем, когда тобою обладают. Ты обладаешь тем, что любишь, то, что ненавидишь, тобой сполна владеет. Уж лучше в плен не попадать.

И много есть светил, кроме Земли, которые прокладывают курс в пустотах вечных Времени-Пространства. Планета ваша — младшая в семье, и крепко, и здорово то дитя.

Неподвижное движение — вот это парадокс! Но таково движение миров в едином Боге.

И коль хотите знать, как могут вещи неравные быть схожи меж собой, взгляните вы на пальцы рук своих.

Случай — забава мудрых. Глупые же сами являются игрушкой случая.

И жалобы свои всегда гоните вы прочь, поскольку сетовать на что-то — лишь наказаньем сделать для себя то положение. Страдать же от него — то наказание нести. Поняв ту ситуацию, вы с нею друзьями станете, и долго службу она вам будет верную нести.

И часто так бывает, что в оленя охотник целится, но промахнется и зайца убивает, о котором он ничего до этого не знал. Охотник мудрый скажет: «Значит, заяц моей мишенью был, в него я целил, а вовсе не в оленя, и получил я, что хотел».

Точнее цельтесь, и любой вам результат желанным будет.

Все, что приходит к вам — все это ваше. А все, что задержалось по пути, и к вам

никак придти не может — все то не стоит ожидания. И пусть оно само вас подождет.

И знайте: никогда не промахнетесь, коль то, во что вы целитесь, копье само на вас направило.

Пропущенная цель — всегда достигнутая цель. Пусть сердце ваше не слышит жалоб Разочарованья.

Ведь Разочарованье — это коршун, что в сердце вялом выращен и вскормлен он падалью несбывшихся надежд.

Надежда, что сбылась — родник других надежд. Остерегайтесь свое сердце Надежде отдавать, коль не хотите на могиле сердца вы слезы проливать.

Одна икринка из сотни станет рыбой. Но, однако, все остальные девяносто девять не пропадают зря. Щедра Природа и неразборчива она. И вы должны быть щедры и неразборчивы, бросая в сердца людские семена своих идей и чувств.

Не ищите вы награды за свой труд, каким бы- ни был он. Сам труд — награда тому, кто потрудиться любит.

Не забывайте Слово Творящее и Совершенства Равновесье. Достигнув Равновесья Совершенства, придя к нему чрез Понимание Святое, себя самих вы превзойдете, и руки ваши станут руками Бога.

И пусть покой и безмятежность Ночи пребудут в вас, пока не растворите их в безмятежности вы и покое Святого Пониманья.

Так учил я Ноя.

Так учу я вас.

Глава 36

День Ковчеха и его ритуалы.

Послание от принца Бетара.

О живой лампаде.

Приближался День Ковчеха. С тех пор, как Мастер вернулся из Бетарской темницы, Шамадам ходил мрачнее тучи, стараясь ни с кем не встречаться. Но в преддверии праздника он стал заметно оживленнее и самолично руководил подготовкой к нему, не пропуская ни одной детали.

Так же, как и Лень виноградной лозы, День Ковчеха растягивался на целую неделю. Проведение торжеств и в этом случае сопровождалось оживленной торговлей всем, чем только можно.

По традиции, в День Ковчеха монахи забивали молодого бычка и приносили его в жертву. Затем они разводили костер и от него зажигали лампаду на алтаре вместо прошлогодней. Проводил ритуалы Старейшина. Прихожане помогали монахам, а в конце каждый зажигал свечку от новой лампы. Потом свечки гасили и бережно хранили как оберег. В конце всех церемоний Старейшина обычно произносил торжественную речь.

Люди, приходившие на праздник в Ковчег, как и в День виноградной лозы, редко не приносили с собой подарков. Большинство приводило бычков, барашков и козлят, якобы для того, чтобы принести их в жертву вместе с бычком Ковчеха, но в действительности — чтобы присоединить к монастырскому стаду.

Новую лампаду по традиции дарил какой-нибудь принц или богатый купец, ведущий торговлю в окрестностях Молочных гор. И поскольку вручить такой дар монастырю считалось великой честью и привилегией, и претендентов всегда было много, то в конце праздника проводилась лотерея, и выбирался тот, кто будет дарителем на следующий год. Правители и торговцы состязались между собой, проявляя невероятный пыл и стараясь, чтобы их лампада была лучшей, чтобы она затмила красотой и богатством все предыдущие.

В прошлом году жребий вытянул принц Бетара. Всем очень хотелось увидеть новое сокровище, ведь принц славился щедростью и большой любовью к Ковчегу.

Накануне праздника Шамадам позвал всех, и Мастера в том числе, в свою келью и произнес речь, обращая преимущественно к Мастеру.

Шамадам: Завтра святой день, и нам надлежит вести себя достойно этой святости.

В прошлом мы ссорились, но теперь давайте оставим все наши разногласия и распри. Ковчегу не следует замедлять свой быстрый темп или усмирять пыл, или, не дай Бог, совсем остановиться.

Я — Старейшина Ковчеха. Мне выпала нелегкая обязанность быть управляющим. И, кроме того, на меня же возложено и право определять порядки. Обязанности и права были переданы мне по наследству, так же, как в свое время они будут переданы одному из вас, когда я умру. Как я терпеливо ждал своего часа, так подождите и вы.

Если я был несправедлив по отношению к Мирдаду, пусть он простит мою неправоту.

МИРДАД: Не Мирдада, а Шамадама ты обидел глубоко.

Шамадам: Разве Шамадам не волен обидеть Шамадама?

МИРДАД: Обидеть волен? Сколь несовместимы оба слова! Ведь себя обидеть — значит стать рабом обиды. А нанести обиду другому — значит стать рабом раба. Да, тяжек груз обиды.

Шамадам: Если я хочу быть обиженным, тебе что за дело?

МИРДАД: Разве скажет зуб болящий всему рту — до моей боли что тебе за дело, коль я хочу испытывать ее?

Шамадам: Ах, оставь меня в покое. Обрати свой ненасытный взгляд на кого-нибудь другого, а меня не нужно бичевать твоим умным языком. Позволь мне дожить мои дни так, как я жил сих пор, и трудиться так, как я привык. Иди и строй свой ковчег где-нибудь в другом месте, но этот пусть остается таким, каков есть. Мир огромен, нам обоим в нем хватит места, твоему ковчегу и моему. Завтра мой день. Держитесь в стороне и дайте мне сделать то, что я должен, потому что я не потерплю ничьего вмешательства

Берегитесь. Мечь Шамадама страшна, как Божественная кара. Берегитесь. Берегитесь.

Когда мы вышли из кельи Шамадама, Мастер покачал головой и мягко сказал: — Сердце Шамадама все ж остается сердцем Шамадама.

На следующий день, к великому восторгу Шамадама, все прошло гладко, с соблюдением всех формальностей и без каких-либо неприятных сюрпризов. Но вот наступил момент, когда нужно было принести в дар новую лампаду и зажечь ее.

Сквозь плотно стоящую толпу богомольцев, с трудом прокладывая себе путь, к алтарю приближался высокий, статный человек, одетый во все белое. Толпа всколыхнулась, все переговаривались и спрашивали друг у друга, кто это. Говорили, что он — посланник принца Бетара, принесший новую лампаду. Всем не терпелось увидеть новое сокровище.

Шамадам низко поклонился посланнику, полагая, как и все остальные, что тот принес бесценный дар Ковчегу. Но человек в белом что-то тихо сказал Шамадаму, затем достал из кармана лист пергамента и обратился ко всем присутствующим. Он объяснил, что у него послание от принца Бетара, которое он уполномочен передать всем нам, и начал читать.

«От прежнего принца Бетара всем жителям Молочных гор, пришедшим на праздник Ковчеха, с миром и братской любовью.

Вы все являлись свидетелями моей страстной приверженности Ковчегу. И, поскольку мне выпала честь подарить монастырю лампаду в нынешнем году, я не пожалел ни денег, ни сил, чтобы дар мой был достоин Ковчеха. Мои старания были вознаграждены, ведь лампада, на которую я потратил значительную часть своей казны, над которой работали мои лучшие мастера, получилась воистину изумительной. Так думал я до некоторого времени. Но я заблуждался.

Бог смилостивился надо мною и даровал мне прозрение, и я увидел, как неприятзательно и скудно на самом деле сие творение, которое я почитал сокровищем и которое, будучи выставлено на показ, обнаружило бы перед всеми мою презренную бедность. Он ниспослал мне встречу с лампадой ослепительной и неугасимой, лампадой непревзойденной красоты, которая никогда не померкнет. Узрев ту лампаду, я устыдился своих мыслей о том, что моя собственная лампада имеет какую-то ценность и повелел уничтожит ее.

Та лампада, что показал мне Бог — живая. Не человеческие руки сотворили ее, но руки Всевышнего. Я с радостью представляю ее вам. Пусть она убажает ваш взгляд, и от нее вы зажжете свои свечи. Она совсем близко от вас. Имя ее — Мирдад.

Да будьте достойны вы его света».

Едва посланник вымолвил последние слова, как Шамадам, который стоял рядом, вдруг исчез, как призрак, растворился в воздухе. Имя Мастера волной прокатилось по огромной толпе, как порыв мощного ветра проносится по непроходимому лесу. Все желали видеть живую лампаду, о которой принц Бетара говорил в своем послании.

Вскоре все увидели Мастера, поднимающегося по ступеням на алтарь, чтобы приветствовать собравшихся. Тысячи глаз были устремлены на него, и тысячи ушей с жадностью ожидали его слов. Тогда Мастер произнес:

Глава 37

Мирдад предупреждает народы о потопе огня и крови,
указывает путь, как можно избежать потопа
и отправляет Ковчег в плавание.

— Что ждете от Мирдада вы? Отделанную золотом лампаду, что украшать должна алтарь? Мирдад не золотых дел мастер и не ювелир, но он — маяк и небеса. Быть может, вы хотите оберег заполучить, что будет охранять от порчи или сглаза? Есть амулетов много у меня, но все другого рода.

Иль жаждите вы света, чтоб безопасным был ваш путь? Воистину, как странно! У вас есть солнце, и луна, и звезды, и все ж боитесь вы споткнуться и упасть? Выходит, что глаза не служат вам проводниками, иль свет тот слаб, и ничего не видно в темноте. Но кто из вас хотел бы жить без глаз? И кто способен солнце обвинить, что мало света излучает?

И что же есть у вас в глазах, что помогает ногам не спотыкаться на пути, но сердцу позволяет ошибаться и кровью истекать тогда, когда оно так тщетно ищет путь? И что ж это за свет, что наполняет взгляд, но оставляет дух пустым и темным?

Что ждете от Мирдада? Если вы стремитесь видящее сердце обрести и дух, что светом полон, ожидание не тщетно ваше. Ведь именно о сердце и о духе Человека заботится Мирдад.

И что вы в виде дара на День Ковчега принесли, на славный День преодоления? Козлов, баранов и быков? Нет, слишком дешево хотите заплатить вы за свободу! Так дешево спасения не купишь.

Не велика же честь корову превзойти. И, право, стыдно и несправедливо губить несчастного барана за вашу собственную жизнь.

Что вы такого совершили, чем можно было б поделиться, чтоб дух сегодняшнего Дня упрочить, укрепить Дух Веры обновленной, Дух истинной Любви?

Вы множество молитв пробормотали и множество обрядов провели, но каждый шаг сомнения сопровождали и ненависть «Аминь» в конце молитв произносила. И разве здесь мы все не для того, чтобы почтить победу над Потопом? Но как вы можете Победу праздновать, победу ту, что победила вас? Ведь покорив свои глубины, Ной не покорила глубины ваши, он только путь вам указал. Глубины ваши ярости полны и угрожают затопить вас. Пока не усмирите свой Потоп, не будете достойны Дня Ковчега.

Вы — все одновременно есть: потоп, ковчег и капитан ковчега. Настанет день, сойдете вы на сушу, на берег, омываемый водой. До этих пор не торопитесь праздновать победу.

Хотите знать, как превратился Человек в потоп для самого себя?

Когда же Воля Всеединая Адама на половины разделила, чтоб мог он знать свое единство с Богом, тогда Адам стал женщиною и мужчиною — Адам- Она и Он- Адам. В тот миг поток желаний захлестнул его. То результат Дуальности — желания, столь многочисленные столь разнообразные, великие настоль и расточительные, что человек стал судном без команды, плывущим по волнам желаний. Как только в вышину, где голова кружится волна поднимет, сразу же другая на дно спешит корабль тот увлечь. Ведь двойственны его желания, как сам он тоже в паре. Хоть,

кажется, они в противодействии, но истинно друг друга дополняют. Невежды думают, что бой идет меж ними, и перемирие невозможно ни на миг.

Вот тот потоп, с которым призван человек бороться час за часом, день за днем, всю жизнь свою, нелегкую из-за Дуальности.

Вот тот потоп, что вырывается из сердца, как фонтан, и вас потоком он своим смывает.

Вот тот потоп, чья радуга не воссияет в небе вашем, пока оно с землею не сочтется священнейшим союзом, пока они одним не станут.

С тех пор, когда Адам себя посеял в Еве, он пожинает в качестве плодов одни лишь ураганы, наводнения. Когда же страсти на земле бушуют, тогда и жизнь теряет равновесье, и люди утопают день за днем в водоворотах страсти, стремясь к восстановлению баланса. Однако же баланс тот будет восстановлен лишь тогда, когда соединит желанья человек в одно, Любви из них замесит тесто, а после хлеб Святого Пониманья испечет.

Потоп, что Землю наводнил в дни Ноя, не первым был и не последним, что человечеству известны. Он лишь установил высокую отметку среди потопов, что опустошали Землю. Потоп огня и крови, что скоро разразится, воистину отметку ту покроет. Готовы на поверхности остаться? Иль утонуть придется вам?

Увы! Вы слишком много груза на себя берете, увлечены стяжаньем удовольствий, что полны боли, слишком заняты строительством дорог, ведущих в никуда, поглощены вы сбором семян у Жизни на задворках, вам даже некогда взглянуть на Жизнь саму — пусть даже в скважину замочную. Как тут не утонуть, мои бездомные бродяги?

Вы рождены, чтоб в облаках парить, пересекать Пространство и крыльями Вселенную обнять. Но в клетку посадили вы себя, сидите взаперти у стойких убеждений, что ваши крылья подрезают, портят зрение и обонянье притупляют. Как сможете вы избежать грядущего потопы, мои бездомные бродяги?

Вы, образ Бога и подобие его, почти что уничтожили и образ, и подобие. Божественную высоту вы в росте, в развитии так задержали, что не сыщешь и следов ее. И лик божественный вы грязью забросали и спрятали под масками шутов. Как встретитесь лицом к лицу с той бурей, которой сами же вы дали волю, мои бездомные бродяги?

И если не услышите Мирдада, Земля для вас останется могилой, а Небо будет только покрывалом. Тогда как мать Земля должна быть колыбелью, а Небо тронном королевским стать должно для вас.

И вновь я повторю: вы — и потоп, вы и ковчег, и рулевой. И страсти ваши — тот потоп, а тело является ковчегом. И Вера вам указывает путь. Но через все проходит Воля. А Пониманье все объединяет.

Вам стоит убедиться, что ваш ковчег для плаванья пригоден, не нужно только тратить без остатка на это жизнь свою, иначе время действий так и не настанет, и проржавеет ваш ковчег, и он затонет, едва лишь будет спущен на воду. Удостоверьтесь, что капитан ваш знает, что и как, и что во время бури он спокоен. И первым делом отыщите вы истоки наводнений, и научите волю их вы постепенно осушать. Тогда потоп ослабнет, иссякнет навсегда.

Сожгите страсть дотла, пока не поздно, пока в пылу страстей вы сами не сгорели. И не заглядывайте страсти в рот, чтоб убедиться — клыки там или медом

смазанные губы. Пчела, нектар цветочный собирая, прихватит вместе с медом яд.

И не смотрите страсти вы в лицо, красиво ли оно или ужасно. Личина Змея-искусителя для Евы привлекательней была, чем Бога Лик небесный.

И на весы вы страсть не ставьте, чтоб вес ее установить. Кто станет сравнивать по весу корону с горною вершиной? А все ж корона тяжелее, чем гора.

На свете страсти есть, что гимны небу днем поют, а ночью кусают, жалят, спать вам не дают. И страсти есть, наполнены весельем, но присмотритесь только и поймете, что смех их порожден гримасой тою, что горе корчит. И страсти есть, приятные для глаз, манерны и послушны, грациозны, но обратятся вмиг они в голодных волков, коварней будут, чем гиены. Есть страсти, что сочатся ароматом розы, пока ты их не трогаешь, однако, как только их коснешься, смрад разложенья начинают источать.

Не разделяйте ваши страсти на добрые и злые — то напрасный труд. Добро без зла не существует, плохое пустит корни лишь в хорошем.

Едино Дерево Добра и Зла. Едиными являются плоды его. Не можете вы вкус Добра познать, одновременно не отведав Зла.

И грудь, что Жизни молоко дает, все та же, из которой Смерть сосете. Рука, что вашу колыбель качала, все та, что выроет могилу вам.

И такова, мои бездомные бродяги, Дуальности природа. Не будьте же тщеславны и упрямы, надеясь это изменить. Не будьте же наивны, пытаясь разделить на половины, чтоб взять с собою то, что вам по нраву, и выбросить другое.

Хотите приручить Дуальность вы? Тогда поймите, что нет хорошего и нет плохого.

Да разве жизни сок и смерти не прокис у вас во рту? И разве не пора вам рот прополоскать? И ни хорошим иль плохим, а тем, что превосходит их обоих. Да разве не пора вам возжелать плодов не сладких и не кислых, а тех, что с Древа сорваны другого, не с Древа Добра и Зла?

Вы от когтей Дуальности хотели бы освободиться? Тогда срубите дерево ее — то Древо Добра и Зла. И выкорчуйте без остатка, выньте ствол и ветви из сердца вашего, чтоб семя Жизни Бога-Человека, чтобы семя Святого Пониманья, что за пределами Добра и Зла, могло там прорасти.

«Безрадостно послание Мирдада», — воскликнет кто-нибудь из вас. «Лишить Мирдад нас хочет предвкушенья утра. Он хочет сделать нас немыми, безразличными свидетелями жизни, когда же мы хотим бороться шумно. Да, борьба сладка, не важно, что поставлено на карту. Сладка погоня, даже если цель недостижима».

Так говорите вы в сердцах, того не помня, что сердце это ведь совсем не ваше, пока Добро и Зло им управляют.

Хотите стать хозяином вы сердцу своему? Тогда угомоните страсти. Все доброе и злое все вы вместе соберите, замесите тесто на Любви, и в печь Святого Понимания поставьте, и испеките хлеб. Его отведав, увидите, что парадоксы все едины в Боге.

И не тревожьте мир, ведь он и так в тревоге.

Каким же образом вы сможете набрать воды прозрачной из колодца, в который постоянно мусор вы бросаете и грязь? И может ли вода в пруду быть чистой и прозрачной, когда мутят ее ежеминутно?

И не ищите вы покоя в тревожном мире, коль скоро не хотите Тревогу отыскать.

И не ищите вы любви в том, мире, где ненависть бушует, коль скоро не хотите вы

Ненависть найти.

И не стремитесь к жизни в мире, который умирает, коль не хотите Смерть на двор пустить. Ведь двусторонний мир ничем не может иным вам заплатить, как двустороннею монетой.

Однако стоит вам искать внутри себя то бесконечное Пространство, то самое Божественное «Я», что мирным Пониманием богато.

И не просите ни о чем, чего бы у себя не попросили. Не требуйте того, чего не позволяете другим потребовать от вас.

И что вы можете просить у мира, коль с миром вы в согласии живете, коль скоро с ним договорились, что он вам будет помогать преодолеть потоп и землю ту найти, которая навек рассталась с болью и с небом, с бесконечною Любовью божественным союзом сочеталась, и брак чей Понимание Святое благословило? Что просите вы — деньги, славу, власть? А может, то престиж и уваженье? А может, то амбиции короны или надежда, что сбылась? Но это-то и есть исток потопа вашего. Держитесь в стороне от них, мои бездомные бродяги, держитесь в стороне.

Остановитесь, успокойтесь, прозрачны будьте и чисты.

А будете чисты вы и прозрачны, увидите вы чистый и прозрачный, ясный мир.

Когда научитесь вы видеть ясно сквозь этот мир, тогда поймете, насколько бедно и бессильно то, что можете от мира получить.

Лишь тело ваше может дать вам мир — ковчег, в котором бороздите море жизни, разделенной пополам. Его не можете отдать вы никому. Вселенная ответственна за то, чтобы снабдить вас телом, поддерживать его, хранить в порядке и здоровье, чтоб могли вы потоп преодолеть, чтоб ваше тело было таким же стойким и непобедимым, каким у Ноя был ковчег. А вот зверей внутри на привязи держать и ими управлять, как Ной на привязи держал зверей и ими в совершенстве управлял — вот это дело ваше, только ваше.

И в сердце веру сохранять, что помогает видеть и бдение хранить, поставить у руля ту веру стойкую, что к Воле Всеединой вас приведет, к воротам сада райского, — вот это дело ваше, только ваше.

И волей твердой обладать, что капитаном вашим станет, желанием преодолеть и Время, и Пространство, стремлением вкусить плодов Святого Пониманья, которые на Древе Жизни зреют — и это дело ваше, только ваше.

Да, с Богом неразрывно связан Человек. Любое направление, кроме этого, не стоит и труда. И что с того, что путь ваш долог и буря с ног валит? Да разве Вера ваша, чистосердечная и востроглазая, вам не поможет бурю обойти?

Однако торопитесь. Ведь время то, что тратите вы на безделье, — то время боли и страданий. И даже те, кто занят целый день, с утра до вечера, на самом деле тянут время.

Да, говорю я вам, вы все строители и капитаны. Задание дала вам бесконечность, чтоб научились вы Вселенной океан бескрайний бороздить, которым вы являетесь по сути, и бытия безмолвную гармонию в нем отыскать, которая зовется Богом.

И должен центр быть, ведь из него расходится все и вокруг него вращается.

И если Человека жизнь циклична, и Бога в центре можно отыскать, тогда должны вы потрудиться, чтоб постоянно в центре быть, все остальное лишь бесцельное блужданье, хоть и пропитано малиновой испариной оно.

У Мирдада есть задача: Человека вести к его судьбе. Друзья, смотрите! Он

снарядил для вас ковчег прекрасный, заботливо построенный, с командой отличной. Не тот ковчег, что кое-как построен из досок и железа, предназначен для ящериц и птиц, но тот, который построен из Святого Пониманья, который станет маяком для ищущих Свободы. Его балластом будут не винные кувшины и еда, а сердце, полное любовью ко всему на свете. А груз его — не земли и жилища да всякий скарб, не золото и бриллианты, а души, теней лишённые, окутанные светом и свободой Пониманья.

Пусть тот, кто хочет отдать швартовы от Земли, кто хочет стать единым, кто жаждет сам себя преодолеть — садится на корабль.

Ковчег готов.

Попутный ветер.

Море тихо.

Так учил я Ноя.

Так учу я вас.

Собравшиеся стояли, не шелохнувшись, и слушали, затаив дыханье. Мастер замолчал, и шорох пронёсся по толпе.

Прежде чем спуститься с алтаря, Мастер призвал к себе Семерых, взял арфу, и они запели гимн Новому Ковчегу. Остальные подхватили мотив, и, ширясь и нарастая, к небу полетел благозвучный припев.

Бог — твой капитан, плыви, о мой Ковчег!

Так заканчивается та часть Книги, которую мне разрешено представить миру. Что до остального, то его час еще не настал.

М. Н.